

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт филологии
Кафедра русского языка

ТРЕТЬИ ФОРТУНАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В КАРЕЛИИ

Сборник статей

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2024

Рецензенты:

Е. А. Стародумова, доктор филологических наук, профессор
(Дальневосточный федеральный университет);

И. Н. Минеева, кандидат филологических наук, доцент
(Петрозаводское президентское кадетское училище);

А. В. Рожкова, кандидат филологических наук, доцент
(Петрозаводский государственный университет)

Научные редакторы:

Н. В. Патроева, А. А. Лебедев

Т666 **Третьи Фортунатовские чтения в Карелии** : сборник статей / [науч. ред.: Н. В. Патроева, А. А. Лебедев] ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2024. – 122, [2] с.

ISBN 978-5-8021-4181-6

В сборник вошли статьи, подготовленные по материалам докладов, апробированных на международной научной конференции «Третьи Фортунатовские чтения в Карелии», состоявшейся в Петрозаводском государственном университете 5–6 июня 2023 г. Помимо материалов, посвященных творческому наследию Ф. Ф. Фортунатова, читатель может найти много новых сведений из области сопоставительно-типологического языкознания, диалектологии, истории русского литературного языка, лингвистики и стилистики текста, грамматики, неологии и лексикографии.

Издание адресовано лингвистам, ученым и преподавателям высшей школы, аспирантам, студентам, а также всем интересующимся проблемами филологии.

УДК 81

ББК 81

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Патроева Н. В.</i> ТРЕТЬИ ФОРТУНАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В КАРЕЛИИ: ИТОГИ РАБОТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ	5
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Ф. Ф. ФОРТУНАТОВА И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ	
<i>Лазуткина Е. М.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СВЕТЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ Ф. Ф. ФОРТУНАТОВА	8
<i>Мокиенко В. М.</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ ПРОШЛОГО ВЕКА: ОПЫТ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ	12
<i>Сирота Е. В., Парахонько Л. В.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Ф. Ф. ФОРТУНАТОВА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ	16
<i>Храковский В. С.</i> ФОНОВЫЙ ТАКСИС	20
<i>Шмелева Т. В.</i> ВЫХОД В ДИСКУРСИЮ КАК АКТУАЛЬНЫЙ ТРЕНД СИНТАКСИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	24
<i>Старовойтова О. А.</i> «ВСЯК СУЩИЙ В НЕЙ ЯЗЫК...»: РУССКИЙ ЯЗЫК НОВОГО ВРЕМЕНИ О ХАРАКТЕРЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ XIX ВЕКА	27
РУССКИЙ ЯЗЫК В ЕГО РАЗВИТИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ	
<i>Брыкова А. А.</i> «УСТАВ ВЕКСЕЛЬНЫЙ» В СИСТЕМЕ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА: СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ	31
<i>Замальдинов В. Е.</i> АКТИВНЫЕ ДЕРИВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ	34
<i>Ильченко О. С.</i> КОГНИТИВНАЯ (ПРОСТРАНСТВЕННАЯ) ПАДЕЖНАЯ ГРАММАТИКА: <i>INSTRUMENTALIS</i> В ИНТРАНЗИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА	37
<i>Королева И. А.</i> К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ В СФЕРЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ	40
<i>Кривошапова Н. В.</i> ВКЛАД Ф. Ф. ФОРТУНАТОВА В ЭТИМОЛОГИЮ ОНИМА	44
<i>Маринова Е. В.</i> НОВЫЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОРМАНТ <i>ЦИФРО-</i> : СТАТУС В ЯЗЫКЕ, ФУНКЦИИ В РЕЧИ	46
<i>Смирнова Л. Г.</i> НОВЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИКА И КОННОТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ	48
<i>Шарихин Е. Ю.</i> СЕМАНТИКА НАРЕЧИЙ <i>АБРИСНО</i> , <i>СИЛУЭТНО</i> И <i>ЭСКИЗНО</i> В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	52
ЛИНГВИСТИКА И СТИЛИСТИКА ТЕКСТА	
<i>Димитриева О. А.</i> «ВИНО КАКОЙ СТРАНЫ ВЫ ПРЕДПОЧИТАЕТЕ В ЭТО ВРЕМЯ ДНЯ?»: О ПОЭТИКЕ ВИНОПИТИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ М. А. БУЛГАКОВА	56
<i>Дундукова А. М.</i> ЗООНИМЫ И ФИТОНИМЫ В РУССКОМ ДЕТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ КАРЕЛИИ: СОСТАВ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ	58
<i>Лебедев А. А.</i> ДИСТАНТНЫЙ ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПОВТОР В ПОЭЗИИ М. В. ЛОМОНОСОВА	62
<i>Мамедов А. А., Ладатко А. О.</i> СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ А. С. ПУШКИНА: РОЛЬ ПАРАМЕТРА «ОСНОВАНИЕ»	66
<i>Москин Н. Д., Лебедев А. А.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В АНАЛИЗЕ ВАРИАТИВНОСТИ СКАЗОЧНЫХ СЮЖЕТОВ	69

<i>Новоселова В. А.</i> ЭКСПРЕССИВНАЯ РОЛЬ СУФФИКСОВ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ В КОММЕНТАРИЙНО-ОЦЕНОЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ	74
<i>Орлицкий Ю. Б.</i> ПЕШКОВСКИЙ – ТЕОРЕТИК СТИХА И ПРОЗЫ	78
<i>Пушкарева Н. В.</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ПРОЗЕ ЭПОХИ ЭКРАННОЙ КУЛЬТУРЫ	83
<i>Радбиль Н. В.</i> ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВ, ВОПЛОЩАЮЩИХ КОНЦЕПТ «ПАТРИОТИЗМ», ПО ДАННЫМ КОРПУСНОГО АНАЛИЗА	86
<i>Радбиль Т. Б.</i> СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛА <i>СОСТОЯТЬСЯ</i>)	89
<i>Семаков В. В.</i> ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЕ <i>-ТЬ</i> В ТРЕТЬЕМ ЛИЦЕ ГЛАГОЛОВ В «ПОМОРСКИХ ОТВЕТАХ» (1723)	93
<i>Шипулина Г. И.</i> МЦЫРИ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ ЛЕРМОНТОВА: ЖИЗНЬ – СВОБОДА – СМЕРТЬ	95
<i>Ганцовская Н. С., Лидун Цинь</i> ГИПОТАКТИЧЕСКИЕ СКРЕПЫ И СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПАРЦЕЛЛЯТОВ С УСЛОВНЫМИ СОЮЗАМИ В ПЬЕСАХ А. Н. ОСТРОВСКОГО)	98
СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ДИАЛЕКТОЛОГИЯ	
<i>Калинин С. С.</i> О ВОЗМОЖНОСТИ ПИДЖИНИЗАЦИИ И (ДЕ)КРЕОЛИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-КАНАДСКОГО АБОРИГЕННОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	103
<i>Пащикова Т. В., Лебедев А. А.</i> К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ СОЮЗОВ И СОЮЗНЫХ СЛОВ В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ	106
<i>Климкова Л. А.</i> ДИАЛЕКТНОЕ СЛОВО КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	109
<i>Рассахатская М. В.</i> ВЫРАЖЕНИЕ ИНТЕНСИВНОСТИ В РЕЧИ ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ КОМПАКТНОГО ПРОЖИВАНИЯ УКРАИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ	113
<i>Тупикова Н. А., Стародубцева Н. А.</i> ИДЕИ Ф. Ф. ФОРТУНАТОВА И АСПЕКТЫ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКОНА ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЕЙ НА ТЕРРИТОРИЯХ БЫТОВАНИЯ ДОНСКИХ ГОВОРОВ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ	116
<i>Маркова Н. В.</i> ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЗАОНЕЖСКОГО ФОЛЬКЛОРНОГО ИДИОЛЕКТА	119

ТРЕТЬИ ФОРТУНАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В КАРЕЛИИ: ИТОГИ РАБОТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ¹

Научный форум, посвященный творческому наследию лингвиста с мировым именем Филиппа Федоровича Фортунатова, в третий раз прошел в столице Карелии г. Петрозаводске (первые и вторые чтения состоялись в 2018 и 2021 гг.²). В научном форуме 5–7 июня 2023 г., получившем широкую известность в России и за ее пределами, приняли участие всемирно известные специалисты в области истории русского и зарубежного языкознания, грамматики, сопоставительной и типологической лингвистики, диалектологии, лингвопоэтики, стилистики из ведущих академических учреждений и вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Воронежа, Волгограда, Донецка, Калининграда, Костромы, Нижнего Новгорода, Смоленска, Рязани, Чебоксар, ближнего и дальнего зарубежья – Приднестровской Молдавской Республики, Азербайджана, Республики Молдова, Венгрии и Китая.

«Имя Филиппа Федоровича Фортунатова тесно связано с историей карельской земли, и представляется очень ценным стремление кафедры русского языка сохранить и приумножить память о научных заслугах академика Фортунатова, чьи детские и юношеские годы прошли в Петрозаводске. Не случайно, что именно кафедра русского языка Петрозаводского государственного университета, известная широко за пределами России своими историко-грамматическими трудами и работами в области диалектологии и лингвофольклористики, стала главным организатором Фортунатовского форума, собирающего ведущих языковедов страны и мира», – отметил, открывая конференцию, проректор ПетрГУ по научно-исследовательской работе В. С. Сюнёв.

Соорганизаторами форума выступили Институт языкознания РАН (Москва), Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва), Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Северо-Европейский открытый научно-образовательный консорциум (СЕОНОК), Российское общество «Знание», Ассоциация преподавателей русского языка и литературы высшей школы (Руслитвуз).

Программный комитет чтений представлен яркими именами российских лингвистов: академики РАН В. М. Алпатов и В. А. Плунгян, члены-корреспонденты РАН С. А. Мызников и Ф. Б. Успенский, доктора филологических наук С. Т. Золян, М. Л. Ковшова, К. Г. Красухин, С. А. Крылов, И. Г. Милославский, В. М. Мокиенко, О. В. Никитин, Ю. Б. Орлицкий, Т. В. Пентковская, В. С. Храковский, Л. Л. Шестакова, Т. В. Шмелева. Организационный комитет конференции составили сотрудники кафедры русского языка ПетрГУ Н. В. Патроева (председатель), А. М. Дундукова, О. С. Казаковцева, А. А. Лебедев, Н. В. Маркова, З. И. Минеева, В. А. Новоселова, А. В. Рожкова, В. В. Семаков, директор Научной библиотеки ПетрГУ М. П. Отливанчик, под руководством и при деятельном участии которой в дни работы конференции была подготовлена выставка научных трудов Ф. Ф. Фортунатова и многих выдающихся ученых Московской лингвистической школы.

Пленарное заседание конференции открыли доклады видных представителей российского языкознания, известных в России и мире своими исследованиями в области истории лингвистических учений, грамматики, семасиологии, теории текста. Академик В. М. Алпатов (Институт языкознания РАН) посвятил свой доклад сходствам и различиям главных школ в истории русского языкознания, особое внимание сосредоточив на характеристике оформившейся благодаря деятельности академика Фортунатова Московской школе как предтечи структурализма, с ее особым интересом к форме слова, морфологической типологии, сравнительной фонетике и грамматике индоевропейских языков. С опорой на архивные источники профессор О. В. Никитин (Государственный университет просвещения, Москва) осветил особенности представления лекций Ф. Ф. Фортунатова по сравнительному языковедению в записях его ученика Д. Н. Ушакова. О. А. Волошина (Университет МГУ-ППИ, Шэньчжэнь, Китай) проанализировала терминологический спектр фортунатовской концепции сравнительной фонетики и грамматики, сопоставив его с метаязыком современной науки о языке (по данным лингвистических словарей). Е. М. Лазуткина (Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН), посвятившая свой доклад актуальным проблемам синтаксических исследований, рассматриваемым в аспекте штудий Фортунатова и его учеников, подчеркнула особый интерес главы Московской лингвистической школы начала XX в. к отражению в языке мыслительного процесса, а следовательно, к концептологическим, когнитивным исследованиям, в том числе на уровне «словосочетания»-предложения. Докладчики из Бельцкого государственного университета имени Алеку Руссо (Бельцы, Республика Молдова) Е. В. Сирота и Л. В. Парахонько размышляли о насущных задачах грамматического и сопоставительно-

типологического анализа в тесной связи с фортунатовскими идеями в области морфологии. М. Ю. Федосюк, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, в докладе «Место грамматических значений в теориях Ф. Ф. Фортунатова о грамматических формах слов и А. А. Потебни о внутренней форме слова» поделился своими идеями, касающимися истории категории рода и поисков этимона, мотивирующего родовую отнесенность имени существительного. В. С. Храковский (Институт лингвистических исследований РАН) представил существенные характеристики и примеры выражения в конструкциях обусловленности фонового таксиса, расширяющие наше представление об относительном времени в русском предложении. Типологии инфинитивных клауз посвятил свой доклад М. Я. Дымарский (РГПУ имени А. И. Герцена; Институт лингвистических исследований РАН). Т. В. Шмелева (НГУ имени Ярослава Мудрого) выступила с докладом «Выход в пространство дискурсии как актуальный тренд синтаксических исследований». Е. В. Рахилина (Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, НИУ ВШЭ, Москва) рассказала о некоторых механизмах области фразообразования на материале литературных памятников русского языка XIX в. Н. В. Патроева (ПетрГУ) посвятила свое выступление вопросу о взаимосвязи синтаксиса и теории красноречия в лингвистической традиции, риторическим приемам в российских грамматиках XVII–XIX вв. С. Т. Золян (Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград) предложил анализ метафорического и метонимического употребления местоимения *я* в художественном и нехудожественном дискурсах. О судьбе терминологической дихотомии «словообразование vs словоизменение» в послефортунатовскую эпоху рассказал участникам конференции С. А. Крылов (Институт востоковедения РАН, Москва).

Значительная часть докладов пленарного заседания 5 июня была посвящена проблемам изучения лексической системы русского и других языков мира: ведущий специалист в области славянской фразеологии В. М. Мокиенко (СПбГУ) представил опыт лексикографирования фразеологических неологизмов XX в.; известный автор лексикографических трудов в области русской паремииологии М. Л. Ковшова (Институт языкознания РАН) проанализировала использование терминов заместительного родства в русских загадках, пословицах и идиомах; Л. Л. Шестакова (Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН), руководитель научного коллектива создателей «Словаря языка русской поэзии XX века», поделилась опытом составления системы грамматических помет в авторском словаре тезаурусного типа. Новой иноязычной лексике в русском и венгерском языках XIX в. (на материале словарей 1865 г. А. Д. Михельсона и Кальмана Бабоша) посвятили свой доклад С. Янурик (Будапештский университет имени Лоранда Этвеша) и И. Б. Дягилева (Институт лингвистических исследований РАН). Большой интерес участников пленарного заседания вызвали доклады к 150-летию Д. Н. Ушакова: «К проблеме соотношения принципов историзма и нормативности в русской толковой лексикографии: исторический аспект (А. А. Шахматов vs Д. Н. Ушаков)» М. Н. Приемышевой (Институт лингвистических исследований РАН) и «Динамический аспект описания фразеологической системы в “Толковом словаре русского языка” под редакцией Д. Н. Ушакова» Е. В. Генераловой (СПбГУ).

На секционных заседаниях 6 июня, посвященных «Дню русского языка», прозвучали доклады об истории грамматических и лексических феноменов на материале памятников XVII–XVIII вв. и новейших явлениях русской речи (секция «Русский язык в его развитии и функционировании»), проблемах анализа диалектной системы (секция «Диалектология и ареальная лингвистика») и разных стилевых сфер русского языка в широкой диахронической перспективе (секция «Историческая стилистика, лингвопоэтика, медиалингвистика»), сопоставительно-типологической лингвистике (секция «Сравнительное и типологическое языкознание»).

При обсуждении итогов участники «Третьих Фортунатовских чтений в Карелии» подчеркнули важность проведения международных форумов, посвященных выдающимся языковедам прошлого и приумножающих лучшие традиции российской и мировой лингвистической мысли.

В ходе конференции ее участники посетили недавно возведенный мемориал на могиле академика Ф. Ф. Фортунатова в карельской деревне Косалме и сектор редкой книги Научной библиотеки ПетрГУ.

Статьи, написанные по материалам прозвучавших на конференции пленарных и секционных докладов, опубликованы в «Ученых записках Петрозаводского государственного университета» и в предлагаемом вниманию читателей данном сборнике³.

Примечания

¹ См. подробнее: Патроева Н. В. Третьи Фортунатовские чтения в Карелии : итоги работы международной научной конференции // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2023. Т. 45, № 6. С. 122–123.

² См. хроники первых двух чтений: Козакова А. А. Международная научная конференция «Фортунатовские чтения в Карелии» (10–12 сент. 2018 года, Россия, Петрозаводск) // Известия Южного федер. ун-та. Филологические науки. 2018. № 4. С. 256–257; Никитин О. В. Международная научная конференция «Фортунатовские чтения

в Карелии» / О. В. Никитин, Н. В. Патроева // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78, № 2. С. 75–79; *Никитин О. В.* Вторые Фортунатовские чтения в Карелии / О. В. Никитин, Н. В. Патроева // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2021. № 20 (9). С. 117–121; *Никитин О. В.* Научное наследие Ф. Ф. Фортунатова и актуальные проблемы современного языкознания : обзор докладов «Вторых Фортунатовских чтений в Карелии» / О. В. Никитин, Н. В. Патроева // Вторые Фортунатовские чтения в Карелии : сб. докладов нац. (с междунар. участием) науч. конф. (3–4 июня 2021 года, г. Петрозаводск) / [науч. ред.: Н. В. Патроева, А. А. Лебедев]. Петрозаводск, 2022. С. 5–8.

³ Материалы первой и второй конференций см.: Фортунатовские чтения в Карелии : сб. докладов междунар. науч. конф. : в 2 ч., Петрозаводск, 10–12 сент. 2018 года / под ред. Н. В. Патроевой ; предисл. Н. В. Патроевой, О. В. Никитина. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2018. Ч. 1. 320 с.; Ч. 2. 108 с.; Вторые Фортунатовские чтения в Карелии : сб. докладов нац. (с междунар. участием) науч. конф. (3–4 июня 2021 года, г. Петрозаводск) / [науч. ред.: Н. В. Патроева, А. А. Лебедев]. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2022. 88 с.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Ф. Ф. ФОРТУНАТОВА И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Е. М. ЛАЗУТКИНА ©

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия

lazutklena@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СВЕТЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ Ф. Ф. ФОРТУНАТОВА

Статья посвящена актуальным проблемам синтаксиса. Автор видит преемственность традиций отечественного языкознания XIX–XX вв. и XXI в. в понимании языка как когнитивного феномена, в функциональном подходе к изучению грамматики. В статье показывается, что структурно-функциональное и когнитивно-прагматическое направления функциональной лингвистики тесно связаны, что семантическая структура предложения является центральной областью для исследования синтаксиса и концептуального анализа.

Ключевые слова: теория языка, функциональная лингвистика, синтаксическая семантика, концептуальный анализ.

Lazutkina Elena Mikhailovna, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

lazutklena@yandex.ru

Current problems of modern syntactic research in the light of F. F. Fortunatov's grammatical views

The article deals with problems of syntax in modern linguistics. The author sees the continuity of the traditions of domestic linguistics of the XIX–XX centuries and XXI centuries in understanding language as a cognitive phenomenon, in a functional approach to the study of grammar. The paper shows that the structural-functional and cognitive-pragmatic directions of functional linguistics are closely related, that the semantic structure of the sentence is a central area for research into syntax and conceptual analysis.

Keywords: language theory, functional linguistics, syntactic semantics, conceptual analysis.

1. Грамматические воззрения Ф. Ф. Fortunatova изложены в его лекции «О преподавании русского языка в средней школе», прочитанной на съезде преподавателей русского языка в военных учебных заведениях 27 декабря 1903 г. Ф. Ф. Fortunatov считает необходимым изменить направление преподавания русского языка в школе, он подчеркивает, что язык – мыслительное образование: «В действительности явления языка по известной стороне сами принадлежат к явлениям мысли. Язык в процессе нашей устной речи, когда мы говорим, выражая наши мысли, существует потому, что он существует в нашем мышлении» [20, с. 377]. Вопрос о направлении учебного курса русского языка в школе волновал также А. А. Потебню, который считал, что «вопросы, не имеющие непосредственного так называемого житейского значения (каков *исчерпывающий все языковедение вопрос об отношении мысли к слову*), не объясняются школою» [18, с. 12].

Научное знание о языке в его отношении к мышлению – этот вопрос был задан как главный аспект языкознания уже в 40–50-х гг. XIX в. идеями Ф. И. Буслаева о существовании «логики самого языка», его убеждением о необходимости соединения языкознания с философией языка [7, с. 18]. Близкие суждения высказывали К. С. Аксаков («мышление самого языка, выражающееся в различных формах» [1, с. 530]) и А. А. Потебня («Каждая форма на своем месте. Каждая соответствует определенным требованиям мысли говорящего» [17, с. 113]).

О. Н. Селиверстова считает, что лингвисты психологической школы конца XIX и начала XX в. разработали теорию языкового значения: они трактовали значение языковой единицы как концепт, «т. е. явление принципиально отличное от денотативной отнесенности». Она признает справедливыми их «прозрения о том, что эти концепты соответствуют не уровню восприятия, а сформировались на более высоком уровне обработки и переработки (пересмысления) получаемой извне информации» [19, с. 21–24]. О глубине разработки данной темы свидетельствует и высказывание основателя отечественной семасиологии М. М. Покровского, ученика Ф. Ф. Fortunatova: «Для понимания семасиологических явлений необходимо постоянно иметь в виду и психологию, и историю» [15, с. 32]. Русский философ середины XIX в. П. Д. Юркевич в значении современного термина «концепт» употребляет слово «идея», которое он трактует как сущностное явление вещи [24, с. 12]. Появление в XX–XXI вв. когнитивных исследований и новой терминологии не опровергает главные научные положения теории языка в его отношении к мышлению, которую разрабатывали отечественные ученые в XIX и начале XX в., и в значительной степени подтверждает жизненность этой теории.

Ф. Ф. Фортунатов говорит о синтаксисе как о пространстве образования смысла: «Главное внимание учащихся сосредоточивается на значениях, принадлежащих различным формам языка, и, следовательно, на отношении языка к мышлению; поэтому в преподавании русской грамматики в старших классах школы **особенно видное место должен иметь отдел синтаксиса**» [20]. Эта точка зрения Фортунатова созвучна положениям современной лингвистики: существование синтаксических единиц обусловлено процессами концептуализации, категоризации мира человеком, синтаксические образцы передают информацию непреднамеренно.

Ф. Ф. Фортунатов употребляет термин «словосочетание» в двух значениях: это соединение главенствующего слова с зависимым и синтагматическая последовательность языковых элементов в рамках простого предложения: «то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом, будет ли это выражение целого психологического суждения или выражение его части».

Если Фортунатов трактует грамматическую форму как выражение формами языка отношения некоего предмета мысли к другому предмету мысли, то Н. Н. Дурново уже изменяет фокус научного интереса при изучении синтаксиса: переходит от акцента на связи форм слов с содержанием мысли говорящего к наблюдению над связями форм слов с другими словами в предложении. И. Н. Кручинина пишет по этому поводу: «Абакумов прав, упрекая Дурново в сведении выдвинутой Фортунатовым проблемы словоизменения как проблемы *отношения слова к мысли* к проблеме *отношения слова к слову*, потому что при этом из виду упускалась эйдетическая сторона слова» [10].

2. Направления современных функциональных исследований: структурно-функциональное и когнитивно-прагматическое. Методология исследования синтагматики языковых единиц обусловлена их системным предназначением. Следовательно, синтаксис предложения представляет собой конгломерат функций – функций форм слов, языковых категорий имени и глагола, семантических категорий предложения, макросемантических разрядов лексики как парадигматических рядов. Ср. замечание А. В. Бондарко: «Исходные функции отдельных единиц (элементов языковой системы) реализуются в речи в рамках функции, выполняемой комплексом средств. Функции каждой из единиц по существу приходится восстанавливать» [6, с. 207].

В современной русистике словосочетание рассматривается как способ реализации лексического значения главенствующего слова, т. е. как «расширенное наименование кусочка действительности» и как фрагмент предложения. Обе трактовки восходят к работам В. В. Виноградова середины прошлого века [8].

Первое определение легло в основу теории подчинительных связей слов Н. Ю. Шведовой, изложенной в разделе «Подчинительные связи слов» в «Русской грамматике». Согласно этой концепции, слова при актуализации в речи для выполнения номинативной функции восполняют свою информативную недостаточность путем присоединения других слов и форм слов. Распространение господствующего члена словосочетания обусловлено его категориальными лексико-грамматическими свойствами и индивидуальным лексическим значением [21, с. 15–16; 22].

Однако, оставаясь на уровне словосочетания, не всегда возможно объяснить закономерности синтаксического распространения слов; не удастся выработать критерии разграничения сильных и слабых связей. Мы считаем, что словосочетание – недостаточная исследовательская база при выработке рекомендаций для толковых словарей, где словарные статьи должны служить руководством при составлении правильных фраз. В процедуру анализа семантики предикатных слов необходимо включать рассмотрение «левой валентности», т. е. учитывать характеристики независимой семантической категории предложения – категории субъекта. Вследствие этого анализ сочетаний слов следует проводить на уровне структуры предложения, где вопрос о теме-субъекте как главном конструктивном элементе предложения перерастает в проблему композиционной семантики предложения и соответствия типов имен типам предикатов.

3. Типы распространенных лексикографических ошибок.

1. Не указывается обязательная синтаксическая связь слова, в том числе вариативная связь; например: **ПРОСПАТЬ** *что; как долго или до какого времени. Проспал час. Проспал до утра.*

2. Синтаксическая помета не разграничивает диатезные корреляции. Ср. недостаточный грамматический комментарий и разнородные иллюстрации глагола **ЗАПОЛНИТЬ** *что: заполнили ров водой; вода заполнила ров.* Следует привести в словарной статье два значения глагола – двухвалентного (*заполнили ров водой*) и его деривата – одновалентного глагола (*вода заполнила ров*).

3. Словарь не различает разные значения глагольной лексемы. У глагола **НАЛИТЬ** следует выделить два значения: а) **НАЛИТЬ** *что чем: налить ведро водой* и б) **НАЛИТЬ** *что/чего во что: налить воду/воды в ведро.*

4. Не указываются ограничения в употреблении форм категории лица глагола. Следует указывать: 1-е и 2-е л. ед. ч. не употребляются; например: **ПЕРЕВЕСТИСЬ 2** (-еюсь, -едёшься, **1-е и 2-е л. ед. ч. не употр.**), -едётся; -ёлся, -елась; -ведшийся; сов. (разг.). Израсходовать, исчезнуть (чаще с отрицанием). *Не перевелись ещё*

рыцари || несов. переводиться (-ожусь, -одишься, 1-е и 2-е л. ед. не употр.), -одится. *Старуха его работала санитаркой в больнице, поэтому спирт у них никогда не переводился и никогда не переводился зря* (С. Соколов).

5. Не указывается обязательный компонент предложения. Ср. разную значимость форм слов в Тв. п.:

– *Мы работали в огороде лопатами, граблями, тяпками* (слабое управление).

– *Мы наполняли ящики яблоками, грибами, вареньем и мёдом* (сильное управление; событийный глагол обуславливает пропозитивную семантику имен в Тв. п.).

6. При описании значения глаголов лексикографы указывают значение имени в позиции субъекта, в зависимости от имеющегося у них иллюстративного материала. Так, при описании значений глаголов локально направленного действия обычно указывают: *о свете, о воздухе, о дыме, о запахе*; например: *Аромат дыни занял все комнаты; Река залила луга*. Однако для выявления синтаксически значимой семы, обобщающего компонента значения имен в субъектной позиции, необходим анализ композиционной семантики модели предложения и ее дериватов. Только в этом случае может быть выявлен макросемантический разряд имен в субъектной позиции, дающий название концепту: «субстанция, способная к самостоятельному перемещению».

4. Когнитивно-прагматическое направление функциональной лингвистики представляют логический анализ языка, концептуальный анализ и дискурсивный анализ.

Зависимость синтаксической значимости слов не только от их лексических значений, но и от значения всего предложения первым обосновал И. И. Мещанинов [14, с. 18]. Важным научным открытием стало понятие **синтаксической позиции формы слова**, которое ввел в теорию синтаксиса профессор Московского университета Т. П. Ломтев в 1958 г. Он назвал форму слова главной единицей смысловой организации предложения [13, с. 22]. Синтаксическая позиция имеет содержательные характеристики высокой степени абстракции, выявляет одинаковые функциональные свойства у разных классов лексики, представляющих концепты, и обнаруживает неочевидные парадигматические отношения.

Таким образом, центральной областью семантико-синтаксических исследований и концептуального анализа является предложение. Концепт – квант коллективного языкового сознания, часто не осознаваемый носителями языка. Ср. вывод Н. Н. Болдырева: «Концепт является результатом и теоретического, и обыденного сознания, фрагментом любого познавательного опыта и поэтому может включать любые, и существенные, и несущественные, характеристики объекта» [5, с. 170]. Мы даем следующее определение: **концепт** – мыслительная категория, служащая операционным элементом в процессах познания-общения и находящая свое представление в категориальной семантике языковых единиц разного уровня; например: *В основе значения собирательных существительных лежит концепт «множество»*.

Исследования по выявлению концептов базируются на принципах функциональной лингвистики, для которой главным является постулат о том, что «языковая форма всегда, в конечном итоге, мотивируется смыслом», в которой «ставится задача построения объяснительной науки о языке»; применяется «моделирование деятельности носителя языка» [2, с. 149–150]. Автор теории речевых актов Дж. Сёрль, изучая вопросы использования системных возможностей языка, пришел к заключению, совпадающему с принципами функциональной лингвистики и когнитивистики: «Речь должна идти о проблеме объяснения не интенциональности в терминах языка, а наоборот, языка в терминах интенциональности» [25, с. 5].

Концептуальный анализ становится главным направлением когнитивных исследований в конце XX и в начале XXI в. См., например, работы лингвистов Центра когнитивных исследований Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, сотрудников группы «Логический анализ языка» Института языкознания РАН; см. также: [12; 2; 23]. Так, З. Д. Попова считает, что грамматическую систему языка организуют синтаксические концепты. Свою теорию она подкрепляет анализом разных концептуальных полей и, в частности, анализом предложно-падежных именных словосочетаний, количество которых начиная с XVIII в. неизменно растет, и их функции расширяются [16, с. 139–145]. Исследование синтаксических конструкций в рамках теории полевой организации грамматических категорий также стало довольно популярной в конце XX и в начале XXI в.; см. например: [9, с. 76–99].

Н. Д. Арутюнова определяет «пространство» концептуального анализа – взаимодействие именных и глагольных категорий: «Концепты, моделирующие кванты происходящего, формируются на перекрестке именных и глагольных категорий [4, с. 404]. Ср. близкую точку зрения Е. С. Кубряковой: «[концептуальный анализ] позволяет определить **сочетаемость** формы с другими формами языка, которые, чтобы отвечать требованиям их **правильно-оформленности** в данном языке, должны отвечать нормам их согласования с концептуальной структурой единицы, вступающей с ней в тот или иной тип связи (т. е. нормам так называемой **композиционной семантики**)» [11, с. 51–52].

Для обнаружения концептов успешно применяется гипотетико-дедуктивный метод, который восходит к методу эксперимента Л. В. Щербы, – метод моделирования. Он заключается в создании мыслительного конструкта сигнификативного ядра предложений с перечнем определенных черт, который дает возможность выявить синтаксические модели предложений и разряды лексики, которые представляют концепты.

➤ Мыслительный конструкт сигнификативного ядра моделей предложений с глаголами локально направленного действия строится на основе их инвариантного значения – «направленное действие-движение на объект, имеющее своим следствием итоговую смежность средства воздействия с объектом», – и содержит следующие члены: *субъект действия, предикат, объект* (имя в Вин. п. со знач. места) и *косвенный объект* (имя в Тв. п. – средство, каузатор). Такие черты в моделях предложений обнаруживают более 1400 глаголов, принадлежащих к 11 лексико-семантическим группам; например: *Мы окружили дом сиренью; Вода заливает посевы; Девушка надушилась; Ветки заиндевели; Дорогу замело*. Выраженность всех «участников» события заставляет считать модель с двухвалентным глаголом исходной в деривационной сети (*Мы окружили дом сиренью*). Эта деривационная сеть является способом репрезентации функционально-семантической категории глаголов «синтагматический класс». Если функционально-семантическая категория «диатеза» объединяет гомоморфные глаголы, то категория «синтагматический класс» объединяет глаголы разных лексико-семантических групп, т.е. представляет собой категорию более абстрактного уровня – метаязыковую категорию, когнитивный феномен, коммуникативный стереотип [12].

➤ Для описания концепта «уступительные отношения» и выявления всех структурных типов предложений Юань Мяосюй создает мыслительный конструкт уступительности. «Параметры этого мыслительного конструкта таковы: 1) препятствующее, но недейственное основание; 2) предполагаемое (ожидаемое) следствие; 3) фактическое следствие, противоположное ожидаемому». «Говорящий или подчеркивает противоречие между определенными ситуациями, или акцентирует фактические следствия» [23, с. 32–33].

Сложность анализа предложений, обозначающих разные виды отношений логической обусловленности, состоит в том, что лингвист не может опереться на параметры реальной ситуации: в действительности уступительных отношений не существует, а строение предложения зависит от точки зрения говорящего, от его эпистемической оценки (см. пример уступительного предложения: *Хотя дикция у певцов была отменная, но иногда сам тип мелодии или оркестровая фактура не позволяли расслышать полностью текст*; газ.).

Список литературы

1. Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. Т. 2. Ч. 1. Сочинения филологические. Москва, 1875.
2. Алтатов В. М. Структурализм и современная лингвистика // Вестник Института востоковедения РАН. 2018. № 5. С. 146–150.
3. Алтабаева Е. В. Проблемы когнитивного описания категории оптативности в современном русском языке // Проблемы русистики в аспекте современных научных направлений : кол. монография. Тамбов, 2017. С. 10–48.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Москва : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
5. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка = Language and the system of knowledge. A cognitive theory of language. Москва : ЯСК, 2018. 480 с.
6. Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. Москва : ЯСК, 2012. 518 с.
7. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка : в 2 ч. Ч. 2. Синтаксис. Москва : Юрайт, 2018. 328 с.
8. Виноградов В. В. Словосочетание как предмет синтаксиса. Взаимодействие грамматических категорий и лексических значений слов в формах словосочетаний // Грамматика русского языка. Т. 2. Ч. 1. Москва, 1954.
9. Всеволодова М. В. Поля, категории и концепты в грамматической системе языка // Вопросы языкознания. 2003. № 3. С. 76–99.
10. Кручинина И. Н. Формирование научного представления о грамматических свойствах слова // Русский язык в национальной школе. 2015. № 2. С. 3–16.
11. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка : когнитивные исследования. Москва : Знак, 2012. 203 с.
12. Лазуткина Е. М. Скрытый концепт обнаруживают синтаксические отношения // Русское слово в русском мире. Москва ; Калуга, 2004. С. 134–149.
13. Ломтев Т. П. Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц : (о понятии позиции в теории синтаксиса) // Филологические науки. 1960. № 4. С. 15–28.
14. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Ленинград, 1978. 387 с.
15. Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. Москва : Юрайт, 2018. 378 с.

16. *Попова З. Д.* Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. Воронеж, 2009. 210 с.
17. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике : в 4 т. Т. 1–2. Москва : Учпедгиз, 1958. 536 с.
18. *Потебня А. А.* Слово и миф. Москва : Правда, 1989. 622 с.
19. *Селиверстова О. Н.* Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 12–26.
20. *Фортуатов Ф. Ф.* О преподавании русского языка в средней школе : (лекция, прочитанная на съезде преподавателей русского языка в военных учебных заведениях 27 дек. 1903 г.) // Труды Первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях. (22–31 дек. 1903 г.). Санкт-Петербург, 1904. Приложение II. С. 371–404.
21. *Шведова Н. Ю.* Подчинительные связи слов и словосочетания // Русская грамматика. Т. 2. Москва, 1980.
22. *Шведова Н. Ю.* Русский язык : избранные работы. Москва : ЯСК, 2005. С. 143–153.
23. *Юань Мяосюй.* Способы выражения уступительных отношений в публицистическом стиле современного русского литературного языка. Москва : Спутник+, 2012. 146 с.
24. *Юркевич П. Д.* Идея // Юркевич П. Д. Философские произведения. Москва, 1990.
25. *Searle J.* Intentionality. Cambridge University Press, 1983.

В. М. МОКИЕНКО©

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

mokienko40@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ ПРОШЛОГО ВЕКА: ОПЫТ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ¹

В статье предлагается анализ фразеологических неологизмов прошлого века, зафиксированных и описанных в русских академических выпусках неологии с 1950 по 2000 г. Опыт такого лексикографирования ценен как последовательным отбором новых фразеологизмов, так и их точной семантизацией и лингвистической квалификацией. Модель описания демонстрируется на примере семантического поля «Множество».

Ключевые слова: неология, неологизм, фразеологизм, фразеологический неологизм, словари неологии русского языка.

Mokienko Valerij Michajlovicz, Sanct-Petersburg State University, Russia
mokienko40@mail.ru

Phraseological neologisms of the past century: experience of lexicography

The article offers an analysis of phraseological neologisms of the last century, recorded and described in Russian academic issues of neology from 1950 to 2000. The experience of such lexicography is valuable both in the consistent selection of new phraseological units, and in their precise semantization and linguistic qualification. The model of such a description is demonstrated on the example of the semantic field "Multitude".

Keywords: neology, neologism, phraseological unit, phraseological neologism, dictionaries of neologisms of the Russian language.

Отечественная академическая лексикография накопила ценнейший опыт комплексного описания неологизмов русского языка. Концепция неологии, разработанная ее патриархами – Ю. С. Сорокиным и Н. З. Котеловой, выдержала испытание временем и продолжает реализовываться и осовремениваться. Свидетельством этому является возрожденная серия «Новое в русской лексике» (2016–2022), описывающая наши неологизмы последних лет и – в обратном порядке – новую лексику и фразеологию предыдущих лет, остававшуюся до недавнего времени без лексикографической обработки. Одним из важнейших оригинальных жанров общей и русской неологии стали так называемые десятилетники «Новые слова и значения», позволившие синтезировать наиболее устойчивый языковой материал прошедших десятилетий (1950, 1960, 1970, 1980, 1990). В них имплицитно учитывается частотность русских неологизмов конкретного периода и, в какой-то мере, их «долговечность». Столь ценный многолетний опыт отечественной неологии заслуживает пристального внимания в новых условиях, когда компьютерные технологии и существующие национальные корпуса значительно расширили возможности поиска материалов и сделали намного более точной их хронологизацию.

Поиск первоисточника неологизма может обнаружить справедливость древнего афоризма о том, что новое – это хорошо забытое старое. Особенно такие констатации позволяют подтверждать фразеологический материал. Так, грубо-просторечное выражение *открывать (разевать) / открыть (разинуть) варежку* ‘начинать говорить, кричать’, ‘зазеваться, стать невнимательным, рассеянным’ было квалифицировано составителями академических

словарей русской неологистики 50–80 гг. прошлого века как неологизм с комментарием: «В народной речи *открыть варежку* – ‘стать невнимательным, зазеваться’» расширили возможность поиска [7, с. 36]. Аналогичный диалектизм тем не менее был зафиксирован еще в XIX в. и имеет глубокие славянские корни [5].

Может возникнуть вопрос: а справедлив ли критерий неологизации, выработанный нашей академической неографией, если при этимологическом, ареалогическом и сопоставительном анализе абсолютность новизны лексем или фраземы можно релятивизировать, обладая мощными ресурсами современной лексикографии? Ответом может быть давно себя оправдавший постулат общей лексикографии: любой критерий отбора описываемого в конкретном словаре материала справедлив, если он последовательно выдержан от первой до последней вокабулы. Для русской академической неологической лексикографии, организованной на основе концепции Н. З. Котеловой и ее последователей, давно уже характерен чисто прагматический подход: слово или фразеологическая единица (ФЕ), не зарегистрированные в предыдущих словарях (особенно толковых), считаются новыми [3]. Вот почему давно известные, но не зарегистрированные прежде в таких словарях языковые единицы – диалектные, разговорно-просторечные или жаргонные, а также многие перифразы вполне оправданно квалифицируются и в ежегодниках, и в десятилетниках как неологизмы.

При этом критерий неологичности не препятствует более детализированному анализу каждого языкового факта и поискам его первоисточника. Тем самым соотношение принципов историзма и нормативности (М. Н. Приемышева) вполне актуально не только для русской толковой лексикографии, но и для неографии. Его можно понимать и как процесс адаптации разговорно-просторечной или жаргонной лексики и фразеологии литературным языком, что и запечатлевается их включением в толковые словари. «Донеологическая» их жизнь – одна из задач исследователей современной неологии.

В «Идеографическом словаре русской фразеологической неологии: динамика языка и мышления», поддержанном грантом РФ (рук. проекта В. М. Мокиенко, составители Е. В. Генералова, Е. С. Громенко, Н. Д. Игнатьева, Н. А. Росова, Е. И. Селиверстова), мы также обнаруживали истоки фразеологической неологии именно в прошлом веке, когда процесс демократизации вызвал мощное проникновение экспрессивной лексики и фразеологии в язык литературы и средств массовой информации. И в рамках той или иной идеографической подгруппы достаточно четко выявляется эта ретроспективная синхронность. При этом, конечно, «разгон» фразеологической неологизации фактически начинался раньше – уже с середины прошлого века.

Представим в этом русле материал, характеризующий концепт «Множество». В традиционной русской и иноязычной идиоматике и экспрессивной лексике он, как известно, весьма активен и представлен большим количеством языковых единиц [1; 4 и др.]. В неологической фразеологии представление о «Множестве» не столь семантически концентрировано, как в традиционной идиоматике, и имплицитно может включать в себя и другие семантические зоны. Вот как выглядит предлагаемая в Проекте словарная статья с семантическим стержнем «МНОГО»:

МНОГО

■ *О множестве кого-, чего-л.*

ВАГОН И МАЛЕНЬКАЯ ТЕЛЕЖКА [кого, чего]. *Шутл. Разг.* Очень много. – СНС 50–80, 116; Химик 1, 87.

С ПОЛНУЮ ГОРСТЬ [кого, чего]. *Разг.* Много. – НРЛ-83.

ПОД (САМУЮ) ЗАВЯЗКУ [кого, чего]. *Разг.* Очень много, полностью, до конца. – СНС 50–80, 227; Химик 1, 267.

ВЫШЕ КРЫШИ. *Разг.* Очень много, с избытком, сверх нормы, некуда девать. – НРЛ-87, 123.

С ШАПКОЙ. *Разг. проф.* Немного выше краев, с верхом (о наполненности чем-л. сыпучим). – НСЗ-80, 881.

ДО ЕДРЕНИ ФЕНИ кого, чего. *Вульг.-прост.* Очень много, уйма кого-л., чего-л. – Химик 2, 390.

ДО БАЛДЫ кого, чего. *Разг.* Очень много. – НСЗ-90, 127.

НИКАКИХ СЧЕТОВ НЕ ХВАТИТ кого, чего. *Разг.* Не перечесть, очень много. – НРЛ-78, 219.

НА РУБЛЬ ВЕРЕЙКА кого, чего. *Прост.* О ком-, чем-л. малоценном, недостойном внимания и представленном в большом количестве. – Квеселевич 2003, 604.

■ *О множестве, обилии чего-л. съеденного или выпитого.*

ВСЁ, ЧТО НЕ ПРИКОЛОЧЕНО (есть/съесть, лопать, молотить и др.). *Шутл.* Есть много, в больших количествах. – СРН 2018, 105.

ДО ОПУЗЫРЕНИЯ. *Прост.* Слишком много (есть, пить). – НРЛ-81, 150; Квеселевич 2003, 541.

ДО УСРАЧКИ. *Вульг.* Очень много; в высшей степени, до предела. – Квеселевич 2003, 889; Химик 2, 380.

КИШКУ БИТЬ (ТРАМБОВАТЬ). *Жарг.* Есть много и жадно. – Квеселевич 2003, 333.

■ *О множестве денежных средств.* См. также **БОГАТЫЙ**.

ДУРНЫЕ ДЕНЬГИ. *Прост.* Об огромных суммах денег. – Квеселевич 2003, 170.

ПО КРУПНОЙ. *Разг.* В больших размерах, много.

ЗАКОЛАЧИВАТЬ/ЗАКОЛОТИТЬ (ЗАШИБАТЬ/ЗАШИБИТЬ, НАМОЛАЧИВАТЬ, РУБИТЬ...) БАБКИ (БАБЛО, БАБУЛЬКИ...). *Жарг.* Активно добывать, доставать, зарабатывать деньги (обычно много), часто для какой-л. цели. – Химик 1, 33.

РУБЛИ ЗАКОЛАЧИВАТЬ. *Разг. Неодобр.* Зарабатывать много, жадно. – НРЛ-85, 86.

СБИВАТЬ/СБИТЬ (НАВАРИВАТЬ/НАВАРИТЬ, РУБИТЬ/СРУБИТЬ, НАРУБИТЬ, СТРИЧЬ...) БАБКИ (БАБОК). *Жарг.* Активно добывать, доставать, зарабатывать деньги (обычно много), часто для какой-л. цели. – Химик 1, 33; СРН 2018, 32.

Ср. заколачивать/заколотить бабки.

СРУБИТЬ (НАРУБИТЬ, НАВАРИТЬ) БАБЛА. *Жарг.* Активно добывать, доставать, зарабатывать деньги (обычно много), часто для какой-л. цели. – Химик, 1, 133.

Ср. заколачивать/заколотить бабки.

ОТСЛЮНЯВЛИВАТЬ/ОТСЛЮНЯВИТЬ ДЕНЬГИ (ДЕНЕГ). *Разг. Ирон.* Давать много денег. – СРН 2018, 135.

■ *О множестве забот, неотложных дел, неприятных событий.*

КАК НА КОБЕЛЕ БЛОХ *чего.* *Грубо-прост.* Очень много чего-л. (обыкн. о чем-л. нехорошем, предосудительном и т. п.). – Квеселевич 2003, 338.

ДО УЖАСА. *Разг.* Очень, в значительной мере, много или мало. – Квеселевич 2003, 878; Химик 2, 370.

БЫТЬ В ЗАКРУТЕ. *Прост.* Иметь слишком много неотложных дел, забот и т. п.; закрутиться. – Квеселевич 2003, 254.

■ *О многословии, долгом и безрезультативном изложении, обсуждении чего-л.* См. также **БОЛТАТЬ.**

ГНАТЬ ТЕЛЕГУ (ТЕЛЕГИ). *Мол.* Рассказывать какую-л. историю (бойко, многословно). – Химик 2, 333.

НАКРУТИТЬ С ТРИ ХЕРА [чего]. *Неценз.* Наговорить много лишнего, непонятного; наделать глупостей, совершить множество нелепых поступков. – Химик 2, 417. < Возможно, по аналогии с *наговорить с три короба.*

ЗАБАЛТЫВАТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ. *Разг. Неодобр.* Много говорить о проблемах перестройки, ничего не предпринимая на деле. – НРЛ-86, 95.

ЗАГОВАРИВАТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ. *Разг. Неодобр.* Бесконечно обсуждать проблемы, связанные с перестройкой, подменяя этим практические дела; забалтывать. – НРЛ-86, 96.

ОБРЫВАТЬ/ОБОРВАТЬ ТЕЛЕФОН. *Разг.* Часто, много звонить по телефону.

■ *О чем-л., многократно отличающемся, увеличивающемся, уменьшающемся и т. п.*

В РАЗЫ. В несколько раз, во много раз, намного (отличаться, увеличиваться, уменьшаться...). – Химик 2, 215.

Ср. фразеологизмы из других идеографических групп, прямо не характеризующие концепт **МНОЖЕСТВО**, но имплицитно его в разной степени в других значениях:

ПЛОДИТЬСЯ-МНОЖИТЬСЯ. *Разг.* Быстро и активно распространяться (о слухах).

РАЗМНОЖАТЬСЯ ПОЧКОВАНИЕМ. *Публ.* О создании каких-л. организаций, отпочковывающихся из организации-учредителя.

ДИВАННЫЕ ВОЙСКА. *Шутл.* О людях, много говорящих о какой-л. проблеме, но ничего не предпринимающих для ее решения.

ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ. *Публ.* О газетах-многотиражах.

ИЗ КАЖДОГО УТЮГА. *Разг. Шутл.* Отовсюду, из многих информационных источников.

МЫЛЬНАЯ ОПЕРА. *Пренебр. Ирон.* Многосерийная телевизионная передача, о многосерийной радио- или теле- постановке с сентиментальным, мелодраматическим сюжетом (первоначально в США).

ДВЕНАДЦАТИЭТАЖНАЯ КОНСТРУКЦИЯ. *Прост.* Многословное ругательство.

НЕ БРАТЬ В ГОЛОВУ. *Разг.* Не думать много о чем-л., не беспокоиться.

КУЛАЧНЫМ БОЕМ. *Разг.* Затрачивая много сил, энергии, оказывая давление на кого-л.

ДОСТИЧЬ СВОЕГО ПОЛЮСА. Приложив много усилий, добиться максимального успеха в чем-л.

ПОРОХ ЖЕЧЬ. *Разг.* Стараться достичь чего-л., тратя на это много сил.

БИТЬСЯ В ОДНИ ВОРОТА. Действовать только в одном направлении, игнорируя множественность решений проблемы.

КРИМИНОГЕННАЯ ЗОНА. *Публ.* Территория, на которой происходит много преступлений, правонарушений.

ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО (из чего). 1. О том, что лишено целостности, единства; состоит из разрозненных частей. 2. О том, что лишено территориальной целостности, состоит из многих частей.

ВСЕХ ДЕНЕГ НЕ ЗАРАБОТАЕШЬ. *Посл.* Нет смысла работать очень много, перенапрягаться. Обычно в качестве утешения, когда упускается денежная выгода.

Как видим, в пределах словарной статьи «Много» семантическая целостность этого концепта нарушается, с одной стороны, детализацией характеристики субъектов и объектов множества, с другой – за счет все большего имплицирования этой характеристики в пограничные смысловые зоны, квалифицирующие интенсивность разного рода. Главным генератором фразеологической неологизации при этом остается потребность в экспрессивных языковых средствах. Потребность, возраставшая в ритме ступенчатого крещендо в прошлом веке и достигшая апогея в веке нынешнем. Результаты чего мы, лингвисты и лексикографы, стараемся осмыслить и отразить в наших исследованиях и словарях.

Примечание

¹ Исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00141 «Идеографический словарь русской фразеологической неологии: динамика языка и мышления», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Список литературы

1. *Влахос С.* Много в переводах с русского // Болгарская русистика. 1975. № 4. С. 35–38.
2. *Квеселевич Д. И.* Толковый словарь ненормативной лексики русского языка : около 16 000 слов. Москва : Астрель : АСТ, 2003. 1021 [3] с.
3. *Котелова Н. З.* Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Ленинград, 1978. С. 5–26.
4. *Кузнецова И. В.* Концепт «Множество» в русских и чешских сравнениях : (фрагмент идеографического словаря) / И. В. Кузнецова, В. М. Мокиенко // Вестник СПбГУ. Серия 9. 2014. Вып. 3. С. 168–182.
5. *Мокиенко В. М.* Варезжки бывают разные // Русская речь. 1987. № 3. С. 135–142.
6. *НРЛ-78:* Новое в русской лексике : словарные материалы-78 / [Н. Г. Герасимова, Н. З. Котелова, Т. Н. Поповцева, В. П. Петушков] ; под ред. Н. З. Котеловой. Москва : Русский язык, 1981. 262 с.
7. *НРЛ-80:* Новое в русской лексике : словарные материалы-80 / [В. П. Петушков, Т. Н. Поповцева, Н. В. Соловьев, М. Н. Судоплатова] ; под ред. Н. З. Котеловой. Москва : Русский язык, 1984. 286 с.
8. *НРЛ-81:* Новое в русской лексике : словарные материалы-81 / [Н. З. Котелова, Н. В. Соловьев, М. Н. Судоплатова и др.] ; под ред. Н. З. Котеловой. Москва : Русский язык, 1986. 288 с.
9. *НРЛ-83:* Новое в русской лексике : словарные материалы-83 / [В. П. Петушков] ; под ред. Н. З. Котеловой. Москва : Русский язык, 1987. 191 с.
10. *НРЛ-85:* Новое в русской лексике : словарные материалы 1985 / [Н. З. Котелова, В. Н. Плотицын, М. Н. Судоплатова, С. И. Алаторцева] ; под ред. Н. З. Котеловой и Ю. Ф. Денисенко. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1996. 351 с.
11. *НРЛ-86:* Новое в русской лексике : словарные материалы 1986 / [В. Н. Плотицын, М. Н. Судоплатова, Н. З. Котелова, Ю. Ф. Денисенко и др.] ; под ред. Н. З. Котеловой, С. И. Алаторцевой и Т. Н. Буцевой. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1996. 381 с.
12. *НРЛ-87:* Новое в русской лексике : словарные материалы 1987 / [Н. З. Котелова, Ю. Ф. Денисенко, М. Н. Судоплатова и др.] ; под ред. Н. З. Котеловой и Ю. Ф. Денисенко. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1996. 352 с.
13. *НСЗ-80:* Новые слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / [Т. Н. Буцева, Ю. Ф. Денисенко, Е. П. Холодова и др.] ; под ред. Е. А. Левашова. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1997. 904 с.
14. *НСЗ-90, 1–3:* Новые слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов / [Т. Н. Буцева, Е. А. Левашов, Ю. Ф. Денисенко и др.] ; отв. ред. Т. Н. Буцева. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2009–2015.
15. *СНС 50–80:* Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) / [Е. А. Левашев, Г. Н. Поповцева, С. И. Алаторцева и др.] ; под ред. Н. З. Котеловой. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1995. 877 с.
16. *СРН 2018:* Stěpanova, Dobrova 2018: Stěpanova Ludmila, Dobrova Mariia. Slovník ruských neologismů = Словарь русских неологизмов. Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2018. 469 с.

17. *СРФН 2019*: «Словарь русских фразеологических неологизмов (конец 80-х гг. XX в. – 2000–2019 гг. XXI в.)», созданный в рамках проекта «Человек и общество в зеркале новой русской фразеологии», поддержанного РФФИ. URL: <http://phraseoseminar.slovo-spb.ru>. Текст: электронный.
18. *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорно-обиходной речи : в 2 т. Санкт-Петербург : Златоуст, 2017. Т. 1. 525 с.; Т. 2. 532 с.

Е. В. СИРОТА ©

Бельцкий государственный университет им. А. Руссо, Республика Молдова
sirotaelena@mail.ru

Л. В. ПАРАХОНЬКО ©

Бельцкий государственный университет им. А. Руссо, Республика Молдова
parakhonko91@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Ф. Ф. ФОРТУНАТОВА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

В статье исследуются основные теоретические взгляды Ф. Ф. Фортунатова в свете современных лингвистических теорий. Работа выполнена в рамках теории языка, его фонологических, морфологических и синтаксических аспектов, а также психолингвистики. Данное положение обуславливает и актуальность исследования.

Ключевые слова: концепция, Фортунатов, Московская лингвистическая школа, младограмматизм, форма слова, синхрония.

Sirota Elena Vladimirovna, Alecu Russo Bălți State University, Moldova
sirotaelena@mail.ru

Parahonco Liudmila Vjacheslavovna, Alecu Russo Bălți State University, Moldova
parakhonko91@mail.ru

The theoretical views of F. F. Fortunatov in the context of modern linguistic theories

The given article examines the main theoretical views of F. F. Fortunatov in the light of modern linguistic theories. The work was carried out within the framework of the theory of language, its phonological, morphological and syntactic aspects, as well as psycholinguistics. It determines the relevance of the study.

Keywords: concept, Fortunatov, Moscow linguistic school, neogrammatism, form of a word, synchrony.

Языковедение, имеющее предметом изучения человеческий язык в его истории, может быть, следовательно, определяемо иначе как история человеческого языка.
Ф. Ф. Фортунатов

Ф. Ф. Фортунатов – один из выдающихся лингвистов второй половины IX – начала XX в., крупнейший в Европе санскритолог. В 1875 г. он защищает магистерскую диссертацию, посвященную описанию ведических рукописей. В течение 25 лет заведует кафедрой сравнительной грамматики индоевропейского языкознания в Московском университете. Как и Ломоносов, Фортунатов полагал, что научность в языкознании, строгая адекватность описания фактов языка, не допускающая при этом субъективизма в их интерпретации, обязательны для лингвиста [4, с. 11–16]. Основной принцип – предельная объективность в исследовании языковой системы, а достигнуть ее можно только за счет формализации схемы и благодаря отказу от излишней теоретизации, а также от последовательной математизации лингвистики (использования тех приемов, которые типичны для точных наук). Все это и объясняет особенность методологии Фортунатова [9].

Как и все компаративисты, он доказывает, что исследование отдельного языка является научным только тогда, когда изучается история этого языка, при этом учитывается и его связь с родственными языками. Диахрония прослеживается до эпохи распада общего индоевропейского языка. Изучать историю языков Ф. Ф. Фортунатов считает необходимым посредством сравнительного анализа родственных языков: «*Таким образом, изучая историю известного языка, лингвист путем правильного сравнения этого языка с языками, родственными по происхождению, открывает то прошлое в жизни изучаемого языка, когда он составлял еще одно целое с другими родственными с ним языками*» [10, с. 4]. Следовательно, одной из основных задач языкознания исследователь считает установление родства между языками и сравнение языков, которые имеют общую историю (являются родственными по происхождению) [10, с. 5].

Ф. Ф. Фортунатов дифференцирует два аспекта в изучении языка: для научных целей и для практических целей, что не являлось предметом рассмотрения для лингвистов натуралистического направления: «...языковедение, как наука, задача которой познать язык в его истории, нельзя смешивать, понятно, с изучением какого-либо языка для практической цели, то есть с целью владеть этим языком как средством для достижения других целей, например для обмена мыслями» [10, с. 7]. Ученый придерживается взглядов о том, что естественнонаучные методы неприемлемы для исследований в области лингвистики, и включает ее в общественные науки, однако в то же время отмечает связь лингвистики с естественными науками, а исследовать историю языка считает необходимым, соглашаясь в этом с натуралистами, посредством сравнительного анализа родственных языков [3, с. 23].

До Фортунатова в концепции младограмматиков, Шлейхера и других исследователей явления диахронной дескрипции языка не получали никакой хронологической характеристики, а праязык мыслился как единая хронологически недифференцированная система, т. е. все, что было в истории языка, не получало временной характеристики. Все факты мыслились в одной плоскости. Фортунатов первым заговорил о необходимости даже в диахронном плане учитывать их относительную хронологию. Этот принцип известен как закон Фортунатова: «Необходима относительная хронологизация даже при диахронном описании языка», а в качестве примера рассматривается «первая и вторая палатализация» [13, с. 54].

Ученый утверждает, что даже в рамках исторических языков необходимо придерживаться принципа относительной хронологии исследований. Закон Фортунатова гласит, что процесс первой палатализации, или переход заднеязычных [г, к, х] в шипящие перед гласными переднего ряда, относится к раннему периоду существования языка, в позднем периоде начинает действовать вторая палатализация (переход заднеязычных в свистящие звуки перед новыми гласными переднего ряда, возникшими из дифтонгов). Лингвист говорил также о диалектном членении праязыка-основы [10, с. 7]. Он описывает фонетический строй нескольких десятков индоевропейских языков в таксономическом плане («Лекции по фонетике старославянского языка» (1919); «Краткий очерк сравнительной фонетики индоевропейских языков» (1922)).

Крупнейший в мировом языкознании акцентолог, Ф. Ф. Фортунатов создает теорию сравнительной акцентологии славянских и балтийских языков [11, с. 42]. При этом следует отметить, что в общих теоретических положениях ученого проявляются противоречия.

Первое противоречие. Ф. Ф. Фортунатов отвергает биологическую концепцию языка А. Шлейхера и считает язык народа научной фикцией, а реальным признает речевую деятельность отдельного лица. Язык – это социальное явление. А если язык – социальное явление, то признается связь между структурой, системой языка и процессами, протекающими в социуме [8, с. 402].

Второе противоречие. Исследователь говорит о том, что язык имеет семиотическую природу. Каждый знак в этой языковой системе – носитель определенной информации. При этом, как и А. А. Потебня, знаками Фортунатов считает все языковые единицы, способные выражать мысли и чувства (морфема, фонема, слово, словосочетание, предложение, порядок слов, интонация, чередование фонем), подчеркивая, что все эти единицы нужно изучать как компоненты структурированной системы. Причем языковые знаки важно рассматривать в двух аспектах: формальном и смысловом. Создается классификация грамматических классов слов, игнорирующая полностью или частично план содержания, формализуя схему частей речи [1, с. 104].

Ф. Ф. Фортунатов отвергает учение А. Шлейхера о двух периодах в истории языков, а также его теорию деградации современных языков, доказывая, что и эволюция человечества, и эволюция языков строго коррелируются. Следовательно, любые изменения, происходящие в социуме, обязательно отражаются и в языке соответствующим образом: «Язык состоит из слов, а словами являются звуки речи, как знаки для нашего мышления и для выражения наших мыслей и чувствований» [10, с. 3]. «Язык представляет поэтому совокупность знаков главным образом для мысли и для выражений мысли в речи, а кроме того, в языке существуют также и знаки для выражения чувствований... слова» [10, с. 91] (грамматика Ф. Ф. Фортунатова). «Звуковые комплексы, формирующие слова, вызывают определенные представления в нашем мозгу» [10, с. 91].

В своих рассуждениях Ф. Ф. Фортунатов обращает внимание на то, что звуки речи в лексемах могут быть знаками для того, что не обладает способностью непосредственного представления в мыслях (так, это касается абстрактных понятий, ощущений и т. д.) [10, с. 98]. Разделяя точку зрения М. Мюллера, Фортунатов устанавливает взаимообусловленность связи мышления и языка: «Из данных мною примеров, я думаю, не трудно уяснить себе, что не только язык зависит от мышления, но что и мышление, в свою очередь, зависит от языка...» [10, с. 100]. При помощи слов человек, согласно концепции лингвиста, приобретает способность думать таким образом, каким не смог бы мыслить при отсутствии знаков для мышления, прежде всего по отношению к абстрактным или обобщенным понятиям [10, с. 100].

Языковые знаки в процессе речи, по Ф. Ф. Фортунатову, превращаются в знаки мысли [10, с. 100]. Соответственно, ни о каких биологических законах применительно к языку говорить нельзя. Как результат, связь между языками и диалектами и история их развития, по мнению ученого, также зависит от тех отношений, какие существуют между людьми, говорящими на данных языках или диалектах: *«Связь между отдельными диалектами языка определяется тем отношением, какое существует между частями общества, в котором живет данный язык: там, где это отношение тесное, отдельные диалекты языка имеют одинаковые, общие всем им изменения, хотя вместе с тем каждый диалект представляет и свои частные явления, вызываемые особыми условиями, существующими в данной части общества»* [10, с. 48]. Здесь мы снова обнаруживаем натуралистическое освещение «экзистенции» языка в обществе, поэтому представляется невозможным анализировать языки дистантно от социума.

Несогласованность суждений Ф. Ф. Фортунатова прослеживается в том, что, с одной стороны, он актуализирует тесную связь языка, речи и мышления (тем самым опережая идею И. А. Бодуэна де Куртенэ о том, что язык – это система моделей, а речь – система их реализаций), а с другой – утверждает, что *«знаки речи – это реализация знаков языка»*, что противоречит его же положению о реальном существовании знаков языка только в речи [7, с. 148].

В своей работе Ф. Ф. Фортунатов исследует также язык мимики и жестов, существующий параллельно с вербальным языком: *«Язык, как совокупность знаков для мышления и для выражения мысли и чувствований, может быть не только языком слов, то есть языком, материалом для которого служат звуки речи, но он может быть также и языком жестов и мимики, и такой язык существует в человечестве рядом с языком слов»* [10, с. 105]. Лингвист отмечает: язык слов – предмет исследования лингвистики, но необходимо учитывать и паравербальный язык, «чтобы понять физические и духовные условия», которые способствуют репрезентации языка [10, с. 105].

Исследователь пишет также о внутренней речи, используя номинацию «умственная речь», противопоставляя ее вербальной, а также говорит о невольной, непреднамеренной речи, называя ее «мышлением вслух» [10, с. 110].

Признавая важным синхронное описание языка, Ф. Ф. Фортунатов тем не менее актуализирует следующее положение: главным объектом, единственно научным, должно быть диахронное изучение языка: *«Предмет языкознания – это человеческий язык в его истории»* [11, с. 23].

Своей концепцией Ф. Ф. Фортунатов оказал огромное влияние на теории А. М. Пешковского, В. К. Поржезинского, Д. Н. Ушакова, М. М. Покровского.

Школу Фортунатова справедливо назвали формалистической, поскольку основное внимание ученых уделял изучению языковой формы, объясняя это тем, что план содержания может допускать неоднозначную интерпретацию: *«В языке есть то, что можно формально выразить, не допуская возможности имплицитности»* [14, с. 85]. При этом форма получает предельно формализованное трактование: под ней понимается способность слова распадаться на основную часть и формальную, по звукам формальная часть может быть и нулевой. Понятие «нулевое окончание» у Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Потемни оказалось общепринятым. В XX в. эта идея получила развитие в теории И. А. Бодуэна де Куртенэ – одним из первых он описывает нулевые формообразовательные суффиксы, а во второй половине XX в. в рамках дериватологии вводится понятие о нулевых словообразовательных суффиксах [14, с. 89].

Таким образом, если слово способно распадаться на основную и формальную части, то оно является форменным, например: книга (основа *книг*, окончание *а*), дом (основа *дом*, флексия нулевая). Все остальные лексические единицы бесформенные. По сути, Ф. Ф. Фортунатов очень узко эксплицирует понятие «форма», сводя его только к морфологическому облику отдельного слова. Он учитывает лишь флективную гибкость лексемы, а другие способы выражения грамматической информации, существующие в языке, не учитывает [14, с. 91; 7, с. 150]. На принципе разграничения форменных и бесформенных средств знаковой системы исследователь строит новую классификацию частей речи, полностью отказываясь от традиционной рубрикации классов слов с разным морфологическим статусом, основанной на совокупности дифференциальных признаков: категориальном значении, наборе грамматических форм, диапазоне синтаксического функционирования и т. д. Фортунатов отбрасывает даже традиционный терминологический аппарат, включая только привычные номинации частей речи: имя существительное, имя прилагательное. В его схеме одна и та же часть речи оказывается разделенной на разные классы. Кроме того, в одном разряде объединяются разные по дифференциальным признакам классы слов только на том основании, что у них нет словоформы. Местоимения и числительные – вне рамок его парадигмы. Первый класс составляют форменные слова – падежные лексические единицы (*книга, красный, читающий*), личные слова (*спрягаемый глагол*), родовые слова (*читал, красив* – имеют родовую парадигму); второй класс – бесформенные лексемы (*пальто,*

читать, читая, вчера, ох-ах, веселее, предлоги, союзы, частицы). Класс бесформенных слов дальнейшей градации не подлежит, ибо они лишены формы [14, с. 85–93].

Современники Ф. Ф. Фортунатова сочли, что его классификация прагматических целей не имеет, так как «индоевропейский язык» ориентирует данную схему на абстракцию. Однако его ученики и А. М. Пешковский частеречное членение объявили универсальной схемой описания любого современного индоевропейского языка [14, с. 93]. И лишь только в середине XX в. новые принципы систематического изложения сведений частеречной принадлежности оказались востребованными: представители американской дескриптивной лингвистики создали теорию практики машинного перевода.

Синтаксическая концепция. Как и все логицисты, Ф. Ф. Фортунатов предложение рассматривает как выражение суждения. Разделяя точку зрения А. Х. Востокова и М. Ю. Ломоносова, он основной единицей языка считает словосочетание, а предложение – одним из видов предикативных словосочетаний [12, с. 436]. Важно подчеркнуть, что великий лингвист разграничивает грамматические (те словосочетания, в которых связь между компонентами выражена формально: *летающая птица, летающая птица в небе* (уже предложение)) и неграмматические словосочетания (связь формально не выражена: *быстро летающий*). Предложение также подвергается стратификации: ученый отмечает грамматические (пример: *А. С. Пушкин родился в 1799 г.*) и неграмматические предикации (*А. С. Пушкин – великий поэт*) [12, с. 438–439]. Необходимо обратить внимание на то, что, вопреки масштабному открытию Фортунатова, в схеме, им разработанной, прослеживается идея полной идентичности системы частей речи и членов предложения. Игнорируется сложность синтаксических отношений, а именно то, что все части предложения полифункциональны: в одной и той же синтаксической позиции могут выступать самые разные грамматические классы слов.

Современная эпоха в развитии языкознания отличается многообразием лингвистических теорий. Синтаксический ярус языка не является исключением. Ряд важных вопросов синтаксической теории являлся предметом рассмотрения ранее, однако необходимо учесть, что современная научная парадигма отличается от традиционной такими процессами, как интеграция и дифференциация. К важным достижениям синтаксиса можно отнести выявление и дифференциацию аспектов рассмотрения единиц синтаксиса. Ряд аспектов предполагает учет семантики, тогда как другие ориентированы на структуру. Но, на наш взгляд, все аспекты взаимосвязаны и взаимообусловлены, что и находит отражение в синтаксических теориях. Изученные аспекты не являются исчерпывающими – в процессе эволюции появятся и другие подходы, позволяющие на базе новых теорий предложить свой анализ синтаксических единиц [2, с. 9].

Решает Ф. Ф. Фортунатов и общие проблемы лингвистики – например, отношение языка и мышления, происхождение языка, гносеологический и онтологический аспекты описания языков и др. Принято считать, что знаковая природа языка стала объектом исследования В. фон Гумбольдта, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. де Соссюра [1, с. 142], но, по сути, Фортунатов рассматривает язык как кодовую знаковую систему, утверждая, что «*знак в языке – это все элементы в структурном плане*» [5, с. 17]. Знак – фонема, морфема, слово, словосочетание, предложение, интонация, порядок слов, чередование – это все, что может быть носителем грамматической или лексической информации [6, с. 16].

Ф. Ф. Фортунатов – сторонник жесткой дихотомии «язык и речь». Но для него «знаки речи – это реализация знаков языка», исследователь подчеркивает социальную природу языка, говорит, что «*те изменения, которые происходят в жизни общества, обязательно сопровождаются соответствующими изменениями в языке, поэтому эволюция языка и общества находятся в прямой пропорциональных отношениях*» [6, с. 16–17]. Другими словами, язык принадлежит определенному социуму лингвокультурного пространства, поэтому фиксирует все его трансформации: «...изменения, которые происходят в составе общества, сопровождаются в языке соответствующими изменениями: дроблению общества на те или другие части соответствует дробление языка на отдельные наречия, а объединению частей общественного союза соответствует и в языке объединение наречий» [11, с. 24].

Грамматика делится на морфологию и синтаксис. Морфология изучает классы слов, а синтаксис – слова в сочетании. Но вопреки этому Фортунатов вводит понятия «грамматическое словосочетание» и «неграмматическое словосочетание». Это положение противоречит самой интерпретации понятий «грамматика» и «синтаксис» [13, с. 166–167].

Таким образом, Ф. Фортунатов выявил критерии, дифференцирующие слово от словосочетания и от морфемы. Он является создателем формализованной теории о формах словоизменения и формах словообразования, получившей полное признание русских лингвистов. Синтаксическая концепция Фортунатова оказала влияние на дальнейшее изучение синтаксического яруса языка. Теория ученого о форме слова как результате «живых соотношений» и различия их «формальной принадлежности», «существующих в данном языке в данную эпоху», положила

начало разграничению форм словоизменения и словообразования [13, с. 176–179]. Разграничение Фортунатовым внешней и внутренней формы в теории о грамматических категориях и грамматических классах слов стало основой современной морфологии, которая оформилась в автономную научную дисциплину. Теория Фортунатова обусловила появление в лингвистике плодотворных идей, которые нашли отражение в работах его учеников. Московская школа со временем далеко ушла от младограмматизма, но традиции ее основателя сохранились. Важность концепции Ф. Ф. Фортунатова способствовала появлению новых точек зрения на природу языка, этот факт отметил Р. Якобсон. П. С. Кузнецов выделил трех основателей лингвистики XX в., в числе которых, помимо И. А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра, он назвал и Ф. Ф. Фортунатова [1, с. 104].

Список литературы

1. *Алпатов В. М.* История лингвистических учений : учебное пособие. 4-е изд., испр. и доп. Москва : Языки славянской культуры, 2005. 368 с.
2. *Беловольская Л. А.* Синтаксис словосочетания и простого предложения. Таганрог : ТГПИ, 2001. 55 с.
3. *Березин М. Ф.* Русское теоретическое языкознание в Академии наук // Вопросы языкознания. Москва, 1974. С. 14–26.
4. *Карабаева Л. И.* Русское языкознание I половины XX века : методическое пособие для студентов педвузов. Ташкент : ТГПУ им. Низами, 2008. 144 с.
5. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение / под ред. В. А. Виноградова. Москва : Аспект Пресс, 1996. 536 с.
6. *Сирота Е. В.* Роль Московской лингвистической школы в развитии европейского языкознания // Фортунатовские чтения в Карелии : сб. докладов междунар. науч. конф. (10–12 сентября 2018 года, г. Петрозаводск) : [в 2 ч.] / науч. ред. Н. В. Патроева. Петрозаводск, 2018. Ч. 1. С. 16–19.
7. *Стекольников И. В.* Натуралистические идеи в лингвистической теории Ф. Ф. Фортунатова // Вестник Московского гос. обл. ун-та. 2019. № 4. С. 14–152.
8. *Толкачев А. И.* Ф. Ф. Фортунатов (1848–1914) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1964. Т. 23, вып. 5. С. 402–410.
9. *Фортунатов Ф. Ф.* *Sāmaveda-Āraṇyaka-Samhitā* : исследование на русском языке. Москва : ЛЕНАНД, 2015. 256 с.
10. *Фортунатов Ф. Ф.* Сравнительное языковедение : общий курс. Москва : КРАСАНД, 2010. 184 с.
11. *Фортунатов Ф. Ф.* Избранные труды. Т. 1. Москва : Учпедгиз, 1956. 450 с.
12. *Фортунатов Ф. Ф.* Избранные труды. Т. 2. Москва : Учпедгиз, 1957. 472 с.
13. *Шулежкова С. Г.* История лингвистических учений : учебное пособие для студентов филологических факультетов вузов. 3-е изд., испр. Москва : Флинта : Наука, 2007. 400 с.
14. *Щуклина Т. Ю.* Русское языкознание : курс лекций. Казань : Казанский федер. ун-т, 2015. 183 с.

В. С. ХРАКОВСКИЙ©

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия

khakov@gmail.com

ФОНОВЫЙ ТАКСИС

Категорию таксиса представляют основной, фоновый и валентностный таксис. Эта категория маркирует порядок следования таксисной ситуации относительно опорной ситуации. Если в конструкциях основного таксиса реализуются только таксисные отношения предшествования, одновременности или следования, то в конструкциях фонового и валентностного таксиса эти отношения представлены, но наряду с другими отношениями. В статье на примере причинных и условных конструкций рассматриваются особенности фонового таксиса.

Ключевые слова: таксис, глагол, конструкция, категория, ситуация.

Xrakovskij Viktor Samuilovich, Institute for Linguistic Studies, St. Petersburg, Russia

khakov@gmail.com

Background taxis

The taxis category, represented by kernel, peripheral, and valency taxis constructions, shows the sequentiality of taxis situations with respect to the base situation. While kernel taxis constructions only describe anteriority, simultaneity or posteriority taxis relationships,

peripheral and valency taxis constructions can reflect both these and other relationships. The article considers the specifics of peripheral taxis in a case study of causal and conditional constructions.

Keywords: taxis, verb, construction, category, situation.

В работах [11] и [16] предложена концепция функционально-семантической категории таксиса, в соответствии с которой эту категорию представляют основной таксис, фоновый таксис и валентностный таксис. Во всех предшествующих и последующих работах, посвященных таксисной проблематике на основе других концепций, предметом анализа и описания служит только таксис, который мы называем основным и который реализуется в бипредикативных глагольных конструкциях, где глагол в зависимой части (ЗЧ) конструкции обозначает ситуацию (Р1), которая либо предшествует, либо одновременна, либо следует за ситуацией (Р2), обозначаемой главной частью (ГЧ) конструкции. Иначе говоря, категория таксиса маркирует порядок следования на временной оси одной собственно таксисной ситуации относительно другой опорной ситуации.

Однако оказалось, что, помимо бипредикативных конструкций, части которых связаны только таксисными отношениями предшествования, одновременности или следования, существуют также бипредикативные конструкции, в которых таксисные отношения тоже представлены, но наряду с другими отношениями, являющимися для этих конструкций основными. Имеются в виду конструкции фонового и валентностного таксиса.

В таксисных конструкциях ЗЧ является сирконстантом ГЧ. К числу сирконстантных, иначе адвербиальных, наряду с таксисными относятся также конструкции причинные, условные, целевые, уступительные, следствия, которым приписывается значение логической обусловленности или просто обусловленности, см. например [5] и [4]. Их называют еще имплицативными конструкциями [7]. Части этих конструкций также связаны таксисными отношениями, которые в данном случае, однако, являются фоновыми. Важно обратить внимание, что сирконстантные конструкции перечисляются здесь в примерно том же самом порядке, в каком они обычно описываются в грамматических пособиях, хотя некоторые вариации и возможны, см. например [3, с. 312; 8, с. 539].

Самостоятельный класс образуют бипредикативные конструкции, где глагол ЗЧ обозначает ситуацию Р1, которая вставлена или вложена в ситуацию Р2, обозначаемую глаголом ГЧ. Иными словами, глагол в ЗЧ является актантом глагола в ГЧ, т. е. реализует одну из его валентностей. Таким образом, это конструкции с предикатным актантом (КПА). Речь идет о примерах типа:

- (1) *Мальчик увидел, как его мяч упал в реку.*
- (2) *Мальчик понял, что его мяч упал в реку.*

Соответственно между ситуациями, обозначаемыми в ЗЧ и ГЧ этих конструкций, также существуют таксисные отношения [11, с. 36].

Непосредственным объектом исследования в этой статье служат конструкции фонового таксиса, чья приведенная выше последовательность, можно думать, отражает порядок появления этих конструкций в этногенезе. Конкретно предполагается рассмотреть таксис в причинных и условных конструкциях.

Сами значения этих конструкций тоже семантически неоднородны. Обобщая существующие взгляды по данному вопросу, Ю. П. Князев отмечает, что «семантически исходными и наиболее элементарными... считаются обычно значения причины и следствия, которые сводятся к тому, что “явление А вызывает явление В” [1, с. 416; 4, 68]. Цель дополнительно предполагает наличие агентивного субъекта, который ставит перед собой эту цель. Условие отличается от причины и цели допущением возможности альтернативного развития событий, продолжающей существовать (в случае реального условия) или имевшей место когда-то ранее (в случае ирреального условия). Ср. одно из предлагавшихся толкований значения ирреального условия, выражаемого в предложениях типа *Если бы вы пришли вчера, вы бы ее застали*: “Могло быть А, но/однако [для этого] должно было быть В; но В не было, поэтому не могло быть А” [1, с. 423]. Наиболее сложным среди значений обусловленности считается уступительное значение, в котором на “смысл ‘(причинная/условная) импликация’ наслаивается смысл ‘противоречие’” [12, с. 13]; ср.: “в придаточном уступительном выражается причина, которая должна была бы повлечь за собой противоположное следствие” [9, с. 587]. С другой стороны, уступительное значение близко противительному и иногда рассматривается как его разновидность [6, с. 271]» [5, с. 339–340].

Анализ фонового таксиса мы начнем с рассмотрения причинных конструкций, которые более информативны, чем таксисные, ср. [15, с. 190]. В подобных конструкциях ситуация Р1, обозначаемая глаголом в ЗЧ, служит основанием для осуществления ситуации Р2, обозначаемой глаголом в ГЧ конструкции, ср. [14, с. 51]¹.

- (3) *Дети пошли гулять, потому что была хорошая погода.*

Надо, однако, сказать, что по своему значению причинные конструкции довольно близки к таксисным, в которых иногда причинное значение дополнительно выражается с помощью соответствующего лексического содержания.

Все вышли, когда в палату больного вошел лечащий врач.

Достаточно очевидно, что в этом примере ситуация Р1 не только предшествует ситуации Р2, что маркируется союзом, но и является причиной ситуации Р2, что следует из лексического содержания примера. Достаточно заменить в этом предложении таксисный союз *когда* причинным союзом *потому что*, как оно, не меняя содержания, формально становится причинным:

(5) *Все вышли, потому что в палату больного вошел лечащий врач.*

Небезынтересно, что в этногенезе в речи ребенка вслед за предложениями с таксисным союзом *когда* появляются предложения с причинным союзом *потому что* [2].

Заметим, что, наследуя таксисные отношения, причинные конструкции лишены возможности использовать отношения следования, поскольку ситуация Р1, определяющая появление ситуации Р2, естественным образом не может следовать за ней. Иными словами, таксисные отношения в причинных конструкциях представлены в ограниченном виде: только предшествование и одновременность, но не следование. При этом следует помнить, что, в принципе, сами по себе причинные конструкции не предназначены для выражения таксисных отношений, а только допускают их выражение в качестве фоновых, из чего и следует их ограниченное использование.

Ситуация Р1, будучи причиной, вызвавшей осуществление ситуации Р2, обычно естественно предшествует ей, ср. (6), хотя следствие вполне может и сосуществовать с вызвавшей его причиной, см. (7):

(6) *Лифт не работал, потому что выключили электричество.*

(7) *Никто не выходил из дому, потому что шел мелкий противный дождь.*

Предшествование ситуации Р1 ситуации Р2 возможно как до момента речи, так и после момента речи, но когда речь идет о событиях, происходящих после момента речи, говорящему (повествователю) обычно бывает известен прогноз будущих событий.

(8) *Завтра никто не будет выходить из дому, потому что будет идти мелкий противный дождь.*

Из содержания примера (8) очевидно, что повествователю известен прогноз погоды на завтрашний день.

Есть основания считать, что условные конструкции семантически сложнее и таксисных, и причинных конструкций. Более того, вполне очевидно, что семантика условных конструкций представляет собой закономерное усложнение семантики причинных конструкций. Совсем не случайно ситуация Р2 и в причинных, и в условных конструкциях характеризуется одинаковым образом как следствие. Также не случайно в условных конструкциях не представлено таксисное отношение следования. Остается понять, чем ситуация Р1 в условных конструкциях, характеризуемая как условие, отличается от ситуации Р1 в причинных конструкциях, где она характеризуется именно как причина. Самое важное отличие условной конструкции от причинной заключается в том, что условная конструкция в целом, т. е. и ситуация Р1, и ситуация Р2 относятся к возможному миру, а не к реальному, тогда как причинная конструкция относится к реальному миру.

В этой связи проанализируем два соотносительных примера. Один из них (9) представляет условную конструкцию, а другой (10) – причинную конструкцию при полном равенстве лексического наполнения обеих конструкций.

(9) *Завтра мы пойдем в кино, если будут показывать хороший фильм.*

(10) *Завтра мы пойдем в кино, потому что будут показывать хороший фильм.*

Пример (9) представляет собой гипотетическое, прогностическое высказывание. Ситуация Р2 осуществится только в том случае, если осуществится ситуация Р1, что представляет собой возможный прогноз говорящего. В то же время пример (10) представляет собой реалистическое высказывание. Говорящему известно, что осуществится ситуация Р1 и, соответственно, нет препятствий и для осуществления ситуации Р2.

Однако пример (9) выражает так называемое выполнимое условие, т. е. никаких препятствий для его осуществления не предвидится. В то же время существует возможность выразить и так называемое невыполнимое, иначе контрфактическое, условие, т. е. показать, что называемое условие, а следовательно, и следствие выполнены не будут: переход из возможного мира в реальный не состоится.

(11) *Завтра мы бы пошли в кино, если бы показывали хороший фильм.*

Важно обратить внимание, что вполне возможно показать, что невыполнимость условия и, соответственно, следствия относятся не только к будущему, но и к прошлому, т. е. до момента речи.

(12) *Вчера мы бы пошли в кино, если бы показывали хороший фильм.*

Интересно отметить, что в отрицательных контрфактических конструкциях, относимых к прошлому, фактически выражаются реально выполненные, но отрицаемые условие и следствие:

(13) *Вчера мы бы не пошли в кино, если бы не показывали хороший фильм.*

Особо следует оговорить случай, когда говорящий еще не знает, состоялась ли в прошлом до момента речи условная ситуация Р1, которая необходима для осуществления ситуации следствия Р2.

(14) *Если я сдал вчера письменный экзамен, то я поступил в университет.*

Говорящий сдавал вчера письменный экзамен, но в момент речи он еще не знает его результата. Если окажется, что говорящий сдал экзамен, то он поступил в университет, но если экзамен не сдан, то он в университет не поступил. Гипотетическая конструкция не превратилась в реализованную.

Таким образом, далеко не все теоретически допустимые условные конструкции, а лишь конструкции, выражающие так называемое выполнимое условие, обладают потенциальной возможностью преобразовываться в реальные причинные конструкции, хотя каузальные отношения между ситуациями P1 и P2 существуют во всех условных конструкциях [13, с. 96] и наследуются непосредственно от причинных конструкций, а не вследствие того, что в принципе «человеку свойственно представлять мир пронизанным причинно-следственными связями» [10, с. 65].

Интересно, что при итерации, когда маркируется повторение ситуаций, и условные, и таксисные конструкции ведут себя одинаково, т. е. практически являются синонимичными. Иначе говоря, итерация нейтрализует различия таксисных и условных конструкций. Давайте сравним примеры (15) и (16).

(15) *Когда на улице большой мороз, нужно теплее одеваться.*

(16) *Если на улице большой мороз, нужно теплее одеваться.*

Примеры (15) и (16) при одинаковом лексическом наполнении практически равнозначны, а формально отличаются друг от друга тем, что в примере (15) ЗЧ вводится таксисным союзом *когда*, тогда как в примере (16) ЗЧ вводится условным союзом *если*.

Если теперь подвести скромные итоги того, что было сказано, то они сводятся к следующему. Наряду с основным и валентностным таксисом существует фоновый таксис, который представлен в бипредикативных обстоятельственных конструкциях. Специфика этого вида таксиса состоит в том, что он существует наряду с основным обстоятельственным значением этих конструкций, и в том, что в данном случае набор таксисных значений редуцирован по сравнению с набором значений основного таксиса. В частности, в причинных и условных конструкциях отсутствует таксисное значение следования.

Примечание

¹ Давая такое определение причинных конструкций, мы учитываем, что «явление может быть шире закона» и что таким образом возможны причинные конструкции, не вполне соответствующие этому определению.

Список литературы

1. *Беличова-Кржижкова Х.* Система причинных отношений между предложениями в русском и чешском языках // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. Современная зарубежная русистика. Москва, 1985. С. 407–433.
2. *Галкина Е. В.* Выражение причинно-следственных отношений в ранних высказываниях русскоязычных детей // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2018. № 189. С. 104–115.
3. *Грамматика современного русского литературного языка* / ред. Н. Ю. Шведова. Москва : Наука, 1970. 767 с.
4. *Евтюхин В. Б.* Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка // Теория функциональной грамматики: локативность, бытийность, посессивность, обусловленность. Санкт-Петербург, 1996. С. 138–174.
5. *Князев Ю. П.* Онтогенез отношений обусловленности в детской речи (по данным «Дневника» А. Н. Гвоздева) // Семантические категории в детской речи. Санкт-Петербург, 2006. С. 339–358.
6. *Мальчуков А. Л.* Наблюдения над семантикой и типологией противительных конструкций // Типологические обоснования в грамматике. Москва, 2004. С. 268–283.
7. *Подлесская В. И.* Импликативные конструкции: некоторые проблемы типологической классификации // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 77–84.
8. *Русская грамматика* : [в 2 т.] / гл. ред. Н. Ю. Шведова. Москва : Наука, 1980. Т. 2. 709 с.
9. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. Москва : Прогресс, 1988. 654 с.
10. *Урысон Е. В.* Опыт описания семантики союзов. Москва : Языки славянских культур, 2011. 336 с.
11. *Храковский В. С.* Таксис: семантика, синтаксис, типология // Типология таксисных конструкций. Москва, 2009. С. 11–113.
12. *Храковский В. С.* Уступительные конструкции: семантика, синтаксис, типология // Типология уступительных конструкций. Санкт-Петербург, 2004. С. 9–91.
13. *Comrie B.* Conditionals: a typology // On conditionals. Traugott E. S. et al. (eds). Cambridge, 1986. P. 77–102.
14. *Hetterle K.* Adverbial Clauses in Cross-Linguistic Perspective. Berlin ; Boston : Walter de Gruyter, 2015. 320 p.

15. Traugott E. C. The semantics and pragmatics of grammaticalization revisited / E. C. Traugott and E. Konig // Traugott E. S. and Heine B. (eds.) Approaches to grammaticalization. Vol. 1. Amsterdam, 1991. P. 189–218.
16. Xrakovskij V. S. Taxis: semantics, syntax, typology // Typology of Taxis Constructions / V. S. Xrakovskij (ed.). LINCOM Studies in Theoretical Linguistics 58. Muenchen, 2016. 688 p.

Т. В. ШМЕЛЕВА®

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Россия
szmiel@mail.ru

ВЫХОД В ДИСКУРСИЮ КАК АКТУАЛЬНЫЙ ТРЕНД СИНТАКСИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сформулирован методологический тезис о выходе синтаксиса в дискурсию как тренде синтаксической науки. Показано, что этот выход логичен на фоне истории синтаксиса, которую можно рассматривать как серию изменений, направленных на преодоление «тесноты» пространства синтаксических единиц, воспринимаемых как основные. Обсуждаются условия и последствия выхода в дискурсию, приводятся примеры такого подхода в исследовательской практике.

Ключевые слова: синтаксис, словосочетание, предложение, текст, дискурс.

Shmeleva Tatnyana Victorovna, Yaroslav the Wise Novgorod State University, Russia
szmiel@mail.ru

Entering the discourse as a current trend in syntactic research

A methodological thesis is formulated about the emergence of syntax into discourse as a trend in syntactic science. It is shown that this outcome is logical against the background of the history of syntax, which can be considered as a series of changes aimed at overcoming the "crowdedness" of the space of syntactic units perceived as basic. The conditions and consequences of entering discourse are discussed, and examples of this approach in research practice are given.

Keywords: syntax, phrase, sentence, text, discourse.

Обращаясь к методологии современных синтаксических исследований, представляется важным рассмотреть тренд, связанный с переосмыслением приоритетных задач синтаксиса, постановкой новых проблем и уточнением понятийного аппарата, что в целом можно обозначить как **выход в дискурсию**. Этот тренд не стоит воспринимать как внезапный, более того, о нем есть смысл говорить как о естественном, в чем позволяет убедиться взгляд на историю синтаксиса.

Эту историю, хорошо известную, по крайней мере, по труду [3], можно, несколько изменив угол зрения, метафорически представить как постепенное **преодоление тесноты** условного пространства, которое задается интерпретацией объекта синтаксиса. Этапы этого преодоления – а их, видимо, пять – определяются пониманием той единицы синтаксиса, которая мыслится как ключевая. Стоит отметить, что первый из этих этапов связан с именем Ф. Ф. Фортунатова.

Итак, русский синтаксис начинается как наука о сочетании слов, или, как мы бы сейчас сказали, наука о синтагматических свойствах слова. Это обстоятельство подробнейшим образом рассмотрено в [3], где, в частности, указывается, что в грамматике Антона Барсова этот раздел получает красноречивое наименование *словосочинение* [3, с. 52]. Понятно, что автор рассматривает и словосочетания, и предложения, в том числе сложные, но речь идет именно о методологических установках, которые нельзя квалифицировать иначе, как словоцентризм. До второй половины XIX в. синтаксическое сознание остается словоцентричным, и нельзя сказать, что этот подход полностью преодолен.

Первый методологический сдвиг, или пересмотр синтаксической аксиоматики, проводит Ф. Ф. Фортунатов, объявивший ключевой синтаксической единицей **словосочетание**. Это происходит в 1880-е гг. и характеризуется как новый этап развития синтаксиса [3, с. 376], хотя сам термин *словосочетание* встречается уже в «Русской грамматике» А. Х. Востокова 1831 г. [3, с. 377].

Второй методологический шаг в постижении существа синтаксиса и осмыслении **предложения** как основной его единицы, пишет В. В. Виноградов, совершался постепенно с заходом в сферы логики и психологии [3, с. 382–383]. В итоге к середине XX в. тесным для синтаксического мышления оказывается и словосочетание – синтаксис становится наукой о предложении как **коммуникативной** единице [1].

Довольно скоро появляется ощущение тесноты и в рамках предложения, в результате в синтаксический оборот вводится понятие **ССЦ** – сложное синтаксическое целое, предложенное Н. С. Поспеловым в 1948 г. и получившее распространение в 1960-е гг. [5, с. 355–356]. По существу, речь шла о фрагментах текста, и, как стало понятно

позднее, это был шаг в сторону текста, который в 1970-е гг. оказывается в центре синтаксического внимания, что заставляет говорить об особой **лингвистике текста**, которая тогда переживала «некоторый бум» [7]. Хотя ожидания, связанные с текстовым бумом, не оправдались, практика преподавания синтаксиса в высшей школе включает анализ текста. Так, в одном из современных учебных пособий прямо говорится: «Единицами, которые изучает синтаксис, являются словосочетание, предложение и текст» [11, с. 4].

Итак, объекты синтаксического внимания – слово, словосочетание, предложение, текст – на одних этапах истории синтаксиса становились ключевыми, что расширяло синтаксический кругозор на следующих этапах, ощущалось как методологическая теснота. Это каждый раз требовало обращения к более «крупной» единице, включающей в себя все предыдущие, становящиеся, по выражению В. В. Виноградова, «строительным материалом» для ключевой единицы.

Этот путь развития синтаксиса в плане его методологических установок можно осмыслить как продвижение к реальностям речевой деятельности, которая, в свою очередь, выглядит все более дифференцированной и сложной. Обозначается эта деятельность, ее «пружины» и продукты термином **дискурсия**, история которого рассматривается в статье [4]. Опираясь на практику его использования в современных исследованиях, можно сказать, что дискурсия – это совокупность дискурсов как речевых практик и массивов текстов в разных сферах общения по их требованиям и правилам. Можно отметить, что термин употребляется широко (в собирательном значении по отношению к разным дискурсам) и узко (по отношению к одному из дискурсов – рекламному, политическому, фейковому), в чем позволяют убедиться публикации, представленные в библиотеке РИНЦ.

Следует отметить, что выход в дискурсию наметился сначала практически, и только потом методологически. Если говорить о первых шагах в сторону дискурсии, то кажется правильным увидеть их в развитии коллоквиалистики. Можно было бы сказать, что первой на этом пути оказалась книга [12], которая, впрочем, не произвела эффекта разорвавшейся бомбы по ряду причин: дискурсивность если и присутствует в исследовании, то имплицитно, его итоги представлены традиционно – как перечень изъятых из дискурса конструкций (на их разнообразии обращено внимание в статье [2]), да и читатели еще мало знали о разговорной речи, не говоря о дискурсии.

Более позднее издание [6], вышедшее после опубликования первых работ о разговорной речи, начинается с характеристик изучаемого дискурса – «устно-разговорная разновидность литературного языка» и ее отношений с другими, например дискурсом художественной речи, а затем описываются синтаксические явления, которые характерны для этого дискурса – конструкции с именительным темы, с добавлением и наложением, бессоюзные конструкции, двупредикативные конструкции и пр. Такой путь исследования можно назвать монодискурсивным: изучаются синтаксические явления в рамках одного дискурса. О его плодотворности говорит появление современных исследований в других дискурсах, например фундаментальная работа [9], где на фоне дискурса авангардной прозы исследователь характеризует дискурс одного автора, рассматривая такие синтаксические явления, как дейксис, повтор, паратаксис, обеспечивающие монтажность прозы.

Иначе выглядят исследования одного синтаксического явления на фоне ряда дискурсов – их можно назвать полидискурсивными. Так изучено бессоюзное предложение, результаты чего представлены в [13]. Автор не пользуется термином *дискурсия*, его дискурсивная глава называется «Бессоюзное сложное предложение в разных языковых сферах», под которыми имеются в виду разговорная речь, кодифицированный литературный язык и язык художественной литературы. О необходимости изучать грамматические феномены на фоне разных дискурсов много пишет Б. Ю. Норман, убедительно демонстрируя дискурсивную обусловленность грамматики в своих работах, например в статье [8]. Известный толчок к дискурсивному повороту дала медиасфера, как только стало понятно, что в ней действует не просто русский литературный язык, а специфический, и эта специфичность касается и синтаксиса. Полидискурсивное исследование изъяснительных предложений – главным образом в медийном и научном дискурсах – убеждает в том, что такой подход открывает свойства синтаксических единиц, которые вне этого подхода обнаружить невозможно [10].

Итак, анализируя известные опыты дискурсивных синтаксических исследований и располагая представлениями о дискурсивной деятельности современного русского общества, можно прийти к методологическому заключению о том, что выход в дискурсию для отечественного синтаксиса оказывается возможным и необходимым. Его возможность обусловлена растущими знаниями о дифференцированности русской речи, позволяющей языку и даже требующей от него проявляться по-разному в разных дискурсивных условиях, будь то повседневный, медийный, научный, религиозный или художественный дискурсы. При этом новые дискурсивные условия, например в рамках интернет-коммуникации, создают почву для новых синтаксических модификаций, как показано, скажем, для оценочных высказываний к музыкальным стримам на YouTube в статье [14]. Наблюдения показывают, что такие

понятия, как *медиадискурс* или *дискурс художественной речи*, оказываются слишком широкими, чтобы с опорой на них можно было выработать реалистические представления о синтаксических явлениях.

Необходимым оказывается выход в дискурсию с теоретических позиций, поскольку без этого невозможно осмыслить природу высказывания, которое наряду с такими качествами, как *коммуникативность*, *семантическая* и *конструктивность*, известными в классическом синтаксисе, обладает качеством, которое можно обозначить как *дискурсивность* – черты принадлежности определенному дискурсу, отвечающие его природе и условиям коммуникации. Как нельзя не учитывать, что высказывание *Белеет парус одинокий* принадлежит поэтическому дискурсу, так невозможно не принимать во внимание тот факт, что оценки типа *Талантище! Респектище!* принадлежат медиадискурсу, а точнее, интернет-коммуникации в рамках жанра комментария к музыкальному стриму. Как показано в статье [14], дискурсивные условия функционирования таких высказываний объясняют их синтаксические параметры. Конечно, все эти параметры находятся в рамках тех возможностей, которые заданы языковой системой и допускают варьирование. Дифференцированность дискурсивной деятельности, фактор жанра, специфика участников коммуникации и предмета обсуждения – все это необходимо учитывать при квалификации синтаксических явлений, что и составляет дискурсивную составляющую их характеристики. Таким образом, изучение синтаксической системы – это выявление потенциальных возможностей того или иного синтаксического явления, тогда как дискурсивное исследование – это обнаружение того, какие его свойства оказываются востребованы в разных дискурсах и как это связано с их природой.

Наконец, нельзя не отметить и практический аспект выхода в дискурсию, в частности лингводидактический. Учет дискурсивных свойств синтаксических единиц приводит к заключению о необходимости обучать как общему синтаксису, например русского языка, так и «дискурсивным синтаксисам» – научному, деловому, медийному и т. д. Это открывает изучающему возможности включения в реальную дискурсивную деятельность.

Итак, приведенные факты и соображения, как кажется, могут убедить в том, что современному синтаксису «тесно» в рамках текста (который, кстати, далеко не исчерпывающе изучен). Это и объясняет методологическое изменение, которое здесь интерпретируется как тренд на выход в дискурсию, поддерживаемый развитием знаний о сложности системы современных коммуникаций, опытом изучения повседневного, медийного, художественного дискурсов, с одной стороны, а с другой – необходимостью получения реалистических представлений о синтаксической системе, которая обладает свойством варьировать синтаксические образования в зависимости от запросов разных дискурсивных условий. Эта важная методологическая установка обещает синтаксису новые знания о грамматической системе как потенциале русского синтаксиса, репертуаре синтаксических средств различных современных дискурсивных практик и дискурсивном варьировании этих средств.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Синтаксис // Общее языкознание : внутренняя структура языка. Москва, 1972. С. 259–343.
2. Баранов А. Н. Фразеологизмы-конструкции в концепции Н. Ю. Шведовой (семантический аспект) / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Язык: поиски, факты, гипотезы : сб. статей к 100-летию со дня рождения академика Н. Ю. Шведовой / отв. ред. М. В. Ляпон. Москва, 2016. С. 51–66.
3. Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1958. 310 с.
4. Галиева А. М. Дискурсия: перевод как источник нового термина // Ученые записки Казанского ун-та. Гуманитарные науки. 2010. Т. 132, кн. 6. С. 124–132.
5. Дымарский М. Я. Сложное синтаксическое целое // Ильенко С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского литературного языка. Санкт-Петербург, 2009. С. 353–374.
6. Лантеева О. А. Русский разговорный синтаксис. Москва : Наука, 1976. 397 с.
7. Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста / сост., общая ред. и вступит. ст. Т. М. Николаевой. Москва, 1978. С. 5–39.
8. Норман Б. Ю. Сколько грамматик русского языка нам нужно? : о дискурсивной обусловленности грамматики // Russian Linguistics. 2017. № 41. С. 341–354.
9. Соловьева С. А. Синтаксис художественной прозы Б. Пастернака: лингвокогнитивный аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Череповец, 2022.
10. Стексова Т. И. Русское изъяснительное предложение в дискурсивном пространстве / Т. И. Стексова, Т. В. Шмелева. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2022. 288 с.
11. Федосюк М. Ю. Синтаксис современного русского языка : учебное пособие. Москва : ИНФРА-М, 2012. 245 с.
12. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Москва : Наука, 1960.
13. Ширяев Е. Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. Москва : Наука, 1986. 223 с.

14. Шмелева Т. В. Оценочные высказывания в комментариях к стриму // Verba : Северо-Западный лингв. журнал. 2023. № 2 (7). С. 89–102. URL: <https://verba.press/index.php/journal/article/view/84/65>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=54108766> DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-89-102 (дата обращения: 20.08.2023). Текст : электронный.

О. А. СТАРОВОЙТОВА®

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

ostarovo7@rambler.ru

«ВСЯК СУЩИЙ В НЕЙ ЯЗЫК...»: РУССКИЙ ЯЗЫК НОВОГО ВРЕМЕНИ О ХАРАКТЕРЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ XIX ВЕКА

Контакты между этносами ведут к возникновению проблем, считающихся одними из самых острых, что находит отражение в языке народа. Описывая подобные проблемы, русский язык XIX в. оперирует единицами, производными от этнонимов. Глагольная лексика данной группы, которая по большей части представляет собой лексические новации данного периода, свидетельствует об активности национального языкового сознания, стремящегося зафиксировать, осмыслить и оценить происходящие процессы.

Ключевые слова: русский язык, русский язык XIX в., историческая лексикология, неология XIX в., глаголы, мотивированные этнонимами.

Starovoitova Olga Albertovna, St. Petersburg State University, Russia

ostarovo7@rambler.ru

"Every living tongue...": Russian language of the New time on the character of inter-ethnic

Contacts between ethnic groups lead to the emergence of interethnic problems. They are considered one of the most acute and therefore are reflected in any language. A huge number of words, derived from the names of nations and nationalities (ethnonyms) were actively functioning in the 19th century Russian language. The majority of the verbs from the mentioned group is the lexical novations of the 19th century. This fact proves the extraordinary activity of national linguistic consciousness which strives to capture, comprehend and evaluate ongoing processes.

Keywords: Russian Language, the 19th century Russian Language, history of lexis, 19th century novations, verbs derived from the names of the ethnos.

Отечественная историография насчитывает множество работ, посвященных проблемам межнациональных (межэтнических) отношений в Российской империи в XIX в., что закономерно, поскольку Российское государство в то время отличала этнически-конфессиональная и социально-экономическая многоликость¹. На повестке дня стоял вопрос, который, по мнению социолога М. М. Ковалевского, являлся базовым для той эпохи: «Если в сфере политических вопросов Новое время выставило на очередь вопрос поистине новый, то таким следует признать национальный вопрос»² [9, с. 677]. Естественно, что для полиэтнического и поликонфессионального государства, каковым являлась Российская империя, указанный вопрос был экзистенциальным. Его решение осуществлялось в различных сферах жизни: политической, экономической, социальной, научной.

Исторические словари русского языка фиксируют лексему *инородец* для называния некоренного населения: 'о нерусских, об иностранцах в Русском государстве' [15, с. 242], 'человек иного рода, иноплеменник, иноземец' [16, с. 99]; однако прилагательное *инородческий* возникает в русском языке как новация XIX в., типичными для нее сочетаниями становятся *инородческое (народо)население*, *инородческий элемент* и *инородческий вопрос*. Первые два представляют собой обобщенное понятие, книжный синоним к форме *инородцы* (в той же функции используется и новация *инородчество*, в одном из своих значений выступающая как собирательное существительное), а третье является типичным для книжного стиля словосочетанием, которое по значению эквивалентно сложным по структуре образованиям, в том числе описательным оборотам, заменяющим предложно-именные конструкции³.

Словосочетание *инородческий вопрос* не избежало судьбы сходных сочетаний (*аграрный, женский, национальный, тюремный... вопрос*) – множественности их интерпретаций, создававших почву для дискуссий в отношении содержания понятия, его толкования представителями разных социальных групп. Диффузность его значения, несмотря на ярко выраженный терминологический характер, проявляется в различных источниках. Историки справедливо указывают на синонимию сочетаний *инородческий вопрос* и *национальный вопрос* [7], что подтверждается примерами типа: *...казанские инородцы черемисы, вотяки, а еще более чувашы, сильно подчиняются влиянию татар, так что, по свидетельству специалистов, в инородческом вопросе⁴ не миновала еще, но предстоит опас-*

ность всем инородцам Казанского края **отатариться**... [2, с. 332]. Тем не менее укажем и на его специфическое употребление в значении 'этнографический вопрос'. Так оно используется, например, по отношению к быту, традициям инородцев Сибири в монографии Н. М. Ядринцева [20] и откликах на нее: *Присматриваясь во время своих странствий по Алтаю к быту инородцев, он <Ядринцев> собрал по этому предмету неоценимый материал. <...> Его отчеты по инородческому вопросу не простой конгломерат сухих данных и фактов, но целая картина, где от вас не скрыто ни прошлое, ни настоящее жизни полудиких племен, ни закрыта завеса их будущего* [4, с. 437].

Повышенный интерес к проблеме, которую можно назвать относительно новой и определить как формирующиеся с учетом исторических особенностей развития общества связи между этническими группами в различных сферах жизнедеятельности, неизбежно вел к изменениям в общественной жизни, появлению новых реалий и, следовательно, новых языковых средств для их описания. На языковых процессах XIX в. отразился многоплановый характер этноориентированных проблем, результатом которого стало появление новаций – лексических и семантических, представленных разными частями речи⁵.

Словопроизводство, чутко среагировавшее на потребность в новых языковых средствах, отражающих новые связи и новые этносоциальные процессы, в качестве основной модели «предложило» образование посредством приставки *о-* (*об-*) от соответствующего имени существительного – названия национальности (этнонима) – переходных и непереходных глаголов, имеющих значение в соответствии с семантикой приставки: 'превращение в кого-, что-л., придание каких-л. свойств, качеств, становление каким-л. (в результате действия)' [14, с. 518]. В лексической системе русского языка XIX в. формируются пары или даже триады, образуя оппозицию 'оказывать действие' / 'испытывать действие на себе'⁶: *ополячить / полячиться, отатарить / отатариться, обьякутить / обьякутиться / обьякуть, обрусить / обруситься / обрусеть*, например: *Все тунгусы и ламуты Якутской области, за исключением тех, которые **обьякутели** (как в устье Лены или Яны) или **обьюкагирели** (как на колымской тундре и на реке Ясачной), говорят диалектами общего всему племени языка – тунгусского...* [6, с. 160–161].

С помощью новой отэтнонимной лексики создается метаязык для описания в различного типа текстах межэтнического взаимодействия в российском полиэтническом социуме. Перед читателем раскрываются разные стороны жизни населения: *Татарин для киргиза авторитет; цивилизующийся киргиз сбрасывает свой киргизский (бухарский) халат и надевает татарский; цивилизованный киргиз, надев чистый халат, идет вместе с татаринцом на вечернюю молитву в мечеть. И высшая мечта киргиза **не обрусеть, а отатариться**...* [18, с. 96]; высвечиваются проблемные точки межэтнических контактов: ***Ополячился** еврей – виноват пред русским, **обрусился** – пред поляком, боже упаси, **обнемечился** – преступен пред русским и поляком* [19, с. 2] – или их специфика. Так, название по типичной модели получает необычный с социокультурной точки зрения феномен (более слабый этнос влияет на более сильный): *Поразительно то, что русские, повсюду <в Сибири> побеждая инородцев силою своего народного элемента и претворяя их в себя, только в Якутской области подвергаются противоположной судьбе и **о якучиваются*** [10, с. 48], который не оставляют без внимания все, кто сталкивается с подобной ситуацией: *В Якутске все няньки – якутки; русские охотно женятся на них и охотно говорят на их языке, так что в тех местах якутский язык модный и любимый на столько же, на сколько у русских дворян язык французский* [11, с. 34].

Однако пристальное внимание к особенностям быта и характера населяющих Россию этнических групп, к многогранному процессу их взаимодействия наряду с намерением объективно отразить их неизбежно приходят в противоречие с неоднозначным отношением к рассматриваемому вопросу говорящего/пишущего, который выражает собственные (или групповые) субъективные оценки. В подобном случае языковая единица приобретает дополнительную смысловую нагрузку, что может выражаться различными способами.

Основным и самым, на наш взгляд, очевидным является использование личной формы переходного глагола, указывающей на принудительный характер соответствующего действия, которая в обычной ситуации коммуникации менее предпочтительна, чем иные причастные формы тех же глаголов или их возвратные формы: *О вы, которые хотите / Преобразить, испортить нас / И **обнемечить** Русь – внемлите / Простосердечный мой возглас!* [8, с. 399]. Подтверждением тому может служить метаязыковая рефлексия современника на лексемы, связанные с межэтническими проблемами, в которой переходные отэтнонимные глаголы входят в ряд «страшных» слов: *...он <Танин> и Славичский беседуют, будто две газеты, укладывая в стихи великое множество имен собственных, названий разных племен и «страшных» слов: католицизм, славянизм, полячиизм, обезнародить, обезчеловечить, ославянить, οποлячить, онемечить* [12, с. 294].

Поскольку деривационный процесс давал приставочный глагол, укажем на употребление бесприставочного глагола в качестве маркера экспрессивности и/или оценочности, в контексте оно часто поддерживается другими единицами. Так, в примере ниже интенсификатором выступает фразеологизм *не приходило в голову*: *Никогда ни нам, ни нашим собратам по журналистике, да и никому из русских не приходило в голову **русить*** <выделено авто-

ром. – О. С.> почтенных баронов, бюргеров и литератов и все тридцатитысячное немецкое население Прибалтийского края [1, с. 52].

Показательным примером выражения авторской экспрессии служит употребление отэтнонимного глагола, не описывающего реальную ситуацию, а маркирующего проблему в сфере межэтнических отношений: *Неужели на то Петр Великий пустил Россию в Европу, чтобы преемникам его было всегда в чужом пиру похмелье, а домочадцам сочельник? Он хотел Россию объевропить, а не Европу с помощью России **окамчадалить*** [5, с. 520]. При этом в качестве словообразовательной базы может быть взято название любого этноса: *Dziennik Poznański первый взялся ответить генералу Гурко на его речь: он, очевидно, опасался, что тон генерал-губернатора Варшавы уменьшит дух сопротивления в польском населении, в котором зарубежная печать поддерживает мнение, что Россия желает «омосковить» и «обашикурить» поляков* [13, с. 263–264].

«Тип этноса, совокупность его признаков, таких как самосознание, отношение к соседям, к окружающей биосфере, – все это как бы извне, со стороны давит на словарь», – считал А. С. Герд [3, с. 9]. Отношение к соседям и отношения с ними в полиэтнической Российской империи XIX в. во многом были отправной точкой для процессов, сыгравших важную роль в развитии русского языка. Актуальность проблемы взаимоотношений разных этносов, населяющих Россию, проявилась в появлении новой лексики, в частности целого ряда глаголов, образованных от этнонимов. Подавляющее их большинство разбросано по разножанровым текстам того времени и нигде не лексикографировано. Однако они представляют большой интерес как для лингвистики, так и для истории, этнографии и требуют специального изучения.

Примечания

¹ По разным данным, к середине XIX в. население Российской империи составляло около 70 млн человек, причем этнический состав был чрезвычайно разнообразен. В то время традиционно выделялось три типа национальных окраин: западные (Прибалтика, Белоруссия, Украина, Польша, Финляндия); степной Юг и Сибирь, Центральный Кавказ, Закавказье; Казахстан и Средняя Азия.

² Все примеры в статье приводятся в соответствии с современными правилами и нормами орфографии и пунктуации.

³ О функционировании подобных сочетаний в языке публицистики XIX в. см. в [17].

⁴ Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, выделено нами. – О. С.

⁵ В настоящей публикации приводятся некоторые особенности функционирования отэтнонимной глагольной лексики.

⁶ Заметим, что личная форма переходного глагола, которая указывает на принудительный характер соответствующего действия, наименее употребительна.

Список литературы

1. Аксаков И. С. По поводу статьи «Северной Почты» об отношении русской печати к прибалтийскому вопросу. «Москва», 14-го ноября 1867 г. // Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России : статьи из «Дня», «Москвы» и «Руси», 1860–1886. Т. 6. Москва, 1887. С. 47–56
2. Воронец Е. Н. Казанская учительская семинария по отношению к местному населению // Русский вестник. 1873. Т. 106 (июль). С. 319–344.
3. Герд А. С. «Словарь русского языка XIX века» в свете проблем общей лексикографии // Acta Linguistica Petropolitana : труды Института лингвистических исследований РАН. 2008. Т. 4, ч. 3. С. 9–16.
4. Глинский Б. Б. Николай Михайлович Ядринцев : (биографический очерк) // Исторический вестник. 1894. Т. 57. С. 412–451.
5. Из писем князя П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову // Русский архив. 1879. Т. 4. С. 503–520.
6. Иохельсон Вл. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов // Живая старина. 1900. Вып. 1–2. С. 151–193.
7. Кэмпбелл (Воробьева) Е. И. «Единая и неделимая Россия» и «инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. Москва, 2001. С. 204–215.
8. К ненашим : стихотворение Н. М. Языкова (1844) // Русский архив. 1879. № 3. С. 399–400.
9. Ковалевский М. М. Национальный вопрос в старом и новом свете // Вестник Европы. 1885. Кн. 6 (июнь). С. 677–731.

10. *Литературная хроника* : Русское слово, учено-литературный журнал. 12 книг [рецензия] // Вестник Европы. 1866. Т. 2 (июнь). С. 47–50.
11. *Максимов С.* Край крещеного света. II. Дремучие леса, или Рассказ о народах, населяющих русские леса. 2-е изд. Санкт-Петербург : изд. тов-ва «Общественная польза», 1873.
12. *Н. К.* Драма с современным интересом : (по поводу «Сцен» из последнего польского восстания, г. Полонского) // Отечественные записки. 1864. Т. 155. С. 285–308.
13. *Р.* Поляки, их мнения и толки // Русский вестник. 1884. Т. 170 (март). С. 257–1884.
14. *Словарь* русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. Т. 2. Москва : Русский язык, 1986.
15. *Словарь* русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. Москва : Наука, 1979.
16. *Словарь* русского языка XVIII века. Вып. 9. Санкт-Петербург : Наука, 1997.
17. *Старовойтова О. А.* Какие вопросы ставила российская жизнь? : (особенности употребления сочетания с лексемой *вопрос* в публицистике XIX века) // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2021. Вып. 4. С. 115–125.
18. *Харузин А.* Степные очерки : (киргизская Букеевская орда) : странички из записной книги. Москва : Тип. А. А. Левинсон, 1888.
19. *Шигарин Н. Д.* Как и почему бьют евреев. Санкт-Петербург : Тип. Н. С. Леви, 1881.
20. *Ядринцев Н. М.* Сибирские инородцы, их быт и современное положение : этнограф. и стат. исслед. с прил. стат. табл. Санкт-Петербург : Изд. И. М. Сибирякова, 1891.

«УСТАВ ВЕКСЕЛЬНЫЙ» В СИСТЕМЕ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА: СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Статья посвящена анализу стилистического своеобразия «Устава вексельного» (1729), представляющего собой текст директивно-регламентирующего типа и демонстрирующего признаки современного делового стиля – композиционную устойчивость, высокую степень терминованности, синтаксическую сложность, наличие широкого круга операторов директивной модальности, позволяющих четко очерчивать отношения между участниками ситуации, как гражданскими лицами, так и представителями власти.

Ключевые слова: Устав вексельный, документ, деловой стиль, терминованность, директивная модальность.

Brykova Aleksandra Andreevna, St. Petersburg State University, Russia
a.brykova@spbu.ru

"Rules of Promissory Notes Circulation" in the system of juridical communication of the beginning of the 18th century: stylistic originality

The article discusses stylistics features of "Rules of Promissory Notes Circulation" (1729) – a directive and regulatory text which demonstrates the elements of a modern juridical style – compositional stability, a large number of adopted foreign terms, syntactic complexity and some markers of directive modality determining the relationships between civil and authorized members of the business situation.

Keywords: Rules of Promissory Notes Circulation, document, juridical style, juridical terms, directive modality.

Важность устава, как 'свода правил и норм, устанавливающего порядок действий в той или иной государственной сфере' [1], в документной коммуникации XVIII в. объясняется очевидной потребностью власти и граждан в определении четко установленного порядка поведения в новых для того времени областях деятельности. Это объясняет и тот факт, что в первой трети XVIII в. было выпущено большое количество военных и гражданских уставов, ориентированных на европейские образцы (голландские, немецкие и шведские в первую очередь). Одним из таких уставов был «Уставъ вексельной, сочиненной въ коммисіи о комерциі указомъ Его Императорскаго Величества», вышедший в период правления Петра II (05.07.1729) и устанавливавший порядок использования векселей между частными лицами и частными лицами и учреждениями.

«Устав вексельный» был создан в первую очередь для того, чтобы регламентировать действия купцов, которые хотели избежать необходимости перевозить из города в город наличные деньги и сократить риски денежных потерь за счет использования векселей.

Показательно, что в Словаре Академии Российской значение 'ценная бумага, используемая для денежных переводов' для слова *вексель* уже не зафиксировано, а дано, с указанием на немецкое происхождение слова, лишь одно значение, а именно: 'письменное обязательство, даваемое займодавцу, которым обязуется должник, взятое у займодавца число денег заплатить в известный срок' [2, т. 1, с. 583]. Это же значение определяется как ведущее и в Словаре под редакцией Ю. С. Сорокина, несмотря на то что первые два значения ('документ, по которому осуществляется размен, обмен денег' и 'документ, посредством которого осуществляется перевод денег на другое место' [3, вып. 3, с. 8]) там тоже указаны, но с пометой *уходящие из употребления*. При этом и в Словаре Академии Российской, и в Словаре под редакцией Ю. С. Сорокина зафиксированы и однокоренные слова *векседавец* и *вексельный* – последнее с указанием на наиболее частотную сочетаемость – *вексельный устав* и *вексельное право*.

По своей функции уставы XVIII в. можно отнести к документным текстам регламентирующего типа, поскольку они так или иначе определяли поведение людей, выступавших в той или иной области деятельности в разных социальных ролях [4, с. 113]. При этом, в отличие от морских и военных уставов, вексельный устав регламентировал в первую очередь отношения между гражданскими лицами, что во многом определяло его стиль и накладывало ряд ограничений на выражение директивной модальности, так как специфика гражданского социального взаимодействия предполагает оперирование понятием последствий, но не наказания. Именно поэтому со стилистической точки зрения наиболее интересно рассмотреть композиционный уровень текста, его лексический и синтаксический уровни, поскольку именно на последнем пропозиционный (событийный) план социального взаимодействия кодируется речевыми средствами наиболее отчетливо.

Итак, композиционно вексельный устав также был близок текстам регламентирующего типа в силу своей четкой структурированности. Устав разделен на три главы: первая глава, посвященная купеческим векселям, состоит из 39 озаглавленных пунктов; вторую главу, посвященную векселям на казенные деньги, составляют 15 озаглавленных пунктов; в третьей главе помещены образцы векселей обоих типов.

Заголовки глав, за редким исключением, стандартизированы: используется хорошо знакомый в XVIII в. тип объектного заголовка с предлогом *о* и винительным темы: *О вексельяхъ, в которыхъ адресъ написать запомнят; О пропадишихъ подписанныхъ вексельяхъ.*

С лексической точки зрения особый интерес представляют узко тематические слова, очевидно стремящиеся к терминологизации. В первую очередь речь идет о собственно-русских словах и полукальках, называющих субъектов «вексельного взаимодействия», существительных с суффиксами *-тель* и *-ец*: *векселедавецъ, переводитель* ('тот, кто отдает деньги векселедавцу'), *подаватель* ('тот, кому отправляют вексель и на кого возложена обязанность передать его приемателю'), *приниматель* ('тот, кто обязан принять вексель и в указанный срок заплатить по нему деньги'), что подробно описано в пункте 3 «О персонах, которые в векселях писаны бывают» [5, с. 449].

Эти существительные последовательно используются на протяжении всего текста устава, в том числе в третьей главе, где на конкретных примерах разъясняется, кто какую роль выполняет, какие функции может совмещать в себе один человек.

Поскольку «Устав вексельный» разрабатывался с опорой на немецкие образцы, среди тематической лексики особо выделяются немецкие заимствования, маркирующие как разные виды векселей и иных сопроводительных документов, так и отдельные специфические действия, необходимые к выполнению, для того чтобы вексель считался действительным (например, глагол *акцептовать* – 'письменно подтвердить факт принятия на себя вексельных обязательств'):

...И приематель векселя долженъ на вексельъ подписать годъ, мѣсяцъ и число, пріемлю платить тотъ та имянемъ, что по нѣмьцки обыкновенно подписывается акцептоваль [5, с. 451].

Сверхъ векселей такихъ, въ которыхъ будетъ упомянуть адвизъ по есть увѣдомленіе, надлежитъ тому, кто вексельъ даетъ... [Там же].

*А когда деньги по векселю на срокъ заплачены быть имѣють въ томъ городѣ и мѣстѣ, гдѣ вексельъ взять, тогда и однимъ векселемъ удовольствоваться [которой называется *сола*] и во ономъ написать имянно, по сему моему *одинакому векселю* кои вексели имѣють равную силу какъ прочіе* [5, с. 450].

Как можно видеть из приведенных примеров, все заимствования последовательно глоссируются, обычно с указанием языка-источника, при этом в случаях, когда вместо иностранного слова используется калька, иностранный аналог также указывается (ср. *одинокій вексельъ* vs *сола*; *один вексельъ* vs *прима*).

Наличие подобного рода глосс указывает на еще одну функцию устава – функцию собственно информационную, так как задача устава – не только зафиксировать нормы и правила, но и сделать их доступными для потенциального коллективного адресата.

Синтаксически текст устава обнаруживает много общего как с наказами и инструкциями, так и с указами XVIII в., поскольку строится по наиболее очевидному полипредикативному принципу с придаточными времени и условия, придаточными цели, придаточными определительными. При этом, насколько можно судить, союзы обнаруживают некоторую прагматическую специализацию. Так, союз *буде* используется для маркирования естественных условий реализации того или иного действия, в то время как союз *ежели* указывает на возникновение непредвиденных обстоятельств:

Буде по которому нибудь изъ тѣхъ векселей заплата учинена, или подписанъ и за неплатежъ протестованъ, то прочія два въ срокъ и послѣ срока уничтожатъ [5, с. 465].

А ежели кто оставя вексельной уставъ, будетъ и въ трехмѣсячномъ срокъ получа пропалой или украденной, или и самъ подаватель по уничтоженному векселю искать денегъ... <...> ...такого судить краткимъ таможеннымъ судомъ [5, с. 465–466].

В свою очередь конструкции с союзами *дабы* и *чтобы*, в сочетании с частицей *не*, маркируют предостережение, указывая на нежелательные действия, что может быть объяснено имплицитным модальным (запретительным) потенциалом условных конструкций с такими союзами:

Вексели кто даетъ, тѣ должны писать по учиненнымъ образцамъ, и смотрѣть, чтобы нужное въ тѣхъ вексельяхъ не было упущено, о чемъ пространно въ формахъ положено и истолковано, дабы такіе люди, кои не имѣють разсужденія, не имѣли случая спорить, представя якобы одно слово выпущено или лишнее написано [5, с. 449].

Особую значимость приобретают в тексте устава и придаточные определительные с местоимением *кто*, что объясняется спецификой полисубъектных пропозиций, описываемых в главах устава. Этим он отличается, например, от текстов указов, где основным вербально маркированным, иницирующим, субъектом является император или исполняющий его волю законодательный орган (Сенат), в то время как вторая сторона правового взаимодействия может быть не обозначена, поскольку на первый план выступает сам приказ – действие, необходимое к совершению и обозначенное инфинитивом. В свою очередь, устав, как регламентирующий документ, описывает социальное взаимодействие двух равноправных сторон – граждан или гражданина и учреждения. И каждая из этих сторон должна быть четко определена, что не исключает возможности использования модального инфинитива в текстах устава; но в случае если он не детерминирован модальным оператором, такой инфинитив может быть расценен и как инфинитив, выполняющий информационную функцию, не теряющий, однако, и императивности в силу сложившейся в документных текстах синтаксической традиции (см. примеры выше).

Именно модальные операторы в текстах устава представляют наибольший интерес, поскольку, в отличие от текстов указов, встречаются довольно регулярно и обнаруживают стремление к специализации тех или иных оттенков императивности. Речь в первую очередь идет о преобладающих операторах директивной модальности, таких, например, как *должен* и *надлежит*, где *должен* (24 положительных словоупотребления и 5 отрицательных, в том числе в безличной форме *должно*) в первую очередь маркирует действия, которые обязан выполнить участник, взявший на себя в рамках «вексельного взаимодействия» ту или иную роль – *вексельдавец*, *приниматель*, *подаватель* и т. д. В то время как оператор *надлежит* (24 словоупотребления) используется для описания тех ситуаций, когда тот или иной участник действует, по тем или иным причинам, не в соответствии со взятой на себя ролью:

*Когда вексель данъ будетъ на одного челоувъка въ другомъ городѣ, чтобъ по оному заплатитъ деньги въ третьемъ городѣ, то въ другомъ городѣ **приниматель долженъ на вексель имянно того челоувъка написать**, которой будетъ въ третьемъ городѣ платитъ по написанному въ вексель сроку... [5, с. 457].*

*По учиненіи протеста за неподписку къ платежу, и послѣ посылки писемъ и другихъ векселей къ переводителю, и прежде на то полученнаго отвѣта **надлежитъ подавателю вексель держать до показаннаго въ немъ сроку...** [5, с. 454].*

Отдельного упоминания требует третья глава «Устава вексельного» не только потому что путем многократного повторения в ней закрепляются речевые модели векселей (в том числе и императивные), но и потому что в пояснительных разделах этой главы используется максимально широкий спектр модальных операторов – маркеров долженствования, разрешения и запрета – *повинен* (в значении ‘вынужден сделать по причине собственной вины’), *должен*, *надлежит* (без указания на субъект), *имѣютъ быть*, *можно*, *не надобно*, *не должно* и пр. Такое большое количество операторов объясняется как меньшей строгостью текстов объяснений, при последовательном сохранении официального стиля, так и их не директивной, а разъяснительной функцией, для которой становится особо важным разграничение обязательных и необязательных действий. Так, обязательные действия маркируются с помощью слов *должно* (в безличной форме), *должен*, *повинен*, а необязательные – *не должно*, *не надобно*, *могут* и пр.:

*По сему векселю **должно** по силѣ I главы 7 и 14 пунктовъ, по объявленіи тогожь дня **деньги платитъ**, или принимателю о платежѣ въ пересрочные три дни подписать [5, с. 478].*

*А ежели умалчивая о монетѣ... напишет, то по силѣ тогожь 28 пункта **повиненъ будетъ принять**, какоюбъ монетою мѣдною или серебряною ни отдавалъ [5, с. 480].*

*Изъ сего видны случаи въ векселяхъ, что принявъ деньги вексельдавецъ, вексель дастъ переводителю самому... и тако четвертую подавателю персону въ самомъ вексель, вексельдавцу **писать не надобно** [Там же].*

*По сему образцу **могутъ вексели писать** не токмо къ прикащикамъ, но отцы къ дѣтямъ, къ братьямъ, или къ другимъ, кто домогъ управляетъ [5, с. 481].*

Таким образом, композиционно и синтаксически текст «Устава вексельного» обнаруживает много общего как с текстами регламентирующих документов, так и с текстами директивных документов, выполняя, помимо прочего, также и информативную функцию. Одновременно с этим именно в текстах уставов XVIII в., как документов иерархически более высокого ранга, чем, скажем, указы, закладываются основные принципы делового стиля и на уровне композиции, и на уровне лексики, и на уровне синтаксиса, а главное, на уровне императивной модальности, так как именно в текстах уставов модальные операторы проявляют себя наиболее ярко, маркируя разные оттенки императивности.

Список литературы

1. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург : Норинт, 2014. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 04.06.2023). Текст : электронный.
2. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный : в 6 т. Санкт-Петербург : Имп. АН, 1806–1822. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ESAR/SAR/PDFSAR/Framesetpdf.htm> (дата обращения: 04.06.2023). Текст : электронный.
3. Словарь русского языка XVIII века : 22 вып. / гл. ред. Ю. С. Сорокин. Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1984–2019. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 04.06.2023). Текст : электронный.
4. Сологуб О. П. Русский деловой текст в функционально-генетическом аспекте. Новосибирск : НГТУ, 2008. 330 с.
5. Указы блаженные и вечнодостоинныя памяти великой государыни императрицы Екатерины Алексиевны и государя императора Петра Второго, состоявшиеся с 1725 генваря с 28 числа по 1730 год. Санкт-Петербург : Имп. АН, 1743. 530 с.

В. Е. ЗАМАЛЬДИНОВ®

*Нижегородская академия МВД России,
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Россия
zvlad-nn@yandex.ru*

АКТИВНЫЕ ДЕРИВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

В статье рассматриваются такие активные деривационные процессы в русском языке последних десятилетий, как интернационализация, активизация неузального словообразования, использование аббревиатур. Демонстрируется, что результатом данных тенденций являются новые лексические единицы. Новообразования обладают оценочностью, отражают социально-политические процессы, происходящие в обществе, воздействуют на сознание адресата.

Ключевые слова: активные процессы, словообразовательные неологизмы, язык СМИ, интернационализация, неузальные способы, аббревиация.

Zamaldinov Vladislav Evgenievich, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Russia
zvlad-nn@yandex.ru

Active derivational processes in the russian language the last decades

The article discusses such active derivational processes in the Russian language of recent decades as internationalization, activation of non-formal word-formation, the use of abbreviations. It is demonstrated that the result of these trends are new lexical units. Word-forming neologisms have value, reflect the socio-political processes taking place in society, affect the consciousness of the addressee.

Keywords: active processes, word-forming neologisms, media language, internationalization, non-formal methods, abbreviation.

В русском языке последних десятилетий происходят значительные изменения на всех уровнях языковой системы. Это связано прежде всего с такими экстралингвистическими социальными факторами, как политическая свобода в социуме, межъязыковые контакты, медиатизация, ликвидация цензуры, переход к рыночной экономике и др.

На развитие литературного языка мощное воздействие оказывают средства массовой информации (СМИ). Журналисты управляют общественным мнением, транслируют информацию разного типа (фактуальную, развлекательную и т. д.), формируют в сознании носителей языка ценностно-оценочную парадигму. Нельзя не согласиться с Л. Р. Дускаевой, что «влияние медийности на речь представляется сегодня существенно более глубоким, чем это казалось в начале 2000-х» [1, с. 58].

В языке современных СМИ отражаются такие деривационные процессы, как интернационализация, активизация неузального словообразования, использование аббревиатур. Результатом данных тенденций являются словообразовательные неологизмы. Под новообразованиями мы понимаем новые слова, созданные при помощи словообразовательного механизма языка (безотносительно к узусу). Словообразовательные неологизмы позволяют адресанту ярко выразить мысль, обладают аксиологическим потенциалом.

Цель исследования – анализ активных деривационных процессов, происходящих в русском языке последних десятилетий.

В настоящее время существует большое количество работ, посвященных анализу новых тенденций в современном русском языке (см., например: [2–5]).

К активным деривационным процессам относится интернационализация. Она проявляется в том, что в медийных текстах широко используются различные аффиксальные морфемы иноязычного происхождения. Так, например, в СМИ продуктивны следующие иноязычные приставки: *анти-* со значением отрицания, *псевдо-* с семантикой неистинности, *экс-* с семой 'бывший'. Приведем примеры: *Анти-НАТО: какие страны могут выступить против США* (заголовок) (т/к РЕН ТВ. 09.02.23); *Долгое время из Украины создавалась «анти-Россия», чтобы сдерживать развитие Российского государства, заявил 4 июля президент РФ Владимир Путин на саммите Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)* (Regnum. 04.07.23); *В Тульской области псевдоблагодетели похитили 16 млн рублей у юридических лиц* (заголовок) (Московский комсомолец в Туле. 26.06.23); *Псевдоработник «Росздравнадзора» выманил у саратовской пенсионерки 800 тысяч рублей* (заголовок) (Дни24. 15.07.23); *За вымогательство арестован экс-полковник ФСБ Михаил Поляков* (заголовок) (Тверская 13. 15.07.23); *Экс-оперативника из Тульской области осудили на 3,5 года за избивание подозреваемого* (заголовок) (За Новомосковск. 15.07.23). Подобные префиксальные номинации обладают отрицательной оценочностью, отражают социально-политические процессы, происходящие в обществе.

Популярны в языке СМИ и заимствованные суффиксы в составе новообразований. Продуктивность в медийных текстах проявляет английский формант *-инг* с процессуальной семантикой. Проиллюстрируем сказанное: *Провальный Лукашенинг, приезд Колесниковой и героизм рабочих* (заголовок) (Tumblr. 17.08.20); *Сленг российских госслужащих пополнился новым термином – «Мишустинг»* (ПОЛИТРУК 2.0. 26.01.21); *Навальнинг посредине недели. Жертв и задержаний нет* (заголовок) (Seldon. News. 22.04.21); *В американских соцсетях набирает популярность 'челлендж' с хештегом 'Байденинг' (#Bidening)* (ТамТам. 20.07.22); *Имя Олафа Шольца стало синонимом нерешительности в соцсетях. <...> «Шольцинг», по мнению авторов, означает заявление о готовности действовать при отсутствии самих действий* (Правда.Ру. 22.01.23); *По утверждению издания, уже вошел в обиход термин «макронинг», обозначающий людей, которые громко говорят, но ничего не делают* (ТНД. 07.02.23). В качестве производящих слов выступают антропонимы (А. Г. Лукашенко, М. В. Мишустин, А. А. Навальный, Д. Байден, О. Шольц, Э. Макрон). Инговые имена существительные несут сатирическую и юмористическую окраску, требуют фоновых знаний носителя языка об общественно-политическом деятеле. Кроме того, новообразования с суффиксом *-инг* имеют контекстуальный характер, быстро теряют актуальность.

Таким образом, процесс интернационализации получает широкое распространение в текстах современных СМИ. Иноязычные аффиксы участвуют в создании оценочности, активно используются журналистами для порождения новых лексических единиц. Другим активным деривационным процессом является активизация неузualmente (оказионального) словообразования. При создании новых лексических единиц журналисты сознательно нарушают действующие в языке законы.

Зафиксированы в медийной коммуникации новообразования, возникшие в результате междусловного наложения. При данном неузультальном способе деривации происходит наложение на конец основы одной лексемы омонимичного начала другого слова. Приведем примеры: *Пробегство от санкций* (заголовок). *Дилеры автомобилей класса люкс осваивают параллельный импорт* (Коммерсантъ. 22.11.22) ← *пробег* + *бегство*; *Хардкорь* (заголовок). *Врачи рассказали, каких прививок боятся родители* (Коммерсантъ. 14.04.23) ← *хардкор* + *корь*; *Шаурмафия* (заголовок). *Торговцы уличной едой безнаказанно травят россиян* (Наша версия. 26.06.23) ← *шаурма* + *мафия*.

Среди неузультальных способов создания новых лексических единиц востребован тмезис. Под ним мы понимаем вставку в языковую единицу части другого слова или целого слова. Приведем примеры из нашей картотеки: *Владимир Путин за всё отмостил* (заголовок). *Что президент делал на Крымском мосту и в московском Манеже* (Коммерсантъ. 06.12.22) – *отмостил* + *мост*; *Курс на укрупнение* (заголовок). *Новая форма национальной валюты может появиться уже в следующем году* (Коммерсантъ. 23.12.22) – *укрепление* + *криптовалюта (крипта)*; *В прифродовой полосе* (заголовок). *В 2023 году к государственной системе противодействия телефонному мошенничеству «Антифрод» подключат операторов связи ЛНР и ДНР, а затем Запорожской и Херсонской областей* (Коммерсантъ. 23.06.23) – *прифронт* + *фрод*.

Представлены в медийных текстах новые лексические единицы, образованные с помощью графикации. Ее суть заключается в том, что при создании новообразований журналисты используют следующие средства параграфемики: шрифтовое выделение, дефис, скобки и т. д.

Распространена в массмедиа такая разновидность графикации, как капитализация (капителизация) – графическое выделение сегмента слова. Приведем примеры: *НеуДАЧА* (заголовок). *Аренда дач стала дороже отдыха в Турции* (Наша версия. 06.06.22); *ПриДВОРный мир: где-то розы, где-то крысы...* (заголовок). *Хорошо, когда из окна твоей квартиры видны аккуратно постриженный газон и цветущие клумбы* (Рязанские ведомости. 14.09.22);

ЗаДудел (заголовок). *Проверка МВД в отношении Парфёнова началась на следующий день после интервью Юрию Дудю* (Наша версия. 31.12.22).

Реже в медийных текстах встречаются такие разновидности графисации, как дефисация (разбиение слова дефисами), парентезис (скобки), голофразис (написание слов без пробелов): *Фут-боль* (заголовок). *Чемпионат в Катаре превратился в фарс* (Наша версия. 28.11.22); *Дорожное (не)счастье* (заголовок). *Президент России по пути на Донбасс обратил внимание на плохие дороги в Ростовской области* (Наша версия. 21.04.23); *Откуда берутся яжемать и онжсеребенок* (заголовок)? (EVA. 16.07.21).

Новообразования, созданные с помощью незуальных способов деривации, участвуют в создании комического эффекта, являются средством визуального воздействия на адресата, привлекают оригинальностью.

Один из активных деривационных процессов в русском языке последних десятилетий – использование аббревиатур. Под аббревиатурами (сложносокращенными словами) мы понимаем производные слова, образованные от усеченных основ или усеченных и полных основ слов.

Аббревиатуры могут быть базовыми основами для новых лексических единиц. Проиллюстрируем сказанное: *ВСУета* *сует* (заголовок). *Из правительства Украины пошли утечки информации о том, что ВСУ готовят контрнаступление в южную сторону* (Наша версия. 18.07.22) ← *ВСУ* (вооруженные силы Украины) + *суета*; *ВНЖелательная* *организация* (заголовок). *Госпожа Коган жила в России с 2009 года, она вышла здесь замуж за гражданина РФ и родила двоих детей. <...> Как рассказывал «Ъ», в гражданстве ей отказали и одновременно аннулировали вид на жительство (ВНЖ)* (Коммерсантъ. 09.03.23) ← *ВНЖ* (вид на жительство) + *желательная*; *СВОсенние* *выборы* (заголовок). *А с учетом текущей конъюнктуры одним из основных политических трендов может стать выдвижение на выборы участников или просто причастных к специальной военной операции (СВО) – подобно тому, как в разгар коронавируса на предвыборные баррикады «бросали» героев-врачей и волонтеров* (Коммерсантъ. 10.03.23) ← *СВО* (специальная военная операция) + *осенние*. Данные отаббревиатурные образования созданы с помощью незуальных способов деривации. Новые лексические единицы выполняют аттрактивную, компрессивную, экспрессивную функции.

Таким образом, для русского языка последних десятилетий характерны следующие активные деривационные процессы: интернационализация, активизация незуального словообразования, использование аббревиатур. Проявлением указанных тенденций являются словообразовательные неологизмы. Новые лексические единицы обладают оценочностью, являются средством визуального воздействия на адресата, выполняют аттрактивную, компрессивную и экспрессивную функции.

Список литературы

1. Дускаева Л. Р. Медиалингвистика в России: становление структуры и векторы развития // Вестник Московского ун-та. Серия 10: Журналистика. 2018. № 6. С. 48–74.
2. Замальдинов В. Е. Интернациональные словообразовательные морфемы как отражение социокультурных реалий // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания: (к 100-летию со дня рождения Б. Н. Головина) : сб. статей по материалам Междунар. науч. конф., Нижний Новгород, 28–30 сентября 2016 года. Нижний Новгород, 2016. С. 292–296.
3. Замальдинов В. Е. Экспрессивно-игровые окказионализмы в языке современных российских СМИ // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2020. № 2 (49). С. 116–120.
4. Николина Н. А. Активные деривационные процессы в современной художественной речи // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи : сб. статей Всерос. науч. конф. с междунар. участием, Ярославль, 27–28 мая 2022 года / под ред. Т. П. Курановой. Ярославль, 2022. С. 168–179.
5. Пацюкова О. А. Динамические явления в русском языке и русской речи / О. А. Пацюкова, Н. Е. Петрова, Е. Н. Широкова. Нижний Новгород : Мининский университет, 2019. 228 с.

КОГНИТИВНАЯ (ПРОСТРАНСТВЕННАЯ) ПАДЕЖНАЯ ГРАММАТИКА: INSTRUMENTALIS В ИНТРАНЗИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье на примере анализа конструкций с творительным падежом названий частей тела предпринята попытка подтвердить основные признаки, составляющие семантическую структуру инструменталиса, в основе которой, по мысли автора, лежит элементарный пространственный первосмысл ЧЕРЕЗ. Обращается внимание на ключевое отличие дополнений в творительном падеже от дополнений в винительном падеже.

Ключевые слова: когнитивная грамматика, творительный падеж, непереходный глагол, язык телодвижений, пространственные отношения, внешнее и внутреннее.

Ilchenko Olga Sergeevna, St. Petersburg State University, Russia
o.ilchenko@spbu.ru

Cognitive (Space) Grammar: The Instrumental Case in Intransitive Russian Constructions

Using the example of the analysis of constructions with the instrumental case of the names of body parts, the article attempts to confirm the main features that make up the semantic structure of the instrumental case, which is based, according to the author, on the spatial primitive THROUGH. Attention is drawn to the key difference between instrumental and accusative objects.

Keywords: cognitive grammar, instrumental case, intransitive verb, body language, spatial relations, external and internal.

Настоящая статья продолжает серию наших публикаций о русских падежах [3–9; 21; 22], где мы пытаемся доказать верность мысли Ф. Ф. Фортунатова, что существуют инвариантные «значения, принадлежащие падежным формам самим по себе» [17, с. 319]. Ранее нами была представлена абстрактная пространственная модель инструментальной конструкции [...→●→...], дано словесное описание **базовой (прототипической)** ситуации, соответствующей этой пространственной модели, а также схематически представлены два основных вида, отражающие элементарную ситуацию и семантически более сложную ситуацию, включающую элементарную [22]. *Пространственное отношение*, лежащее в основе грамматического значения инструменталиса, – это элементарный первосмысл ЧЕРЕЗ, воспринимаемый русским сознанием абстрактно, безотносительно к характеру пересекаемого объекта [5; 22]. *Ментальная интерпретация* – концептуализация промежуточного этапа МЕЖДУ: объект не является конечной целью, он представляет лишь ПУТЬ ее достижения. А. А. Шахматов отметил специфику дополнения в Тв. п., которое «вообще за немногими исключениями означает не зависимое от глагола представление, не объект, испытывающий на себе действие, влияние глагольного признака, а напротив, представление, способствующее развитию этого признака, видоизменяющее или определяющее его проявление; в этом существенное отличие творит. падежа от родит., винит. и дательного» [18, с. 340]. По Шахматову, Тв. п. обозначает орудие (физическое или отвлеченное), при посредстве которого обнаруживается действие [Там же].

Внимание исследователей давно привлекла особенность славянских языков¹ (на нее указывал А. М. Пешковский [12, с. 282]) – использование так называемого творительного падежа объекта (*бросить камнем, двигать стулом* и др.).

Согласно С. Д. Кацнельсону, «фактивные глаголы “несвободного” (или “частичного” движения), как *вертеть, ворочать, дергать, качать, трясти, шевелить* и др.», управляют в русском языке двумя падежами. Однако в случае В. п. глагол выражает намеренное действие, непосредственно направленное на объект (*Штурвальные, натужась, вертели колеса*), а в случае Тв. п. – действие либо ненамеренное (ср. *Хватит вам вертеть шляпой, раздавайтесь и садитесь пить чай*), либо, хотя и намеренное, но непосредственно направленное на другой объект, приближаясь во втором случае к обычному инструменталису: *Он вертел головой, чтобы сдвинуть воротник под подбородком* [10, с. 55].

По А. А. Потебне, Тв. п. при таких глаголах, как *двигать чем*, обозначает то, «в чем становится заметным движение интранзитивное» [15, с. 444]. Если один и тот же глагол может сочетаться как с Тв. п., так и с В. п., то возникает лексическое различие между глаголами: *вертеть, крутить пальцы, причиняя им боль* (внимание сосредоточено на дополнении, в котором выражена ближайшая, вполне определенная цель движения) – *вертеть пальцами от нечего делать* (внимание сосредоточено на самом действии, которое бесцельно) [Там же]. Как видим, в рамках такого употребления часто встречается Тв. п. названий природных инструментов – частей тела. «Индоевропейским (как, вероятно, и другим) народам очень свойственно представление о частях тела как об орудиях соответствующих действий, поэтому еще в индоевропейскую эпоху инструментальные суффиксы часто выбираются для обо-

значения частей тела» [14, с. 121]. Среди частей тела можно выделить воспринимающие, т. е. органы чувств (*глаза, уши, нос, рот, кожа*), действующие, т. е. органы движения, члены (*руки, ноги*), а также *язык* как «орудие речи», *сердце* как «вместилище души» и *голову* как «вместилище ума». Кроме того, нужно отметить более мелкие «части частей», в которых обычно и заметно движение или изменение (*брови, веки, ноздри, губы, зубы, лоб, пальцы*).

Инструментальное значение («социативно-инструментальное», по М. А. Шелякину [19, с. 111]) реализуется при прямо-переходных (собственно-переходных), косвенно-переходных и при непереходных глаголах: ср. *взять рукой что-то – махать рукой кому, пнуть ногой что-то – топнуть ногой* и т. п. Причем во многих конструкциях сема природного орудия входит составной частью в семантику глагола (*Он хорошо лепит из глины зверошек*), хотя при определенных условиях может эксплицироваться в форме Тв. п. существительного. Обычно так происходит, если ситуативно важно подчеркнуть или уточнить дополнительные признаки самого орудия.

Итак, человек может ВОЗДЕЙСТВОВАТЬ на объекты следующими природными инструментами: руками (пальцами) – *лепить, мять, трогать, собирать, показывать* (ср. *не трогай мокрыми руками, не показывай пальцем*); ногами – *пинать, топтать* (ср. *пинать обеими ногами*); глазами – *видеть* (ср. *своими глазами видел*), *смотреть* (ср. *смотрит удивленными глазами*); ушами – *слышать* (ср. *своими ушами слышал*), *слушать* (ср. *слушал одним ухом*); ртом – *говорить* (ср. *животные ртом не говорят*); носом (ноздрями) – *нюхать* (ср. *обеими ноздрями нюхал*); носом и ртом: *дышать* (ср. *дыши не ртом, а носом*); кожей чувствовать внешнее = *ощущать* (ср. *кожей чувствую/ощущаю холод*); сердцем чувствовать внутреннее = *любить* (ср. *полюбить всем сердцем*² = *всей душой, сердцем чувствовать неладное*).

Стоит остановить внимание на употреблении Тв. п. в значении предмета, посредством которого осуществляется непереходное действие: *крутить пальцами, болтать ногами (от нечего делать)*. В таком значении, которое обычно формулируется «как средство выявления глагольного действия безотносительно к объекту или цели», Тв. п. употреблялся еще в старославянском языке (*потрясти рукою* и под.), унаследовал его и древнерусский язык [11, с. 279–280], без ограничений такие конструкции употребляются и в современном русском языке. Многочисленные примеры подобных конструкций в других славянских языках можно найти в работах А. Вежицкой [1, с. 324] и Д. С. Станишевой [16, с. 85–90]. Этот тип Тв. п. указывает на совместный с *S* и подчиненный ему неотчуждаемый предмет, который сопряжен с действием *S* и «проявляет действие» [19, с. 111]: *завдвигать бровями, захлопать ресницами* и т. д. Для таких конструкций характерна закрепившаяся устойчивая сочетаемость лексических единиц, заполняющих позиции объекта и предиката. Причем у многих непереходных глаголов (*моргать /глазами/, кивать /головой/* и под.) сема орудийности также входит составной частью в семантику глагола: *И кто его знает, зачем он моргает* (из народной песни). *Он незаметно кивнул мне*.

В отличие от действий, которые обозначаются сочетанием глагола с прямым объектом в В. п., предложения с названиями частей тела в Тв. п. обозначают такие действия, которые в конечном итоге не приводят к изменению положения соответствующей части тела (ср. *топнуть ногой – поднять ногу, барабанил пальцами по столу – скрестил пальцы*). Так, моргание – рефлекторное движение век человека (движение колебательного типа «туда-обратно»). Подобные произвольные (рефлекторные) действия, не приводящие в конечном итоге к видимому изменению самого объекта или его местоположения, могут являться симптомами внутреннего состояния, являющегося результатом действия внешнего раздражителя: *стучать зубами от холода* → так организм рефлекторно пытается согреться, *скрежетать зубами от злости* → так произвольно выплескиваются сильные негативные эмоции (подавление которых чревато психосоматическими последствиями), *шмыгать носом от плача или простуды* → пытаться успокоиться или втянуть образовавшуюся слизь. *Внутренний* (психический) и *внешний* (физический) планы человека связаны.

Медициной доказано, что длительные переживания, сильные эмоции рефлекторно приводят к напряжению тех или иных мышц³, порой порождая мышечные зажимы, блокирующие энергию. Состояние *S* рефлекторно приводит неотчуждаемый (контактный) *O* в заметное *внешнее* «частичное» движение (движение колебательного характера «туда-обратно» с возвращением части тела в первоначальную позицию). Такое видимое *внешнее* телодвижение является сигналом *внутреннего* состояния субъекта. Поверхность тела интуитивно воспринимается как граница между *внутренним* и *внешним* мирами (о базовой пространственной оппозиции ВНЕ-ВНУТРИ см. в [6]), т. е. на поверхности тела определенным образом проявляется все, что происходит *внутри*.

Непроизвольные телодвижения (*вертел шляпой, барабанил пальцами по столу, качал ногой* и под.), привычно называемые лингвистами «бесцельными», из-за отсутствия определенного занятия и вынужденной праздности, служат, как мы полагаем, цели высвобождения энергии одушевленного существа, которую надо куда-то направлять и расходовать (такова природа одушевленных существ, наделенных собственной энергией), хотя бы и через произвольные движения частями тела. Таким образом, излишнее *внутреннее* напряжение человека в результате

вынужденного ничегонеделания выливается в произвольные *внешние* телодвижения, затрачивая энергию на которые человек освобождается от ее избытка: *Николай ногой качал... Делать было нечего* (С. Михалков «А что у вас?»).

С помощью языка телодвижений, мимики и жестов человек не только выражает *вовне*, выплескивает *наружу* свои чувства или нереализованную энергию, но и передает различные невербальные сообщения. Действительно, большинство предложений с названиями частей тела в форме Тв. п. обозначают «движения, являющиеся знаками» [1, с. 324]: *кивнуть (головой)* – сказать «да»; *покачать головой* – сказать «нет», выразить неодобрение; *замотать головой* – закричать «нет» (выразить категорическое несогласие); *пожать плечами* – сказать «не знаю», выразить неуверенность или нежелание соглашаться; *замахать руками* – отказаться наотрез; *махнуть рукой* (в переносном смысле) – перестать уделять внимание; *помахать рукой* – поприветствовать или попрощаться; *поманить пальцем* – подзвать к себе; *покрутить пальцем у виска* – сказать, что у собеседника не все в порядке с головой; *топнуть ногой* – выразить гнев; *и глазом не моргнул* – не дрогнул, *и ухом (бровью) не повел* – не обратил ни малейшего внимания. Зачастую сам инструмент оказывается имплицитным: *А мать грозит ему в окно* (Н. А. Некрасов). Поэтому Л. Янда справедливо называет объект в Тв. п. "an accessory for something else", "a peripheral attachment for something else" [23].

Теперь мы можем обобщить, что Тв. п. служит для обозначения *контактного*⁴ *О* (части тела) как неотчуждаемой принадлежности *S* (одушевленного существа), ЧЕРЕЗ *видимое* произвольное «частичное» движение которого, служащее *внешним сигналом* для наблюдателя (промежуточным этапом восприятия ситуации), осознается *внутреннее состояние* субъекта или ЧЕРЕЗ *видимое* произвольное «частичное» движение которого (= с помощью которого, при участии которого) достигается какая-то иная цель (*чтобы что?*): *Он едва шевелил губами от испуга, пытаясь что-то сказать. Мужчина задвигал бровями, сился поднять веки. Потряси кистями рук, головой, ногами, руками, для того чтобы снять усталость. Пошевели рукой, ногой, головой, пальцами, для того чтобы убедиться, что тело функционирует. Надо усиленно моргать глазами, чтобы образовавшаяся слеза вымыла соринку из глаза.*

Таким образом, объектом в Тв. п. обозначается «место, ЧЕРЕЗ которое» происходит перемещение – субъекта *S* (движение *S*) или его энергии (действие *S*), которое направлено на какую-то цель. В случае ситуации праздного времяпрепровождения сам человеческий организм (независимо от воли человека) вынужден перемещать энергию через «послушные» части тела, запуская «частичное» телодвижение, с целью выброса энергии *ВОВНЕ*.

Примечания

¹ Здесь уместно вспомнить, что, согласно исследованию Б. Дельбрюка, инструменталис в своем чистом виде представлен только в славянских языках [20].

² В таких случаях говорят о расщеплении субъекта, «в результате которого выделяется особая переменная – его “чувствующая” часть, так сказать инструмент чувства» [13, с. 106].

³ Большинство изменений или заметных движений в частях тела, особенно лица, которое мы интуитивно «сканируем», являются стандартными невербальными сигналами испытываемых чувств, переживаний, намерений или состояний человека и часто помогают понять, о чем думает ваш собеседник в момент разговора: *наморщил лоб, нахмурил брови, сдвинул брови, поднял брови, широко открыл глаза, прищурил глаза, поджал губы, открыл рот, заморгал глазами, зашевелил губами* и т. д.

⁴ Мы не можем согласиться с утверждением, что «пациент без прямого контакта с агенсом не может иметь форму винительного падежа, а автоматически приобретает форму косвенного падежа» (в том числе Тв. п.) [2, с. 150]. Это справедливо только по отношению к Д. п. [9], но не к Р. п. и Тв. п. Причем именно инструмент (часто имплицитный), являясь посредником между агенсом и пациентом, обеспечивает этот контакт. То есть агенс или входит в непосредственный контакт с инструментом, или – в случае части тела – уже находится в нерасторжимом контакте с инструментом, выражаемым формой Тв. п.

Список литературы

1. *Вежбицка А.* Дело о поверхностном падеже // НЗЛ. Вып. 15. Москва, 1985. С. 303–341.
2. *Дурст-Андерсен П. В.* Предложно-падежная система русского языка. Понятие «контакт vs неконтакт» // Логический анализ языка : языки пространств. Москва, 2000. С. 135–151.
3. *Ильченко О. С.* Категория падежа в трудах Ф. Ф. Фортунатова и его учеников (А. М. Пешковского, А. А. Шахматова и др.) // Фортунатовские чтения в Карелии : сб. докладов междунар. науч. конф. (10–12 сентября 2018 г., г. Петрозаводск) / науч. ред. Н. В. Патроева : в 2 ч. Ч. 1. Петрозаводск, 2018. С. 49–52.

4. *Ильченко О. С.* К построению теории падежа // Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры : VIII чтения памяти академика О. Н. Трубачева : материалы (Феодосия, 17–19 сентября 2014 г.). Феодосия, 2014. С. 33–36.
5. *Ильченко О. С.* «Когнитивная грамматика : *Instrumentalis* с предлогами пространственного отношения в русском языке // LI Международная научная филологическая конференция им. Людмилы Алексеевны Вербицкой (14–21 марта 2023 г., Санкт-Петербург) : сб. тезисов. Санкт-Петербург, 2023. С. 1038–1039.
6. *Ильченко О. С.* Пространственная дихотомия ВНЕ-ВНУТРИ как основа семантического устройства грамматических категорий // Континуальность и дискретность в языке и речи : материалы III Междунар. науч. конф. (Краснодар, КубГУ, филол. фак-т, 4–7 октября 2011 г.). Краснодар, 2011. С. 67–69.
7. *Ильченко О. С.* К теории падежа: поправки к локалистическим концепциям // XLIV Международная филологическая научная конференция (Санкт-Петербург, 10–15 марта 2015 г.) : тезисы докладов. Санкт-Петербург, 2015. С. 100–101.
8. *Ильченко О. С.* Пространственные представления в теории падежа // Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике. Вып. 4. Кемерово, 2014. С. 29–31.
9. *Ильченко О. С.* Пространственные представления как основа категории падежа: датив в русском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 3. С. 135–141. DOI: 10/20916/1812-3228-2017-3-135-141.
10. *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 216 с.
11. *Ломтев Т. П.* Очерки по историческому синтаксису русского языка. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1956. 596 с.
12. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении (1914). 8-е изд. Москва : Эдиториал УРСС, 2001.
13. *Подлеская В. И.* «Лицом к лицу» / В. И. Подлеская, Е. В. Рахилина // Логический анализ языка : языки пространств. Москва, 2000. С. 98–107.
14. *Покровский М. М.* Избранные работы по языкознанию. Москва : Изд-во АН СССР, 1959. 382 с.
15. *Потебня А. А.* Из записок к русской грамматике. Т. 1–2. Москва : Учпедгиз, 1958. 536 с.
16. *Творительный падеж в славянских языках / под ред. С. Б. Бернштейна.* Москва : Изд-во АН СССР, 1958. 380 с.
17. *Фортунов Ф. Ф.* Сравнительная морфология индоевропейских языков // Фортунов Ф. Ф. Избранные труды : в 2 т. Т. 2. Москва, 1957. С. 257–426.
18. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка (1925). 3-е изд. Москва : Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
19. *Шелякин М. А.* Опыт семантического описания творительного падежа // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 760. Грамматическая семантика слова и предложения. Тарту, 1987. С. 108–119.
20. *Delbrück V.* Ablativ, localis, instrumentalis im Altindischen, Lateinischen, Griechischen, und Deutschen // Ein Beitrag zur vergleichenden Syntax der indogermanischen Sprachen. Berlin, 1867. S. 1–77.
21. *Ichenko O. S.* Semantic features in case theory: objections and corrections // Russian Linguistic Bulletin. 2015. № 1 (1). P. 18–20. URL: <https://rulb.org/archive/1-1-2015-march>. – DOI: 10.18454/RULB010.
22. *Ichenko O. S.* Space Grammar of Case: "Atypically Instrumental" Patterns in Russian // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 2 (38). URL: <https://rulb.org/archive/2-38-2023-february/>. DOI: 10.18454/RULB.2023.38.1 [accessed: 01/09/2023].
23. *Janda L. A.* The Case Book for Russian / L. A. Janda, S. J. Clancy. Bloomington: Slavica, 2002. 303 p.

И. А. КОРОЛЕВА®

Смоленский государственный университет, Россия
innakor@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ В СФЕРЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

В статье рассматривается становление синонимических отношений в сфере глагольной лексики смоленского диалекта XVI–XVIII вв., т. е. времени формирования лексических норм национального русского литературного языка. Обращается внимание на определение доминант в глагольных синонимических рядах, выявленных по историческим источникам – памятникам деловой письменности. Для примера берется процесс формирования синонимического ряда со значением «найти/находить», сформированного из деловых текстов Смоленского региона – одного из западных пограничных регионов России. В научный оборот вводятся рукописные источники из смоленских исторических фондов.

Ключевые слова: историческая лексикология, синоним, глагол, диалектная лексика, смоленская деловая письменность XVI–XVIII вв.

To the question of historical synonymy in the sphere of verb lexicon

The article deals with the formation of synonymous relations in the sphere of the verbal vocabulary of the Smolensk dialect of the 16th–18th centuries, that is, the time of the formation of the lexical norms of the national Russian literary language. Attention is drawn to the definition of dominants in the verbal synonymous series, identified from historical sources – monuments of business writing. For example, the process of forming a synonymous series with the meaning "find/find", formed from business texts of the Smolensk region, one of the western border regions of Russia, is taken. Handwritten sources from Smolensk historical funds are introduced into scientific circulation.

Keywords: lexicology, synonym, verb, dialect vocabulary, Smolensk business writing of the 16th–18th centuries.

Конкретные пути становления норм национального русского литературного языка (как известно, это период конца XVI – конца XVIII в. лучше всего проследить на истории формирования синонимических пар и рядов [8, с. 5]). Это мнение поддерживают многие крупные ученые (В. В. Виноградов, Ю. С. Сорокин и др.). Исследования явлений лексической синонимии по своей целенаправленности, по охватываемому кругу вопросов связано с общей проблематикой лексикологии, поскольку синонимические отношения слов выступают как один из видов семантических отношений, которые присущи словарным единицам в общей лексической системе языка.

Хорошо известно, что означенный временной период, особенно XVIII в., был временем активного накопления и функционирования значительного количества синонимов в русском языке [6]. Лексическая синонимия периода становления норм русского литературного языка отражает, как считают специалисты, не только богатство выбора языковых средств, но и борьбу старых и новых языковых элементов, в результате которой происходили значительные изменения в составе многих синонимических рядов как микросистем: на первый план часто выдвигались слова из народно-разговорного и даже диалектного языка. Поэтому изучение региональных систем означенной эпохи – одна из важных задач исторического лексиколога.

Следует отметить, что лексические синонимические средства XVI–XVIII вв., характер отношений в рядах синонимов, изменения в составе синонимических рядов, причины их распада или переоформления пока еще изучены недостаточно (исключая вторую половину XVIII в.) [1]. В 80-х гг. XX в. был период повышения активности в изучении синонимии литературного языка периода его становления. Однако диалекты периода формирования норм национального русского литературного языка изучались и изучаются, безусловно, меньше. Об этом мы писали в нашей кандидатской диссертации [5]. В ней мы избрали в качестве объекта исследования диалектную глагольную синонимию XVI–XVIII вв., обращая внимание на особенности смоленских территорий. Это западнорусские территории, неоднократно входившие в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, что позволяет говорить о специфике лексического состава смоленского диалекта, имеющей место и сегодня. Что касается именно диалектной глагольной лексики, то немаловажен тот факт, что эта часть речи опорная в текстах, глагол несет на себе основную смысловую нагрузку, является организующей «силой» высказывания. Именно глагольная лексика – наиболее благоприятный материал для исследования синонимических отношений. Это происходит за счет того, что глагольные единицы совмещают в себе как переходные, так и непереходные значения, имеют широкую сочетаемость [2, с. 26]. Глагол также более абстрактен в силу своего категориального значения, чем имя. По мнению М. В. Ивановой, именно глагольные синонимические ряды связывают текст воедино, поэтому они интересны для изучения [4, с. 87].

Естественно, глагольная синонимия неплохо изучена в синхронном или описательном плане. Но тем не менее изучение современного состояния языка должно опираться на серьезную историческую основу. Хорошо сказал об этом Ф. П. Филин: «Каждая эпоха истории языка имеет свои особенности, поэтому семантико-стилистические закономерности прежде всего должны рассматриваться как конкретно-исторические категории» [9, с. 551]. Таким образом, невозможно без тщательного исследования лексико-семантического состава глагольной лексики предыдущих эпох осветить многие вопросы современной семасиологии. Кроме того, изучение глагольной лексики, отмеченной в региональных памятниках письменности, приобретает особую значимость при определении диалектных расхождений. «Диалектные расхождения в лексике, которая обозначает общие для всех носителей языка понятия, не связанные с различными особенностями местной жизни, считаются особенно показательными, составляющими языковую специфику того или иного региона» [Там же, с. 646–647].

Проиллюстрируем наши рассуждения.

С общим конкретным значением «найти, отыскать что-либо» в смоленских памятниках деловой письменности выявлен синонимический ряд: *найти, знайти, отыскать, сыскать, зыскать*. Аналогичный синонимический ряд

глаголов несовершенного вида меньше: *находить*, *сыскивать*. Это вполне объективно, так как обычно рассматриваемое действие закончено, имеет результат.

Глаголы *найти/находить* весьма активны на протяжении всего рассматриваемого периода: ...нашоль денги у ево у лари [ГАСО, 7823, XVII в.]. Находить тое и не надо бы [Там же]. И он де Федоръ болши двадцати алтынъ денегъ нашоль в том месте [РГАДА, 1108/1, 4, 4, 1702 г.].

Слова *найти/находить* известны в памятниках русской письменности с XIII в. (несовершенный вид несколько позднее), но только в деловой письменности и летописях [Срезневский, т. 11, с. 289; СлРЯ XI–XVII вв., вып. 10, с. 106–107]. В XVI–XVII вв. они стали высокочастотны: например, в Частотном словаре А. Грузберга они отмечены 38 раз [Грузберг, с. 230]. Можем предположить, что уже в ту эпоху они были доминантой соответствующего синонимического ряда. Естественно, активны лексемы и сегодня [МАС-2, т. 11, с. 368].

В составе синонимического ряда в Смоленском крае бытовало слово *знайти* – диалектный синоним общерусскому найти: И тех лошадей знашли у него у Савына стану [ГАСО, 8152, 1694 г.]. У тебе ж Радиона знайдено во дворе обратъ лошадиная [РГАДА, 763/1, 18, 1754 г.]. Глагол *знайти* отсутствует у Срезневского, в СлРЯ XI–XVII вв., в лексиконах и словарях XVIII в. И тем не менее О. С. Мжельская отметила его в псковских деловых текстах [7, с. 127 и др.].

Также глагол *знайти* отмечен в старобелорусских и староукраинских источниках [3, с. 145; Слов. Укр. XIV–XV вв., т. 1, с. 402]. В XIX в. глагол фиксирует Даль с пометами «ож., зап.» [Даль, т. 1, с. 687]. В настоящее время глагол активен в смоленских и брянских говорах, белорусском и украинском языках.

Бытовало в Смоленском крае и слово *отыскать* – «найти»: Казано отыскать ево справки взятые с оныхъ книгъ для спору [РГАДА, 712/1, 134, 1751 г.]. Данный глагол активен и сегодня в русском языке, в современных белорусском [Крапива, с. 344] и украинском [Ильин, с. 275] языках.

Глаголы *сыскать/сыскивать* отмечаются Срезневским с конца XV в. в деловых текстах и летописях [Срезневский, т. 3, с. 712]. Особую активность слова приобрели в XVII–XVIII вв. В это время они употребительны и в Смоленском крае: Чей тот плат будет сыщите хозяина чтоб ево отдал [ГАСО, 8133, 1701 г.]. А беглыхъ сыскиват самим, а сыскавь... владеть [ГАСО, 114, 1, 1, 17, 1729 г.].

Слова *сыскать/сыскивать* были очень активны по всей русской территории, о чем свидетельствуют материалы Частотного словаря Грузберга, в котором *сыскать* зафиксировано 124 раза, *сыскивать* – 49. Они также претендовали на роль доминант в соответствующих по виду синонимических рядах. Без помет они отмечены в первом нормативном словаре [САР-1, т. 3, с. 339]. Однако в начале XIX в. они уже имели, по-видимому, стилистическую окраску, так как А. С. Пушкин использует их очень редко. Так, судя по материалам Словаря языка А. С. Пушкина, глагол *сыскать* использован им только шесть раз в стилистически сниженных контекстах [Словарь языка Пушкина, т. 4, с. 454], тогда как *найти* – более 150 раз в самых разнообразных контекстах [Там же, т. 2, с. 697]. В настоящее время глаголы разговорные.

Диалектный синоним глагола *сыскать* – *зыскать* встретился нам в смоленском тексте делового характера первой четверти XVIII в.: И ежели при том осмотре и описи лесных гдна ево дачах кого зыскают у рубки то б пымать и привесть для допросу [ГАСО, 114, 1, 1, 5, 1724 г.].

Можно считать его фонетическим вариантом глагола *сыскать*, но известный историк языка В. И. Хитрова считает слова с появившимся начальным *З* на месте *С* лексикализовавшимися [10, с. 326].

Глагол *зыскать* был обычен в рассматриваемую эпоху в старобелорусском и староукраинском языках, хотя сегодня в этих литературных языках не отмечен. На Смоленщине слово *зыскать* известно и сегодня, причем практически повсеместно [ССГ, вып. 4]. СРНГ фиксирует слово *зыскать* («найти») в печорских былинах как исторический факт [СРНГ, вып. 12, с. 40].

Сегодня Словарь синонимов фиксирует следующие синонимические ряды: *найти*, *отыскать*, *разыскать*, *изыскать*, *сыскать* (разговорный), *выискать* (разговорный), *откопать* (разговорный), *отрыть* (разговорный), *раскопать* (разговорный), *выкопать* (разговорный). Как видим, расширился арсенал смысловых приставок, появилась группа слов с корнем КОП. Ряд глаголов несовершенного вида как бы зеркальный: *находить*, *отыскивать*, *разыскивать*, *изыскивать*, *сыскивать* (разговорный), *выскивать* (разговорный), *откапывать* (разговорный), *раскапывать* (разговорный), *выкапывать* (разговорный). Отсутствует глагол *отрывать* (скорее всего, в силу смысловой неясности) [Словарь синонимов, т. 1, с. 583]. Доминантами являются слова *найти* и *находить*, которые окончательно выдвинулись на эти роли в XVIII в. Глагол *отыскать* в синонимическом ряду глаголов несовершенного вида представлен с дополнительным оттенком в семантике – подчеркивается тщательность, усиленность поисков. *Сыскать/сыскивать* – как и прежде разговорные лексемы. Естественно, не представлены диалектные синонимы, которые по-прежнему бытуют на Смоленщине.

Список литературы

1. *Биржакова Е. З.* Очерки по исторической лексикологии русского языка, языковые контакты и заимствования / Е. З. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 431 с.
2. *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слов // Вопросы языкознания. 1953. № 5. С. 3–29.
3. *Власова Т. П.* Языковые особенности белорусских списков I Литовского статута 1529 г. : дис. ... канд. филол. наук. Гомель, 1981. 229 с.
4. *Иванова М. В.* Лексика Жития Стефана Пермского, написанного Епифанием Премудрым : дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1986. 212 с.
5. *Королева И. А.* Глагольная синонимия в языке смоленской деловой письменности конца XVI–XVIII вв. : дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 1990. 276 с.
6. *Кутина Л. Л.* К вопросу о синонимии в языке XVII века // Ученые записки / ЛГУ. Серия филологических наук. 1958. № 243. Вып. 42. С. 104–134.
7. *Мжельская О. С.* Местная лексика в псковской деловой письменности XIV–XV вв. : дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1956. 423 с.
8. *Смолина К. П.* Типы синонимических отношений в русском литературном языке второй половины XVIII века : дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1973. 224 с.
9. *Филин Ф. П.* Лексика русского литературного языка древнерусской эпохи: по материалам летописей : дис. ... д-ра. филол. наук. Ленинград, 1946. 805 с.
10. *Хитрова В. И.* Местная лексика в языке воронежских рукописных памятников XVII – первой четверти XVIII в. : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1972. 440 с.

Список словарей

- Грузберг* – Грузберг А. А. Частотный словарь русского языка второй половины XVI – начала XVII века. Пермь, 1974.
- Даль* – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. Т. 1–4.
- Ільїн* – Українсько-російський словник / укладачі В. С. Ільїн. Київ : Сов. енциклопедія, 1976. 944 с.
- Крапива* – Беларуска-рускі слоунік / пад. рэд. К. К. Крапівы. Москва, 1962. 1048 с.
- МАС-2* – Словарь русского языка / гл. ред. А. П. Евгеньева. 2-е изд. Москва : Русский язык, 1981–1984. Т. 1–4.
- САР-1* – Словарь Академии Российской. Санкт-Петербург, 1789–1794. Т. 1–6.
- Словарь синонимов* – Евгеньева А. П. Словарь синонимов русского языка. Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1970–1971. Т. 1–2.
- Слов. укр. XI–XV ст.* – Словарь староукраинского языка XIV–XV столетий. Київ : Наукова думка, 1977–1978. Т. 1–2.
- СлРЯ XI–XVII вв.* – Словарь русского языка XI–XVII вв. Москва : Наука, 1975–... Вып. 1–2.
- Словарь языка Пушкина* – Словарь языка А. С. Пушкина / под ред. В. В. Виноградова. Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956–1961. Т. 1–4.
- Срезневский* – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Санкт-Петербург, 1893–1903. Т. 1–3.
- СРНГ* – Словарь русских народных говоров. Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1968–... Вып. 1–...
- ССГ* – Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1974–2005. Вып. 1–11.

Список источников

- РГАДА* – Российский государственный архив древних актов.
- ГАСО* – Государственный архив Смоленской области.

ВКЛАД Ф. Ф. ФОРТУНАТОВА В ЭТИМОЛОГИЮ ОНИМА

В статье рассматривается точка зрения известного русского ученого Ф. Ф. Фортунатова на вариативность имен общего происхождения с опорой на разработанную им теорию правописания и теорию формы. Морфонологический подход Фортунатова к словам и онимам привел в том числе и к открытиям в области графики, ударения, нулевых аффиксов, первичной и вторичной семантики лексем.

Ключевые слова: этимология, оним, аппеллятив, морфонология, ономастика, интерпретация, словоформа.

Krivoshapova Natalya Victorovna, Pridnestrovian State University "T. G. Shevchenko", Pridnestrovian Moldavian Republic
krivoshapova2022@gmail.com

F. F. Fortunatov's contribution to the etymology of the onym

The article examines the point of view of the famous Russian scientist F. F. Fortunatov on the variability of names of common origin based on the theory of spelling and the theory of form developed by him. Fortunatov's morphological approach to words and they, among other things, led to discoveries in the field of graphics, stress, zero affixes, primary and secondary semantics of lexemes.

Keywords: etymology, onym, appellative, morphology, onomastics, interpretation, word form.

Основатель Московской лингвистической школы Ф. Ф. Фортунатов разделил все слова на два класса: полные и «частичные». Разница между ними заключалась в том, что первые могут иметь формы, а вторые – нет. Исследователь также указывал на наличие нулевых формальных показателей, например нулевых аффиксов.

Как видим, в учении о форме слова Фортунатова были две линии – морфология и словообразование. При таком подходе грань между этими разделами лингвистики становится более неопределенной. Кроме того, служебные слова, которые он назвал «частичными», фактически исключены из морфологии и переведены в синтаксис. А. М. Пешковский в своем синтаксическом учении довел эту формалистическую позицию до логического конца. В морфологии он оставил только четыре части речи: существительное, прилагательное, глагол и наречие. Числительные и местоимения распределялись между существительными и прилагательными как слова, которые формально не отличаются от этих частей речи. Служебные части речи вообще не считались частями речи и изучались как синтаксические элементы. Формалистический подход к изучению морфологических явлений языка позже привел А. М. Пешковского к интерпретации морфологии как науки только о тех словах, которые имеют морфологические формы.

В чем недостаток толкования понятия «форма слова» у Ф. Ф. Фортунатова? К чему это привело ученого?

1. Морфология в грамматике Фортунатова до сих пор остается связанной со словообразованием. Морфологические и словообразовательные факты по-прежнему рассматриваются в рамках одной и той же части грамматики – науки о формах слова.

2. Понятие формы слова у Фортунатова оказалось слишком широким, он говорил не только о морфологических формах слова, но и о его словообразующих формах.

3. Служебные слова, в сущности, выпадают из фортунатовского учения с формами слова, поскольку не имеют формоизменения.

Таким образом, задачи обучения формам слова у Ф. Ф. Фортунатова в конечном итоге сводятся к морфологически словообразовательному анализу полных (т. е. имеющих аффиксы) слов.

Ономастикой как прикладной наукой, не выходящей за рамки вспомогательных наук дисциплиной, с момента ее создания занимались историки, географы, этнографы и литературоведы. Но прежде всего имена собственные очень интересны лингвистам. Каждое имя – это слово, развивающееся по законам языка. В то же время собственное имя – это часть языка, которая показывает самые парадоксальные ситуации [3, с. 29].

Описание содержания онимов как особой категориальной группы в языке традиционно рассматривается Ф. Ф. Фортунатовым в рамках логико-семантического подхода. Отправной точкой является объяснение центрального вопроса ономастики – степени семантической имени собственного.

При изучении семантического содержания собственного имени предлагается также учитывать роль внеязыкового фактора и функционирования собственных имен в коммуникации в целом и в конкретном контексте в частности.

Доступные исследования соседствуют с одним из двух направлений: концепцией асемантизма, в которой значение имени понимается как объект, заменяющий слово, и концепцией максимального значения имен, в которой значение имени интерпретируется как концептуальное содержание, определяющее ссылку на имя. Наличие этих взаимоисключающих теорий объясняется сложностью и неоднородностью материала. Оба понятия, несмотря на диаметрально противоположные выводы, вытекают из признания специфической природы данной лексической главы, интерпретируя ее по-разному. Первый подход игнорирует закон, согласно которому имена, выполняя указательную и отличительную функцию, отличающую одного референта от другого, одновременно вводят его в ряд, однородный по определенным признакам. Такой точки зрения придерживался и Ф. Ф. Фортунатов.

Традиционный взгляд на эту проблему заключается в следующем: собственное имя – единственная категория независимых слов, не связанная с семантическим содержанием. Значение собственного имени только функционально: указание на какой-либо объект как на единичное явление. Что означает объект с таким именем, на самом деле не имеет значения. Излюбленным аргументом ученых, принимающих этот взгляд на собственное имя как на асемантизированную категорию, является ссылка на происхождение собственных имен от общих имен [2, с. 252].

В настоящее время широко распространен следующий подход к определению семантики имени собственного: отрицается прямая связь имени собственного с понятием в языке, но при этом признается наличие значения в именах собственных, которые функционируют в речи (А. В. Суперанская, В. А. Болотов). Со временем ономастические слои движутся как по вертикальной, так и по горизонтальной осям, названия обрастают ассоциациями, меняют значение, теряют первоначальный смысл и приобретают новый. Функционируя в тексте, собственные имена как бы образуют его вертикальное сечение, глубокую структуру, информацию которой можно отнести к скрытой, имплицитной. Автор, строя ономастическое пространство произведения, может основываться на ассоциациях, связанных с данным собственным именем и существующих в сознании читателя еще до чтения текста.

Таким образом, собственное имя способно создавать двустороннее объединение: от имени к произведению и наоборот [1].

В своих рассуждениях Ф. Ф. Фортунатов во многом близок к методологическим принципам младограмматического направления, предлагая при этом оригинальное решение многих теоретических вопросов. Исследователь указывает на социальный характер языка и связь истории языка с историей общества, особенно это касается имен собственных.

В работах по сравнительно-исторической лингвистике Фортунатов пересмотрел и обновил интерпретацию ряда сложных идей, касающихся сущности древнейших процессов в индоевропейских языках. По его мнению, индоевропейский язык, как и любой другой, должен иметь свою историю и диалектическое разделение. В результате этих исследований ученый открыл закон о перемещении ударения от начала слова до его конца в славянских и балтийских языках, что когда-то было вызвано фонетической позицией. Этот закон получил название «закон Фортунатова – де Соссюра» (оба лингвиста открыли его независимо друг от друга).

Трансформация ударения привела не только к изменениям в парадигме имен, но и к появлению других онимов, имеющих общие индоевропейские корни, например: *Барбара – Варвара, Осип – Иосиф*. Перемещенное ударение создает новую фонетическую ситуацию в слове, при этом оставляя общую этимологию имен. В результате появляются варианты и вариации онимов в разных языках, по законам морфонологии конкретного языка или группы. Например: имя *Иван* происходит от древнеиудейского *Иоанн*. Во второй половине XX в. мода на славянские имена распространилась в испаноязычных и португалоязычных странах, где, помимо родных для них имен *Хуан* и *Жан*, появились имена *Иван, Эван*. У имени *Иван* множество аналогов. Так, в Германии *Ивана* будут звать *Иоганн, Йоханн, Ганс*, в Италии – *Джованни, Джанни*, в Англии – *Джон*, во Франции – *Жан*, в Армении – *Ованес, Оганес*, в Испании – *Хуан*, в Сербии – *Йован*, в Финляндии, Эстонии, Швеции – *Юхан*, в Грузии – *Вано*, в Польше, Чехии, Нидерландах – *Ян*, у мусульман – *Яхья* (исламский пророк, соответствующий библейскому Иоанну Крестителю). Существуют женские формы этого имени – *Иоанна, Иванна*. Ударение в имени *Иван* может быть как на первом, так и на втором слоге.

Ф. Ф. Фортунатов также много занимался теорией правописания. Он внес большой вклад в подготовку реформы русской орфографии, которая была проведена уже после его ухода. По мнению ученого, поддержанному А. В. Суперанской, при написании имен стоит обращать внимание на допустимые, иногда ошибочные, расхождения в одну-две буквы в формах, что не влияет на семантику онима и приводит к его вариативности. Идентичность таких имен подтверждается, сравните: *Семён – Симён* (по аналогии с *Симеоном*), *Ринат – Ренат*, *Олеся – Алеся*, *Родион – Радион*, *Демид – Димид*.

Есть несколько точек зрения на структуру значения онимов, на соотношение «слово-понятие» в них.

1. Онимы имеют только номинативное значение, семантически ошибочны, как дейктические слова, не характеризуют объект и не сообщают о нем ничего истинного или ложного.

Ряд исследователей называют онимы своеобразными ярлыками, с помощью которых некоторые предметы отличаются от других, отрицая их способность выражать понятия.

2. Имена собственные – это общие имена.

3. Собственные имена имеют своеобразную специфическую семантику, отличающуюся от ссылочной семантики.

Вклад Ф. Ф. Фортунатова в этимологию онима выражается в том, что ученый через семантику и словоформу выстроил системный подход к вариативности имен с общим происхождением. Благодаря фортунатовской теории правописания исследователям удалось обнаружить множество вариантов и вариаций имен в разных языках и собрать ономастические данные в богатый лексикографический материал. Исследователь утверждал, что в структуру значения онимов также входит этнокультурная составляющая, отражающая специфику национального восприятия объектов реальности, выраженным, в том числе, на уровне формы. При этом имя или его этимология не всегда определяют национальность его носителя. Апеллятивы *иваны*, *гансы*, знаменующие целые народы или национальности, не указывают на национальную однородность.

Таким образом, Ф. Ф. Фортунатов, поддерживая младограмматистов, все же рассматривает языковые явления шире, а затем вглубь, т. е. работает сначала с формой, а потом обращается к содержанию и происхождению, если того требует цель исследования. Как видим, ученый предпочитает работать с синхронным срезом языка, а диахрония является лишь одним из доказательств обозначенного тезиса.

Список литературы

1. *Гузнова А. В.* Семантический аспект изучения онимов // БГЖ. 2015. № 3 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskiy-aspekt-izucheniya-onimov> (дата обращения: 01.09.2023). Текст : электронный.
2. *Даниленко В. П.* Общее языкознание и история языкознания : курс лекций / В. П. Даниленко. 3-е изд., стер. Москва : Флинта, 2016. С. 252–253.
3. *Зорина О. В.* Использование имен собственных в составе стилистических приемов для создания комического в тексте // Вестник Югорского гос. ун-та. 2006. Вып. 5. С. 29–37.

Е. В. МАРИНОВА©

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Россия
marinova@list.ru

НОВЫЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОРМАНТ ЦИФРО-: СТАТУС В ЯЗЫКЕ, ФУНКЦИИ В РЕЧИ¹

Рассматривается функционирование в современной русской речи нового словообразовательного форманта, созданного на русской почве путем усечения от прилагательного *цифровой*, которое в свою очередь является семантической калькой английского слова *digital* (< digital technology). Формант *цифро-* используется: в языке СМИ для создания более компактных номинаций – вариантов развернутых терминологизированных сочетаний (*цифроденьги* к *цифровые деньги*), в сфере нейминга («*Цифробанк*»), в окказиональном словотворчестве (*цифроглобалисты*).

Ключевые слова: неологические процессы, русский язык, новообразования, терминология цифрового общества, словообразовательный формант.

Marinova Elena Vyacheslavovna, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Russia
marinova@list.ru

New Derivational Formant *tsifro-*: the Place in the Language and Functions in Speech

The article considers the use of a new derivational formant in the modern Russian speech, created on the Russian language basis by clipped form of the adjective *tsifrovoy*, which is a semantic calque of the English word *digital* (< digital technology). The formant *tsifro-* is used in the following ways: in mass media for creating more compact nominations, i. e. variants of expanded terminological combinations (*tsifroden'gi* and *tsifrovye den'gi*), in the naming sphere ("*Tsifrobank*"), in neology word formation (*tsifroglobalisty*).

Keywords: neological processes, the Russian language, new formations, terminology of the Digital Society, derivational formant.

Исследуя формирование в русском языке XXI в. терминологии цифрового общества [4], мы обратили внимание на то, что в медийных русскоязычных текстах, наряду с ключевым словом эпохи – прилагательным *цифровой*,

в новых номинациях, обозначающих реалии современной эпохи, нередко используется усеченный вариант прилагательного – *цифро-*. Соответственно составные атрибутивные номинации, созданные по модели «цифровой + сущ.», получают в таком случае более компактный вариант, например: *цифровые активы – цифроактивы, цифровые деньги – цифроденьги, цифровые билеты – цифробилеты, цифровой детокс* (об отказе от использования гаджетов) – *цифродетокс* и под. Используя ресурсы электронного медиабанка «Интегрум» (сервис «Архив СМИ»), мы обнаружили также около 30 номинаций с *цифро-*, служащих официальными названиями различных компаний, организаций, программ, услуг и пр. Это такие, например, эргонимы, как «*ЦифроАрт*», «*Цифробанк*», «*Цифромед*», «*Цифроникель*», «*ЦифроОбраз*», «*Цифробонус*» и др.

Приведенные выше наблюдения дали нам основание считать, что в русском языке появился **новый словообразовательный формант**, по своим структурным и функциональным свойствам совпадающий с такими единицами, как *демо-* (= *демонстрационный*) – ср. *демоверсия*, *евро-* (= *европейский*) – ср. *Евроальянс*, *комби-* (= *комбинированный*) – ср. *комбигардероб*, *космо-* (= *космический*) – ср. *космоэнергетика*, *симфо-* (= *симфонический*) – ср. *симфоджаз*, *эко-* (= *экологический*) – ср. *экокатастрофа*, *этно* (= *этнический*) – ср. *этномузыка* и многие другие, часть из которых активно используется в том числе и при создании, например, лингвистических терминов, как то: *лингвокультурология*, *аксиосфера*, *социоллингвистика*, *психофонетика*, *аналит-сочетания* и др. (подробнее об этом см. в [3]).

Статус таких единиц в русском языке интерпретируется в современной науке неоднозначно. В последние десятилетия большинство лингвистов склонны рассматривать подобные форманты в качестве аффиксоидов (корневых морфем, имеющих признаки продуктивного аффикса) [1], а поскольку и сам их количественный состав, и число образований с их участием с каждым годом заметно увеличиваются, предложено даже понятие *аффиксоидации* как еще одного способа современного словопроизводства [2, с. 128]. Согласно другой точке зрения, восходящей к работам А. А. Реформатского, М. В. Панова, Л. П. Крысина, Е. И. Голановой, элементы типа *евро-* составляют класс аналитических прилагательных, наряду с ядерной группой этого класса – словами типа *беж*, *хаки* и т. д. В лексикографической практике, при составлении словарей общего пользования, подобные единицы, в случае их регулярности, подаются с пометой «первая часть сложных слов».

С точки зрения способа появления в русском языке такие единицы представляют собой либо заимствования («вхождения», по терминологии Н. З. Котеловой), либо новообразования, т. е. неологизмы, созданные на русской почве, причем и в том и в другом случае их функционирование, подобно функционированию морфем, несвободно, и в качестве **отдельных словообразовательных единиц** они выделяются (в исследовательской практике) при условии их серийного использования в составе одноструктурных номинаций (к примеру, элемент *прагма-* в термине *прагмалингвистика* по причине единичности использования вряд ли стоит рассматривать как полноценную словообразовательную единицу). Возможный сопутствующий процесс – изменение семантики форманта, что произошло, например, с заимствованием *кибер-*: в современных номинациях *кибер-* уже не интерпретируется как *кибернетический*, а скорее как «относящийся к виртуальному пространству, компьютерной среде» [1].

Что касается частотного, на наш взгляд, элемента *цифро-*, он создан на русской почве, как уже говорилось, **усечением** от *цифровой* с использованием соединительной гласной (ср. подобные пары: *акусто-* в *акустоэлектроника*, *акустооптика* – *акустический*, *англо-* – *английский*, *лингво-* – *лингвистический* и т. д.). Само прилагательное – в том значении, в каком оно стало производящей базой для усечения, – является семантической калькой английского слова *digital* (ср. *digital <technology>*). Наряду с калькой, в русской речи употребляются и прямые заимствования от этого же англицизма – *дигитальный (художник)*, *диджитал-(маркетинг)*, *дигитал-(услуги)*, а также вкрапление *digital-* (*digital-агрессия*, *digital-стратегия*). Однако усеченный вариант появился именно от кальки (хотя, возможно, если бы в английском языке было усечение от *digital*, оно пришло бы и к нам и необходимости в усечении не было бы).

В цели нашего исследования не входит, по крайней мере на данный момент, решение теоретической задачи – аффиксоид или аналитическое прилагательное перед нами: как ни назови, атрибутивная функция и препозиция по отношению к существительному составляют важнейшую характеристику данного элемента. Для обозначения его статуса в языке мы избрали в качестве рабочего термин *словообразовательный формант*, чтобы подчеркнуть продуктивность *цифро-* в процессах номинации. Отметим, что в информационно-поисковом лексикографическом ресурсе «Аффиксоиды русского языка» (<http://affixoid.iling.spb.ru>) он пока не зафиксирован, хотя в некоторых выпусках лексикографического издания «Новое в русской лексике» (проект ИЛИ РАН) содержатся такие номинации с *цифро-*, как *цифросексуал*, *цифросексуальный*, *цифросексуальность* [5], *цифролоббист* [6].

Итак, обнаружены две основные сферы, два основных типа дискурса, в которых формант *цифро-* востребован: медиасфера и сфера нейминга. Однако можно заметить, что коннотация *цифро-* в этих двух сферах различна: если

в нейминге формант используется как некий символ цифрового преобразования жизни, символ нового, а значит, более современного и совершенного – во всяком случае с точки зрения технологии, то в медиа в подавляющем большинстве случаев усечение вместо полного прилагательного служит сигналом «понижения в ранге» обозначаемого референта, критичного, скептического к нему отношения (*цифрообразование* вместо официального – *цифровое образование*; *цифropравительство* вместо *цифровое правительство*, *цифрорубль* вместо *цифровой рубль*). См. также: *Через педсоветы (местами – не такие публичные и пафосные, как в Вологодской области, для которой записал выступление сам министр цифropросвещения Кравцов) власти региона обрабатывают мозги руководства школ...* (РИА Катюша. 22.08.2022); *Эта модель перекочевала в нацпрограмму «Цифровая экономика», и теперь ее официально двигает цифropремьер Мишустин* (Континенталист. 22.02.2023); *Чтобы придать себе вес, Людмила Григорьевна пригласила на совещание еще и цифроминистра областного правительства Снегирева...* (Другая Тверь. 14.03.2023). При отсутствии официальных **цифровое просвещение*, **цифровой премьер*, **цифровой министр*, окказиональные новообразования с *цифро-* воспринимаются как сниженные номинации.

Особенно заметна такая своего рода дискредитация всего, что связано с цифровизацией, в антицифровом дискурсе: авторы протестных материалов создают собственные номинации для разоблачения негуманных, недальновидных, с их точки зрения, действий «агентов» цифровизации и их пейоративного наименования: *цифроразрушение (системы образования)*, *цифрофашизм*, *цифроконцлагерь*, *цифроматрица*, «*цифрорай*» – иронично о будущем, *цифроглобалисты*, *цифрофашисты*, *цифросектанты* и под., которые становятся их словесным оружием для противостояния не принимаемой ими идеологии цифрового общества.

Примечание

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00991 (URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00991/>).

Список литературы

1. Козулина Н. А. Аффиксоиды русского языка : опыт словаря-справочника / Н. А. Козулина, Е. А. Левашов, Е. Н. Шагалова. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2009.
2. Коряковцева Е. И. Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспект). Седльце : Изд-во Естественно-гуманитарного ун-та, 2016.
3. Маринова Е. В. Аналитические наименования в современном терминологическом образовании (на материале русской лингвистической терминологии) // Area Slavica 2 (Slovanské jazyky ve světle terminu) / red. I. Bogoczová, Z. Nedomová. Ostrava, 2018. S. 59–168.
4. Маринова Е. В. Русский язык цифрового общества: семантика, сочетаемость, прагматика ключевых слов // Русский язык за рубежом. 2023. № 2. С. 24–28.
5. Новое в русской лексике : словарные материалы – 2018 / отв. ред. А. Ю. Кожевников. Санкт-Петербург : Ин-т лингвистических исследований РАН, 2019.
6. Новое в русской лексике : словарные материалы – 2018 / отв. ред. Н. В. Козловская. Санкт-Петербург : Ин-т лингвистических исследований РАН, 2020.

Л. Г. СМЕРНОВА®

Смоленский государственный университет, Россия

naksemit@gmail.com

НОВЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИКА И КОННОТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

В статье рассматриваются функционирующие в современном политическом дискурсе неологизмы-существительные (заимствования и слова, созданные на базе русских элементов). Отмечается адгерентная оценка, присущая существительным-политологемам в разных типах дискурсов. Выделяются различные группы существительных с оценочной коннотацией, в том числе проприальные имена. Отмечается значительный словообразовательный потенциал неологизмов-субстантивов с оценочным компонентом.

Ключевые слова: неологизмы-существительные, политический дискурс, оценочный компонент значения, словообразовательный потенциал субстантивов.

New nouns in the Russian language: semantics and connotative potential

The article deals with neologisms-nouns (borrowings and words created on the basis of Russian elements) functioning in modern political discourse. Adherent evaluation characteristic of political nouns in different types of discourses is noted. Different groups of nouns with evaluative connotations are distinguished, including proprietary names. There is a significant word-building potential of neologisms-substantives with an evaluative component.

Keywords: neologisms-nouns, political discourse, evaluative component of meaning, derivational potential of substantives.

Пополнение новыми словами – естественное состояние языка, однако количество неологизмов, источники их появления, их стилистическая характеристика, функциональные особенности во многом определяются экстралингвистическими факторами: структурными изменениями социума, политикой государства, внешнеполитическим влиянием и т. д. Формальные характеристики заимствованных слов, в частности их частеречная принадлежность, способ словоизменения, семантика и ее осложненность коннотативными элементами связаны в том числе со способностью языковых единиц отражать сложность окружающей жизни.

В статье «Видоизменения в произнесении слов как знаки языка» Ф. Ф. Фортунатов отмечал, что «всякие изменения значений в языке происходят вследствие действия психологических законов ассоциации духовных явлений, т. е. вследствие ассоциаций, устанавливающихся по отношению к представлениям слов в их связи как между собою, так и с другими духовными явлениями...» [4, с. 193].

«Духовные явления», которые более широко можно понимать как внеязыковые, социальные явления, определяют сегодня появление чрезвычайно широкого круга новых слов, используемых во всех сферах языка, во всех стилях, в различных дискурсивных практиках. Семантика многих из них осложнена эмотивно-оценочными коннотациями. Самая важная грамматическая группа коннотированных новых слов – имена существительные. Ограничим сферу употребления рассмотренных в статье существительных политическим дискурсом, который понимается здесь как широкий круг постоянно обновляющихся текстов, в том числе медиатекстов, интернет-текстов, обслуживающих сферу общественно-политических отношений.

Говоря о «новых фактах в языке» (новых словах), Ф. Ф. Фортунатов отмечал, что «...надо различать появление оригинальных новых фактов и появление новых фактов вследствие нового сочетания прежде существовавших фактов или вследствие выделения их из прежде существовавших фактов» [4, с. 197]. И оригинальные новые факты (заимствования), и слова, появившиеся «вследствие нового сочетания прежде существовавших фактов», обладают коннотативным потенциалом, однако у вторых он, несомненно, выше. Новые слова, созданные на базе существующих в языке элементов, эксплицируют различные элементы коннотации с помощью словообразовательных элементов, главными из которых являются суффиксы: *движуха, военник, типок, рабочизм, имперство, левак, правак, элитка* и др.

Что касается заимствований, то многие из них в дополнение к номинативной функции при обозначении новых предметов или понятий демонстрируют некую мелиоративную коннотацию «престижности». Прежде всего это касается англицизмов. В приведенных ниже примерах англицизмы-варваризмы входят в состав сложных существительных: «*Авторы называют 15 самых популярных у старшеклассников профессий... Больше всего голосов среди опрошенных подростков набрала профессия **backend-разработчика**. <...> Десятку замыкает **DevOps-инженер**, затем идут мастер маникюра, психолог, архитектор, косметолог и **frontend-разработчик***» (Планы на backend – Коммерсантъ (kommersant.ru). Дата обращения: 11.04.23).

Говоря о характере оценки (мелиоративная/пейоративная), присущей той или другой лексической единице, следует учесть такой важный социополитический фактор, как плюрализм политического дискурса. Реалии современной жизни таковы, что общенациональный дискурс дробится на более частные: официальный (властный), либеральный, левый марксистский, патриотический, религиозный, рекламный и др. Создатели и реципиенты медиатекстов в пространстве определенного дискурса объединяются на основе аксиологических предпочтений, идеологических установок, что предполагает, в частности, однозначность восприятия оценки, заключенной в языковой единице. Например: «*“Левый движ” определяет эту идейную парадигму, хоть и несколько иронично, как “радикальная справедливость, феминизм... социализм, деколонизация, антиимпериализм, классовая ненависть, диалектика, action, за всё хорошее”*» (URL: https://rabkor.ru/columns/debates/2023/04/15/criticize_the_left_movement/. Дата обращения 11.04.2023).

В функции «манифестативных» политологом, определяющих доминирующий аксиологический вектор частных дискурсов, выступают преимущественно существительные. Идеологические противоречия, усиление конфронтации в обществе предопределяют тот факт, что оценка в семантике лексических единиц часто реализуется как адге-

рентная (контекстуальная), которая в некоторых случаях может противоречить ингерентной оценке, присущей лексеме в системе языка (см. словосочетание *классовая ненависть*, которое в приведенном выше контексте предполагает мелиоративную оценку). Различие идеологических установок обуславливает амбивалентность оценок, свойственных лексической единице или словосочетанию. Та же *классовая ненависть* в либеральном дискурсе может быть маркирована резко отрицательно. В соответствии с оценочной асимметрией в системе языка во всех оценочных ресурсах пейоративные единицы доминируют.

Остановимся подробнее на грамматических характеристиках существительного, предопределяющих его главную роль в выражении оценочных интенций субъектов современного политического дискурса.

Существительное является наиболее емкой, полифункциональной, максимально широкой в номинативном охвате объектов действительности частью речи. Именно существительное обладает наибольшим оценочным потенциалом среди всех частей речи. Существительные задают параметры *социальной* (по Шарлю Балли) оценки [2, с. 183], причем для каждого частного дискурса характерен свой набор «знаковых» лексем, обозначающих «ценности» и «антиценности» в рамках «дискурсивной идеологии».

Определяя существительные как один из видов «полных слов», Ф. Ф. Фортунатов отмечал в статье «Язык в процессе мышления и в процессе речи» широкую грамматическую семантику существительных, позволяющую им выступать и в качестве «глагольных слов»: «... в русском языке к глагольным словам по значению, без отношения к форме, принадлежат, например, не только ношу, носить, но также, например, и ноша» [4, с. 135]. Интересно, что абстрактные отглагольные существительные в ряду однокоренных слов могут вытеснять из употребления глаголы. Например: *релокация* (из англ.) ‘переселение, изменение места жительства, переезд в другую страну’. При наличии существительного *релокант* практически не употребляется глагол *релоцировать* (ср. *эмигрировать*, *эмигрант*, *эмиграция*). Существительное *релокация* в пределах определенных дискурсов имеет коннотации «вынужденности, обусловленности перемены места жительства внешними причинами».

Разнообразие форм представления «предметности» с помощью существительного, многочисленность лексико-грамматических разрядов этой части речи обусловило возможность особой концентрации в субстантиве «ассоциаций духовных явлений» (по Ф. Ф. Фортунатову). Именно существительное может стать знаком, символом определенного события или даже целой эпохи. Этому способствует возможность для существительного выступать в качестве главного члена номинативного предложения. Существительные как манифестанты разных исторических эпох представлены в приводимых ниже текстах. Отметим, что в том и другом тексте существительным (в том числе предметным) присуща адгерентная оценка:

«Города. Города. Города. / Электричество. Нефть. Руда. / Ни бахвальства. Ни таинства тайн. / Эскаватор. Мотор. Комбайн. / Жёсткий деррик. Турбина. Трос. / Катерпиллер. Совхоз. Колхоз. <...> Что же может быть этого **краше**?! / И всё это – наше!» (А. И. Безыменский);

«Рокер, брокер, киллер, диллер, / популизм, консенсус, бартер, / референдум, клиринг, хиллер, / пролонгация и чартер, / панки, бомби, сервилат, / йогурт, лобби, демократ – / политический **раздрай**, / кого хочешь – выбирай». (URL: https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://urok.1sept.ru/articles/600699/pril4a.doc&ved=2ahUKewiNwLml8YSBAxWxGxAIHnL_DUMQFnoECAIQAg&usq=AOvVaw1e7rISGxDgdRNB3PE2HEMH. Дата обращения: 11.04.2023).

Выделение групп существительных-неологизмов, характеризующихся лексико-грамматическими особенностями, обусловлено антропоцентричностью оценки, поскольку человек оценивает то, что для него значимо (прежде всего самого Человека, его представления о мире, отношения между людьми) [1, с. 181].

Среди неологизмов-существительных с оценочной коннотацией можно выделить несколько достаточно обширных лексико-семантических групп. Прежде всего это наименования абстрактных понятий, в частности новые политологемы, некоторые из которых появились в результате семантической деривации: *имперскость*, *атлантизм*, *импортзамещение*, *модернизация*, *оптимизация*, *цифровизация*, *дискредитация* и др. Именно для этих существительных преимущественно характерна адгерентная оценка, реализующая противоположные знаки в различных политических дискурсах.

Среди абстрактных существительных выделяются общеоценочные слова: *фейк*, *кринж* (жарг. нечто постыдное, отвратительное; от англ. *stinge* – съезжаться, скукоживаться от страха или ужаса), *треш* (от англ. *trash* – мусор), *зашквар*. В качестве общеоценочного существительного может употребляться лексема *база*. Группа общеоценочных слов имеет тенденцию к обновлению, поскольку со временем «ослабевает» экспрессивность подобных единиц.

Одна из обширных групп новых существительных – наименования лиц и совокупностей лиц: *хейтер*, *левак*, *правак*, *иноагент*, *хакер*, *бенефициар*, *легалист*, *навальнист*, *перфекционист*, *инфоцыгане*, *элитка* и др.

Только среди существительных выделяется разряд имен собственных, которые могут приобретать актуальные оценочные коннотации в связи с тем или иным информационным поводом. Так, в современной политической ситуации оценочно коннотированы такие проприальные имена, как *Байден, Трамп, Си, Зеленский, Вагнер, Пригожин, Блиновская* и др.

Своеобразной группой имен собственных, называющих объект, выделяя его из группы однородных, можно считать аббревиатуры (например, *РФ, НАТО, ЛГБТ, ВСУ, СВО, ЧВК* и др.), подобные номинации также могут быть осложнены коннотациями.

Наименования предметов приобретают эмотивно-оценочный компонент значения только в том случае, если они связаны психологическими ассоциациями с какими-либо знаковыми событиями, острой политической ситуацией, современной реалией, вызывающей эмоциональную реакцию общества (например: *кувалда, беспилотник, дрон; заброска, недвига* и др.).

Именно в существительных оценка эксплицируется с помощью наиболее разнообразных формальных средств, прежде всего суффиксов: *движуха, стебщик, договорняк, видосики, лайкосы* и др. Экспрессивностью, предполагающей наличие эмоционально-оценочного компонента, обладают усеченные формы: *харизмат, движ, коммент* и др.

Особенно активно используются в современном политическом дискурсе диминутивы (*ашечка, жежешка, печеньки Нуланд*). Диминутив как способ иронической номинации может передавать пейоративную оценку: *рыночек порешает; Ответочка: Германия закрывает почти все российские генконсульства* (URL: <https://sanktpeterburg.bezformata.com/listnews/germaniya-zakryvaet-pochti-vse/117746571>. Дата обращения: 11.04.2023).

В письменной форме экспрессия субстантива усиливается за счет изменения графического облика слова: *комменты конечно боммба!!*

Неологизмы-субстантивы, называющие значимые явления современной жизни, обладают высоким словообразовательным потенциалом, образуя словообразовательные цепочки (*касплей* (перевоплощение в различные роли, переодевание, подражание) – *касплеить, хайп – хайповать (хайпануть), пиар – пиарить (пропиарить, распиарить, отпиарить)* и др.). Таким образом, словообразовательная структура новых существительных с оценочными коннотациями, так же как и их деривационный потенциал, демонстрируют способность словообразовательной системы передавать восприятие говорящим окружающего мира. Следует согласиться с тем, что «активные звенья словообразовательного механизма демонстрируют возможности словообразовательной системы в отражении и моделировании картины мира социума» [3, с. 80].

Язык отражает противоречивое состояние российского общества, конфликтогенность современной ситуации. Для выражения оценочного отношения говорящего к реалиям действительности задействованы языковые средства разных уровней. Существительные как базовая часть речи с наибольшим номинативным охватом объектов действительности играют главную роль в фиксации настроений общества, отражении болевых точек национального сознания. Способность существительных концентрировать «психологические ассоциации» обуславливает возможность функционирования субстантивов в качестве оценочных метафор, символов.

Следует уточнить, однако, что оценочные «психологические ассоциации» возникают только у тех носителей языка, которые знакомы с данной реалией, находятся «в теме», в соответствии с современным выражением. Появление оценочных коннотаций у существительных (прежде всего у имен собственных) часто обусловлено информационным поводом. Если в информационном пространстве интерес к событию в общественном сознании не поддерживается, то повод забывается и лексемы утрачивают коннотативный компонент значения.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Москва : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Балли Ш. Французская стилистика. 2-е изд. Москва : Эдиториал УРСС, 2001. 392 с.
3. Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов : коллект. монография / под ред. Л. В. Рацибурской. Москва : Флинта, 2018. 232 с.
4. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды : в 2 т. Т. 1. Москва : Учпедгиз, 1956. 450 с.

СЕМАНТИКА НАРЕЧИЙ *АБРИСНО*, *СИЛУЭТНО* И *ЭСКИЗНО* В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В статье рассматривается семантика наречий *абрисно*, *силуэтно* и *эскизно*, внутренние формы которых имеют заимствованные корни, связанные с наименованием какого-либо вида изображения (рисунка, чертежа) или графического приема. На материале этих наречий исследуется история становления такой лексики, ее семантические особенности и современное состояние. В статье представлены адвербиальные лексемы, некоторые значения или оттенки которых не подвергались ранее лексикографической фиксации.

Ключевые слова: русский язык, историческая лексикология и словообразование, семантика, наречие.

Sharikhin Evgeny Yurievitch, Saint Petersburg State University, Russia

sharichan@yandex.ru

Semantics of the adverbs *abrisno*, *siluetno* and *eskizno* in historical perspective

The article deals with the semantics of the adverbs *abrisno*, *siluetno* and *eskizno*, the internal forms of which have borrowed roots associated with the name of some kind of image (drawing, draft) or graphic technique. On the material of these adverbs the history of formation of such lexicon, its semantic features and current state are researched. The article presents adverbs, some meanings or connotations of which have not been previously subjected to lexicographic fixation.

Keywords: Russian language, historical lexicology and word formation, semantics, adverb.

В данной статье предпринимается попытка исследовать семантическое становление наречий *абрисно*, *силуэтно* и *эскизно*, внутренние формы которых имеют заимствованные корни, связанные с наименованием какого-либо вида изображения (рисунка, чертежа) или графического приема. Такие адвербиальные лексемы в основном характеризуют «степень доведения объекта интеллектуального или физического действия до окончательной обработки, композиционной и смысловой завершенности» [2, с. 249].

Рассматриваемые наречия вошли в русский язык в разное время: *эскизно* – первая треть XIX в., *силуэтно* – конец XIX в., *абрисно* – первая треть XX в. Все эти лексемы с момента своего появления в русском языке с разной динамикой прошли длинный путь семантической эволюции от наречий с относительными значениями, имевшими изначально сильную связь со своей внутренней формой (существительными *эскиз*, *силуэт*, *абрис*), до наречий, развивших образно-переносные оттенки качественной семантики.

Проследим этапы семантического развития наречия *эскизно*, внутренняя форма которого мотивирована наименованием предварительного наброска к рисунку или картине – *эскиза*. Вероятно, данная адвербиальная лексема вошла в русский язык в первой трети XIX в., поскольку самый ранний выявленный контекст, в котором функционирует данное наречие, относится к 1830 г.

Это слово восходит к прилагательному *эскизный* (существительное *эскиз* происходит от франц. *esquisse*, из итал. *schizzo* – ‘брызганье; набросок’ [8, с. 452]) и обладает следующей семантикой: ‘как эскиз; в незаконченном виде’ [7, с. 1918]. Как и большинство наречий с заимствованными корнями, наречие *эскизно* поначалу сохраняет сильную связь со своим денотатом и употребляется исключительно в относительном значении, однако более поздние контексты демонстрируют развитие качественной семантики рассматриваемой лексемы. См.:

- (1) (...) *Въ памяти моей начали группироваться остальные английскіе живописцы, старые и молодые, такъ что, мало-по-малу, чтобы не обидѣть одного и не пропустить другого, я рѣшился набросать, хотя эскизно, общую характеристику всей английской школы.* [Григорович Д. В. Картины английских живописцев на выставках 1862 года в Лондоне (1896).]

В данном фрагменте речь идет о желании автора кратко описать английскую школу живописи. Благодаря использованию наречия *эскизно*, происходит перенесение признака одной деятельности (создание живописи) на другую (написание очерка о живописи). В этом примере лексема *эскизно* употребляется в качественном значении ‘в общих чертах, без подробностей, деталей; кратко’.

На этом фоне отдельный интерес вызывает единичный случай употребления рассматриваемого наречия в особом значении в следующем фрагменте. См.:

(2) *Затормозить доминанту, вероятно, тем труднее, чем полнее участвует в работе ее констелляция. Но когда доминанта переживается всего лишь эскизно, это значит, что она находится под торможением со стороны других начатков центральной деятельности.* [Ухтомский А. А. Доминанта (1966).]

В приведенном выше фрагменте (2) научного текста из области медицины присутствует противопоставление: работа констелляции доминанты (т. е. работа полного набора, «созвездия» доминантных очагов на разных уровнях мозга) и работа доминанты, которая переживается эскизно (т. е. неполно, фрагментарно). Данная антитеза позволяет определить семантику наречия *эскизно* следующим образом: ‘неполно, не в полной мере, частично, фрагментарно’.

Теперь проследим изменения в семантике наречия *силуэтно*, вошедшего в русский язык в конце XIX в. Эта лексема восходит к прилагательному *силуэтный*, которое встречается в русском языке с первой половины XIX в. В качестве своей внутренней формы это прилагательное и восходящее к нему наречие имеют заимствованный из французского языка корень (фр. *silhouette*), который происходит от фамилии французского экономиста Этьена де Силуэта (1709–1767), являвшегося контролером финансов во времена короля Людовика XV. Этьен де Силуэт был известен своей твердостью в финансовых вопросах: он вводил новые налоги (в том числе налог на роскошь) и был очень бережлив, за что недоброжелатели однажды сделали на него карикатуру в виде теневого профиля, вырезанного из черной бумаги [1, т. 25, с. 533]. Таким образом, в честь Этьена де Силуэта был назван новый графический жанр, представляющий собой абрис в виде черного контура, что стало для людей доступным вариантом изображения, заменяющим собой дорогие портреты. В России мода на такие силуэтные портреты появилась в 90-х гг. XVIII в. при дворе Екатерины II, однако в первые десятилетия XIX столетия популярность такого искусства начала проходить [8, с. 163].

Наречие *силуэтно* имеет два значения: 1) ‘в виде силуэта; контурно, рельефно’ и 2) *разг.* ‘не очень подробно, не детально; в общих чертах’ [1, т. 25, с. 534]. Значение наречия *силуэтно* в самом раннем выявленном нами контексте, относящемся к концу XIX в. (1893), соответствует первому, относительному, значению. См.:

(3) *Но прїятнїе, если не лучше всїхъ выставленныхъ пейзажей – «Вечеръ въ горахъ» съ довольно правдивымъ голубоватымъ тономъ дальнихъ горъ, силуэтно рисующихся на тепломъ воздухѣ...* [А. Н. Конкурс картин в Обществе любителей художеств (1893).]

Очевидно, что значение наречия в этом фрагменте: ‘в виде силуэта; контурно, рельефно’. Между тем анализ других контекстов показывает, что в текстах XX в. у рассматриваемого наречия появляется и качественная семантика (второе значение).

(4) *Елисагов: Разрешите интервью?*

Малинин: До доклада его превосходительству – не могу.

Елисагов: Хотя бы силуэтно?

Малинин: Ну, если силуэтно... [Тренёв К. А. Любовь Яровая (1926).]

В этом примере наречие приобретает уже качественное значение: ‘не очень подробно, не детально; в общих чертах’ [1, т. 25, с. 534]. Однако более поздние примеры из текстов XX и XXI вв. демонстрируют эволюцию семантики рассматриваемого наречия: у данной лексемы появляется сдвиг в значении. См.:

(5) *Адамов: (...) Мы с вами, именно, как будто где-то встречались.*

Воронин: В гимназии каждый день встречаемся, Иван Фомич.

Адамов: А не встречались ли, именно, не днем и не в гимназии? Силуэтно, так сказать? Ну, ну! Смотреть в глаза.

Павел: Если силуэтно, то глаза при чем?

Адамов: Ну, кто кого, именно, допрашивает? Я вас или вы меня? [К. А. Тренёв. Гимназисты (1935).]

(6) *Большая часть героев романа появляется силуэтно, на несколько строк.* [Котюсов А. Н. Фотошоп // «Волга», 2014.]

В приведенных выше контекстах (5) и (6) наречие *силуэтно* обладает дополнительными оттенками значения: ‘вскользь, мимоходом, мельком, попутно’. Такую семантику подтверждает и словосочетание *на несколько строк*, которое располагается в примере (6) в одной синтагме с наречием *силуэтно*.

Примечательно, что в примере (5) наречие *силуэтно* в первом случае (в реплике Адамова) употребляется в значении ‘вскользь, мимоходом, мельком, попутно’, в то время как реплика Павла, по-видимому, показывает, что герой воспринимает наречие *силуэтно* как раз в первом, относительном значении, т. е. ‘в виде силуэта; контурно, рельефно’. Такое противопоставление демонстрирует развитие семантики наречия.

Последним по времени вхождения в русский язык наречием (по-видимому, первая треть XX в.), мотивированным существительным, которое связано с наименованием одного из видов изображения, является лексема *абрисно*. Слово восходит к прилагательному *абрисный*, внутренняя форма которого имеет немецкое происхождение (нем. *Abriß* – ‘чертеж; устар. набросок, очерк’). В русском языке существительное *абрис* обладает следующей семантикой: ‘контурный рисунок, набросок’ и *перен.* ‘описание, характеристика кого-, чего-л. в общих чертах, без деталей, подробностей’ [1, т. 1, с. 66]. Впервые данная лексема зафиксирована в [4], однако толкование при слове отсутствует, приводится лишь иллюстративный материал. Для прояснения семантики наречия *абрисно* обратимся к примерам. См.:

(7) *Дальше, на рейде, расплывчато, абрисно виднелось еще несколько кораблей, но нам важны были эти три эсминца из немецкой эскадры, и я увидел, как, накренив тяжелую машину, капитан Головка уже падал на них, проходил, едва не задевая за мачты и башины...* [Горбунов М. Н. Это кричали чайки (1983).]

В приведенном фрагменте (7) наречие *абрисно* имеет качественно-относительное значение ‘в виде контура, как набросок; нечетко’. Наречие *расплывчато*, находящееся в одной синтагме с лексемой *абрисно* и связанное с ним определенными смысловыми нитями, частично подтверждает отмеченную семантику (так, *расплывчато* – ‘не имея четких очертаний, контуров; не отчетливо’ [7, т. 12, с. 706]). В нижеследующем примере (8) наречие *абрисно* получает качественную семантику. См.:

(8) *Но фигура Марфы <Посадницы> во всех ее противоречиях продолжает притягивать художественное воображение писателей. Где абрисно, где пунктиром, где просто упоминанием ее имени полны произведения о XV–XVI вв.* [Янин В. Л. Великий Новгород (2007).]

В приведенном выше контексте наречие *абрисно* обладает качественным значением ‘в общих чертах’. Обращает на себя внимание градация, состоящая из однородных обстоятельств, при которой происходит переход признака от большего к меньшему. Так, согласно логике фрагмента (8), упоминание фигуры Марфы Посадницы в произведениях о XV–XVI вв. может иметь разные формы: от очеркового изображения (*абрисно*) до простого ее упоминания. Ср.: *абрисно* → *пунктиром* (т. е. *пунктирно* – ‘отрывочно, фрагментарно, неполно’) → *упоминание*. Между тем нижеследующий пример (9) демонстрирует особый случай использования наречия *абрисно*. См.:

(9) *Надежду, признание, ревность, месть, гибель переживают и испытывают как бы и не люди, но «тени», абрисно, силуэтно возникающие сквозь ткань стихов* [Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай (2003).]

Во фрагменте (9), где речь идет о лирических героях стихотворений, явленных в поэтическом тексте отвлеченно, абстрактно (в виде «тени»), мы сталкиваемся с образно-переносным (метафорическим) употреблением наречия *абрисно* в значении ‘в виде контура, наброска; смутно, нечетко (об отражении поэтического образа)’.

Появление в русском языке подобной лексики было связано с возрастанием в России со второй половины XVIII – первой трети XIX в. интереса к вопросам западной художественной культуры – живописи, ваянию, зодчеству и др. С этого периода у теоретиков искусства и литераторов появляется потребность в языковых средствах, необходимых для обогащения языка искусства, характеристики авторского стиля, а также описания художественных образов.

Обращает на себя внимание тот факт, что прилагательные и наречия с семантикой ‘в общих чертах’ образовались от слов с заимствованными корнями, а не от русских корней. Так, например, употребления наречий с исконно русскими корнями *чертежно* или *очерково*¹, которые имели бы чисто качественное значение, не зафиксированы². В тех случаях, когда наречия образовывались от заимствований, они часто приобретали именно качественную семантику и образно-переносные значения. С одной стороны, такая тенденция могла быть обусловлена непрозрачностью внутренней формы слов с иностранными корнями в процессе постепенного освоения основ из разных генетических источников. В то же время относительная семантика наречий могла сохраняться в случае, если внутренняя форма заимствованного слова была предельно прозрачной. С другой стороны, такую ситуацию можно объяснить

и экстралингвистическими факторами. Вхождение в русский язык существительных, связанных с наименованием какого-либо вида изображения (рисунка, чертежа) или графического приема, а впоследствии появление прилагательных и наречий, мотивированных такой лексикой, связано с расцветом со второй половины XVIII в. портретной живописи, которая следовала традициям западноевропейского искусства. Так, известно, что первыми педагогами Императорской Академии художеств были живописцы из Германии, Франции и Италии.

Анализ лексического окружения этих наречий показывает, что с течением времени (на протяжении двух веков) диапазон глаголов увеличивается, с рассматриваемыми наречиями начинают сочетаться глаголы с семантикой, далекой от первоначальных значений, связанных с рисованием, письмом и т. п. К концу XIX в. наречия получали качественные значения, а с начала XX в. семантика подобной лексики эволюционирует, что проявляется в случаях приобретения наречиями образно-переносных значений.

Примечания

¹ От глагола *очертать* – ‘сделать набросок’ [6, т. 18, с. 156]. Данный глагол впервые встречается в тексте XII в. [5, т. 14, с. 97].

² В НКРЯ выявлено лишь по одному окказиональному употреблению каждого наречия с относительной семантикой в текстах XXI в.

Список литературы

1. *Большой академический словарь русского языка* : в 27 т. / под ред. К. С. Горбачевича, А. С. Герда. Москва ; Санкт-Петербург : Наука, 2004–2021. Т. 1, 21, 25.
2. *Дегальцева А. В.* Наречия образа действия в разных сферах современного русского общения: структурно-семантическая типология и роль в организации смысла предложения : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. Саратов, 2021. 638 с.
3. *Национальный корпус русского языка*. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.08.2023). Текст : электронный.
4. *Словарь русского языка*, составленный комиссией по русскому языку Академии наук СССР. Т. 1. Вып. 1. А–Ажно. Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1932.
5. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Москва : Наука, 1988. Вып. 14.
6. *Словарь русского языка XVIII в.* Вып. 18. Санкт-Петербург : Наука, 2011.
7. *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. Москва ; Ленинград, 1950–1965. Т. 12, 17.
8. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. 3-е изд. Москва : Русский язык, 1999. Т. 2.

«ВИНО КАКОЙ СТРАНЫ ВЫ ПРЕДПОЧИТАЕТЕ В ЭТО ВРЕМЯ ДНЯ?»: О ПОЭТИКЕ ВИНОПИТИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ М. А. БУЛГАКОВА

В статье рассматриваются некоторые аспекты ситуации винопития, черты ее интерпретации в художественном мире М. А. Булгакова. Отмечается, что в произведениях Булгакова проявляются такие черты, как сенсорная «проработанность» образов еды и питья, что в свою очередь обуславливает появление эстетической оценки; также уделяется внимание утилитарной семантике культуры питья.

Ключевые слова: М. А. Булгаков, винопитие, лексика, семантика, ментальность, культура питья.

Dimitrieva Olga Albertovna, Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russia
olgaal_79@mail.ru

"WHICH COUNTRY'S WINE DO YOU PREFER AT THIS TIME OF DAY?": ABOUT THE POETICS OF WINE DRINKING IN THE ARTISTIC WORLD OF M. A. BULGAKOV

The present article discusses some aspects of the situation of wine drinking, features of its interpretation in the world of the artistic work of M. A. Bulgakov. It is noted that the artistic world of M. A. Bulgakov shows such features as sensory "elaboration" of images of food and drink, which in turn determines the appearance of aesthetic evaluation; as well as the utilitarian semantics of drinking culture.

Keywords: M. A. Bulgakov, wine drinking, vocabulary, semantics, mentality, culture drinking.

«Историческая эпоха, – пишет О. М. Фрейденберг, – изменяет понятия не по одному лишь содержанию, но и по структуре» [10, с. 211]. Время творчества М. А. Булгакова приходится на период, который В. В. Розанов называет «апокалипсисом нашего времени»: «Всё потрясено, все потрясены. Все гибнут, всё гибнет» [9]. Этот период времени обуславливает ряд черт, отраженных в литературе. Мир художественного произведения становится способом осмысления происходящей реальности: бытовые детали вписываются в круг философской интерпретации текущего момента. В. В. Химич отмечает, что «помещение темы еды как условия физического выживания на приоритетной позиции в творчестве самых разных авторов стало средством эстетической и нравственной оценки последствий социально-исторического эксперимента» [11, с. 205]. Писатели (А. Аверченко, И. Шмелев и др.) акцентируют свое внимание «не на пище, а на отсутствии ее» [Там же, с. 205].

Помимо апокалиптического осмысления образов еды и питья, акцентируется внимание на эстетике пищевых образов. Отметим, что появляется особое отношение к вину, значимым становится его возраст, внешнее обрамление и детализированность восприятия. В качестве иллюстрации вспомним, например, столетнее вино в феерии А. С. Грина «Алые паруса» (*две бочки лучшего Аликанте, какое существовало во время Кромвеля* [5, с. 88], *столетняя темная благодать* [Там же, с. 126]); огненный антосмий в первой части трилогии Д. С. Мережковского «Смерть богов (Юлиан Отступник)» (*...уже во времена императора Диоклетиана вину было больше ста лет. – Черное? <...> Как деготь, и душистое, как амброзия* [8, с. 9]) или вино, принесенное Азazelло в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (*...то самое вино, которое пил прокуратор Иудеи. Фалернское вино* [3, с. 358]). Интерпретация объектов винопития и определение ценности вина осуществляются с помощью маркирования его возраста и с этой точки зрения особого «почтительного» к нему отношения (см. [6]).

Другой важной составляющей в репрезентации ситуации винопития является эстетический ракурс ее восприятия. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «сублиматом сенсорной оценки является эстетическая» [1, с. 195]. Описания застолий, в которых наряду с перечислением состава блюд и напитков передаются многочисленные визуальные, аудиальные, вкусовые и другие сенсорные оценки, становятся своеобразным способом ухода из текущей серой реальности в один из ярких возможных миров. Рассмотрим следующий фрагмент из романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»:

Тут в багровом свете от камина блеснула перед буфетчиком ипага, и Азazelло выложил на золотую тарелку шипящий кусок мяса, полил его лимонным соком и подал буфетчику золотую двузубую вилку.

– Покорнейше... я...

– Нет, нет, попробуйте!

Буфетчик из вежливости положил кусочек в рот и сразу понял, что жует что-то действительно очень свежее и, главное, необыкновенно вкусное [3, с. 203].

Здесь можно отметить визуальные оценки – характеристики цвета и света, которые передаются как глаголом *блеснуть*, так и традиционно прилагательными-колоронимами *багровый, золотой* (одновременно является материалом); аудиальные оценки – *шипящий кусок*; вкусовые оценки – *свежее, вкусное*. Обычно также тщательно «прорабатывается» окружающая атмосфера, внешний антураж и детали: *камин, шпага, двузубая вилка; полил лимонным соком*.

Предметом рассмотрения данной статьи является ситуация винопития в произведениях М. А. Булгакова, в частности наименование напитков, их коннотативный потенциал. В повести «Собачье сердце» Филипп Филиппович произносит хрестоматийный монолог, ставший лейтмотивом многих произведений М. А. Булгакова: *Еда, Иван Арнольдович, штука хитрая. Есть нужно уметь, а представьте себе – большинство людей вовсе есть не умеют. Нужно не только знать – что съесть, но и когда и как. (Филипп Филиппович многозначительно потряс ложкой.)* [4, с. 26]. Такое особенное отношение к еде и питью, в которой выражается утилитарная оценка, включающая в качестве обязательной составляющей место и время («хронотоп» употребления пищи), передается и в следующем фрагменте речи Филиппа Филипповича: *Я буду обедать в столовой, а оперировать в операционной! Передайте это общему собранию и покорнейше вас прошу вернуться к вашим делам, а мне предоставить возможность принять пищу там, где ее принимают все нормальные люди, то есть в столовой, а не в передней и не в детской* [Там же, с. 24], и в известном рассуждении поэта Амвросия в романе «Мастер и Маргарита», аргументирующего свой выбор в пользу ресторана Грибоедова, а не «Колизея» (*Но в «Колизее» порция судачков стоит тринадцать рублей пятнадцать копеек, а у нас – пять пятьдесят! Кроме того, в «Колизее» судачки третьедневочные...* [3, с. 60]), и в описании домашнего ужина (...*представляю себе твою жену, пытающуюся соорудить в кастрюльке в общей кухне дома порционные судачки а натюрель! Ги-ги-ги!..* [Там же]).

М. Л. Ковшова, описывая составляющие семантики культуры, отмечает следующие: 1) утилитарная семантика, 2) функциональная, 3) социально-иерархическая, 4) эстетическая, 5) духовно-идейная [7, с. 24].

Наименования спиртных напитков даются в контексте с их назначением и влиянием на человека как с точки зрения физического состояния (1), так и психического (2). Рассмотрим следующие примеры:

- (1) – *Ничего похожего! – громовым голосом ответил Филипп Филиппович и налил стакан вина. – Гм... я не признаю ликеров после обеда: они тяжелят и скверно действуют на печень...* [4, с. 28].
- (2) *После авторитетного разъяснения Караса, что никому абсолютно не может быть вреден коньяк и что его дают даже малокровным с молоком, Василиса выпил вторую рюмку, и щеки его порозовели, и на лбу выступил пот* [2, с. 232].
- (3) *Уже водку пить невысказанно, уже вино пить невысказанно, идет в душу и обратно возвращается* [2, с. 60].
- (4) *Вся эта история произошла около часу, а теперь было часа три полуночи, но двое в кабинете бодрствовали, взвинченные коньяком с лимоном* [4, с. 76].

Как видно из примеров, утилитарная семантика становится также экспликатором причинных связей. Так, в первых двух примерах выражается физическое состояние, в дополнение к которому указывается причина негативных последствий приема спиртного (пример 1) и положительного влияния (пример 2): в обоих случаях высказывания носят характер рекомендации, выражаемой глаголами, не локализованными на темпоральной оси (1 – НСВ глаголов *тяжелеть, действовать* в ситуации повторяющегося действия; 2 – глагол *мочь* с семантикой потенциальности и глагол *давать* в ситуации повторяющегося действия).

В примерах 3–4 указываются изменения психического/психологического состояния, происходящие во внутреннем мире героев. В таких контекстах также указывается причина: «идет в душу и обратно возвращается» (пример 3); «взвинченные коньяком с лимоном» (пример 4). В отличие от первых двух фрагментов, внутреннее состояние описывается сквозь призму «произошедшего», «случившегося», высказывание не имеет характера потенциально осуществляемого действия.

Таким образом, в репрезентации ситуации винопития в художественном мире М. А. Булгакова значимыми являются следующие моменты: 1) ситуация застолья содержит подробные описания, включающие разнообразные сенсорные, а следовательно, и эстетические оценки; 2) утилитарная семантика культуры винопития и потребления пищи обусловлена местом и временем потребления (*Вино какой страны вы предпочитаете в это время дня?*); 3) физическое и психическое состояние часто содержит причинную составляющую – в том числе эксплицирующую сорт вина или блюдо.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. Москва : Наука, 1988. 341 с.
2. Булгаков М. А. Белая гвардия. Москва : Детская литература, 1990. 286 с.
3. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Москва : Художественная литература, 1988. 384 с.
4. Булгаков М. А. Собачье сердце : повесть; Ханский огонь : рассказ. Москва : Современник, 1989. 112 с.
5. Грин А. С. Алые паруса. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1980. 341 с.
6. Димитриева О. А. Вакхическая лексика, вербализующая объект питания, в художественном мире Александра Грина // Научный диалог. 2021. № 4. С. 80–96. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-80-96.
7. Ковшова М. Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. Москва : Гнозис, 2015. 368 с.
8. Мережковский Д. С. Смерть Богов (Юлиан Отступник). Москва : Панорама, 1991. 272 с.
9. Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. URL: <http://www.vehi.net/rozanov/apokal.html> (дата обращения: 30.08.2023). Текст : электронный.
10. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. Москва : Академический проект, 2021. 781 с.
11. Химич В. В. Эстетическая активность образов еды и питья в произведениях Михаила Булгакова // Известия Уральского гос. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. 2006. Т. 47, № 12. С. 204–224.

А. М. ДУНДУКОВА®

Петрозаводский государственный университет, Россия
gelya@onego.ru

ЗООНИМЫ И ФИТОНИМЫ В РУССКОМ ДЕТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ КАРЕЛИИ: СОСТАВ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

В статье, выполненной на материале сборника «Русский детский фольклор Карелии», анализируются состав и функционирование субстантивов, служащих для наименования животных и растений, сопоставляются одни и те же лексические кластеры в текстах жанров так называемого взрослого и детского фольклора и делается вывод о возможности доказать тезис о жанровой дифференцированности языка устного народного творчества с помощью сопоставления сравнительно небольших лексических парадигм.

Ключевые слова: зоонимы, фитонимы, детский фольклор Карелии, жанр.

Dundukova Angelina Mikhailovna, Petrozavodsk State University, Russia

The article, based on the collection "Russian Children's Folklore of Karelia", analyzes the composition and functioning of substantives used to name animals and plants, compares the same lexical clusters in the texts of the genres of the so-called "adult" and "children's" folklore and concludes on the possibility of proving the thesis about the genre differentiation of the language of oral folk art by comparing relatively small lexical paradigms.

Keywords: zoonyms, phytonyms, children's folklore of Karelia, genre.

Исследование выполнено на материале вышедшего в Петрозаводске в 1991 г. одноименного сборника – «Русский детский фольклор Карелии» [6]. Стоит оговорить, что существует второе, вышедшее в 2013 г., издание сборника, включившее в себя, помимо изданных ранее, тексты (около 300 единиц), записанные за последнее десятилетие XX в. и первое десятилетие XXI в. Однако в рамках настоящего исследования мы ограничимся первым изданием: нас интересуют прежде всего записи, сделанные в первой половине XX в., так как исследование в том числе предполагает сопоставление одних и тех же лексических кластеров (объединений языковых элементов, обладающих некоторыми общими признаками) в текстах жанров так называемого взрослого и детского фольклора¹, но записанных на одной территории – в Карелии – и, в идеале, в близкие хронологически периоды.

С. М. Лойтер, составитель «первого специального собрания детского фольклора, выявленного на территории Карелии» [5] со второй половины XIX в., отобрала для публикации 1026 текстов, включив их условно в два раздела – «Поэзия пестования» (тексты создавались взрослыми и адресованы детям) и «Потешный и игровой фольклор» (тексты, созданные самими детьми и бытующие в их среде). Сборник, таким образом, включает в себя самые разные жанры детского фольклора: колыбельные песни, пестушки и потешки, прибаутки и песенки, докучные сказки, заклички и приговорки, дразнилки и поддевки, считалки, небылицы и перевертыши, скороговорки, игры, страшилки, – что позволяет провести сравнительно-сопоставительный анализ интересующих нас групп лексем.

В результате сплошной выборки в сборнике были выделены зоонимы (310 единиц, 708 словоупотреблений) и фитонимы (64 единицы, 137 словоупотреблений). Оказалось, что субстантивы, служащие для номинации животных и растений, встречаются в текстах всех жанров и составляют довольно существенный пласт их лексики². Однако следует отметить, что количество используемых в разных жанрах детского фольклора зоонимов и фитонимов разное (см. табл. ниже).

	<i>Колыбельные</i>	<i>Пестушки</i>	<i>Прибаутки</i>	<i>Небылицы</i>	<i>Скороговорки</i>	<i>Игры</i>	<i>Докучные сказки</i>
Зоонимы	51	51	47	31	14	20	10
Фитонимы	4	3	11	2	4	15	3
	<i>Заклички</i>	<i>Приговорки</i>	<i>Назвкы</i>	<i>Дразнилки</i>	<i>Поддѣвки</i>	<i>Считалки</i>	<i>Страшилки</i>
Зоонимы	14	8	21	16	3	78	2
Фитонимы	2	0	5	2	2	27	1

Наиболее богатыми в этом отношении оказались считалки (самый популярный и повсеместно бытующий среди детей жанр устного народного творчества), но не все, а так называемые сюжетные – в них просматривается действие, что-то происходит. Реже всего зоонимы и фитонимы встречаются в поддевках и страшилках, и объяснить этот факт можно не только тем, что текстов указанных жанров в сборнике относительно немного – 15 и 10 соответственно, – но и специфическими особенностями этих жанров. Поддевки – одна из форм детской речевой агрессии, искусственно созданные небольшие диалоги, строящиеся так, чтобы второй участник был пойман на слове: – Скажи: печка. // – Печка. // – Твоя мать овечка (512)³; – Дуб, орех или мочало? // – Дуб. // – Попадаю в правый зуб (щелчок) (525).

Особенностью же употребления зоонимов и фитонимов в языке детского фольклора является в большинстве своем положительная или нейтральная оценка денотатов, которые с помощью этих лексем обозначены. Так, например, в текстах страшилок – устных детских рассказов, призванных напугать слушателя и в безопасных условиях вызвать у него состояние катарсиса, – *золотая рыбка* (1025) или *маленький беленький котенок* (1026) являются теми светлыми точками, которые рассказчик ставит в конце своей длинной *черной-пречерной* истории: *В одном черном-черном доме был черный-черный коридор. В этом черном-черном коридоре была черная-черная дверь. За этой черной-черной дверью была черная-черная комната. В этой черной-черной комнате была черная-черная кровать. На этой черной-черной кровати лежало черное-черное одеяло. На этом черном-черном одеяле стоял маленький беленький котенок* (1026).

О положительной в большинстве случаев коннотации зоонимов и фитонимов в детском фольклоре говорит и обилие в текстах сборника мелиоративно окрашенных деминутивов: *зайушко, мышка, барашка, котенька, поросяточки, собачка, козлик, лошадка, коровушка, бычок, гуленьки, лебедушки, уточка, кукушечка, совушка, курочка, божья коровушка, селедочка, кусточек*⁴, *березонька, цветочки, яблонька* и пр.

Для текстов сборника «Русский детский фольклор Карелии» характерна определенная денотативная избирательность в использовании зоонимов и фитонимов: 374 извлеченных из текстов субстантива нужной тематики служат для обозначения всего 91 вида животных (27 из которых называют млекопитающих, 33 – птиц, 7 – гадов⁵ и 24 – рыб) и 48 видов растений. Однако детский фольклор демонстрирует все же более широкую палитру в названиях животных и растений, чем некоторые жанры взрослого фольклора⁶. Особое место в текстах анализируемого сборника занимают субстантивы, служащие для номинации такого животного, как кот: таких существительных насчитывается 29 (*кот, кошка, котенок, кошечка, киска, котик, котенька, котя, ки/ыса, котишка, коток, ки/ысонька, котеночек, котя-коточек, котя-котенька, кот-котович, кот-воркот* и пр. – количество формальных манифестаций в языке фольклора гораздо больше узуального), а количество их словоупотреблений (118) составляет около 17 % от общего. Лексемы с корнем *-кот-* есть в текстах 10 из 14 жанров, представленных в сборнике, отсутствуют они либо в жанрах, связанных с шуткой над собеседником, высмеиванием его (докучные сказки и поддевки), либо в жанрах, генетически связанных с календарной обрядностью и представляющих собой стихотворные обращения к различным силам и явлениям природы: солнцу, дождю, ветру, морозу, радуге и пр. (заклички и приговорки). Чаще всего субстантивы, служащие для обозначения кота, встречаются в жанрах, предназначенных для самых маленьких детей, – колыбельных песнях и пестушках. Кот, как и заяц (лексемы с этим корнем также частотны в колыбельных и пестушках – 7 субстантивов, 58 словоупотреблений), согласно народным поверьям, способен благотворно влиять на сон [2].

Вариативная номинация одного и того же денотата в целом характерна для текстов детского фольклора Карелии. Кроме названных выше, примерами этого явления можно назвать лексемы, обозначающие животных, птиц, рыб, насекомых и растения: мышь, овца, свинья, коза, собака, лошадь, корова, бык, голубь, лебедь, утка, чайка, сорока, кукушка, попугай, курица, селедка, ёрш, окунь, бабочка, божья коровка, куст, цветок, трава, береза, яблоня, дуб и пр.

Интересно, что большая часть зоонимов и фитонимов, встречающихся в текстах сборника, относится к общеупотребительной лексике, хотя встречаются отдельные случаи диалектизмов разных видов⁷:

- собственно лексические: *скачке-скачке* (кузнечик), *павка-павка* (паук); *трепесняк* (тростник), *меньшинка золотые рожки* (в словарях не найдено, контекст не помогает определить значение);
- фонетические: *мышль* (мышь), *либедь* (лебедь), *кыса* (киса), *журавель* (журавль);
- семантические: *лебёдка* (самка лебедя), *нива* (по разным источникам – трава или рожь, пшеница на корню);
- словообразовательные: *чаица* (чайка), *гулюшки* (голуби), *голубенчики* (голуби), *палейка* (палья/палия, рыба семейства лососевых);
- морфологические: *барашка* (барашек), *заюшко* (заюшка).

Подобное преобладание общеупотребительной лексики над диалектной в анализируемом сборнике вызвано, как представляется, в первую очередь достаточно поздним временем записи текстов и тем, что записывались они в основном в городах – Петрозаводске, Беломорске, Сегеже, Костомукше, Пудоже.

Зоонимы и фитонимы в исследуемых текстах в подавляющем большинстве используются в прямом узуальном значении и служат для номинации либо природных реалий, животных и растений, либо частично антропоморфных персонажей, которые выступают в роли, присущей человеку, – умеют говорить или выполняет человеческие функции (ходят в магазин, продают пироги, укачивают детей, топят баню, метут избу и пр.). Участвуют зоонимы и фитонимы в создании так называемой зауми – детского словотворчества: *Пери-мери, ута-сута, // Пята-сота, дуб-крест, // Пал в лес. // Печка-ночка, // Уточка* (614), а также являются рифмованными дразнилками к именам: *Петька – редька // Съел медведька. // Утром рано // Съел барана* (408); *Сергей-воробей в озере купался. // Руки-ноги утонули, а живот остался* (414); *Шура-бура тачка, // Черная собачка* (413).

Стоит отметить, что для интересующих нас субстантивов нехарактерной является адъективная синтагматика: лишь небольшое количество существительных имеет при себе определения – постоянные эпитеты: *серые (серенькие) коты* и *зайчики, ретивый конь, ракитовый кусток, белая береза*. Зато гораздо чаще встречаются эпитеты-приложения: *сорока-белобока, птица-перепелица, кисонька-мурысонька, курочка-рябушечка, кукушечка-горюшечка, чижик-пыжик, коршун-моршун*⁸, *бабка-липка, мотылек-василек, трава-мурава* и пр. Участвуют интересующие нас субстантивы и в создании фольклорных алогизмов: *гуси-лебеди, сорока-ворона, утица-гагара, рыба-кит*.

Одной из самых ярких особенностей употребления зоонимов и фитонимов в текстах сборника «Русский детский фольклор Карелии» является их активное повторение, создающее ритмический рисунок стихотворного текста:

- повтор слова (чаще контактный, но встречается и дистантный): *Соловей-ко, соловей, // Себе гнездышко не вей...* (30); *В няньки я тебе взяла // Солнце, ветер и орла. // Улетел орел домой, // Солнце скрылось за горой* (98); *Киска, киска, киска, брысь! // На дорожку не садись...* (181); *Кони, кони, кони // Сидели на балконе...* (874); *Здесь течет речушка, // Через речку мост. // На мосту овечка, // У овечки хвост* (557);
- редупликация: *зайка-зайка, мышка-мышка, котя-котя, гули-гули, утка-утка, чайка-чайка, рыба-рыба, улитка-улитка, мак-мак* и т. д.;
- частичная редупликация: *жур-журавель, чере-чере-пашонок*.

Проявления местного, регионального, карельского колорита на уровне лексики в текстах сборника немногочисленны⁹, но в этих редких примерах достаточно важную роль, наряду с топонимами, играют зоонимы – названия рыб. В отличие от текстов сборника А. Ф. Гильфердинга, в которых эта лексическая парадигма представлена крайне бедно¹⁰, в нашем материале обнаружено 39 субстантивов (44 вхождения), служащих названиями родовому понятию и еще 23 видам рыб: *лососинушка, ершок, окунь, треска, палтуска, горюшки, палейки, плотички, щуки, карась, сёвенка-ряпусёвенка, ряпукса, меньки, сегги, салажка, сом, севрюга, селедочка, карп* и пр. Определенную роль в создании «карельского колорита» играют также фитонимы – названия грибов (*боровик, масленок*) и плодов диких ягод¹¹ (*брусника, морошка, черника, земляника*), а также тот факт, что субстантивов – названий диких животных, птиц и растений – в анализируемых текстах гораздо больше, чем домашних: известно, что в Карелии более распространены были рыболовство, охота и собирательство, чем домашнее животноводство и выращивание сельскохозяйственных культур.

Анализ лексем, служащих для номинации животных и растений в разных жанрах детского фольклора, далеко не окончен (например, не были проанализированы тексты, вошедшие во второе издание сборника, за пределами статьи остались особенности синтаксических функций зоонимов и фитонимов, отношения со- и противопоставленности, в которые они вступают в текстах разных жанров, гиперо-гипонимические отношения этих лексем и пр.). Настоящее исследование представляет собой лишь первый шаг в этом направлении, однако уже сейчас можно говорить, что тезис о жанровой дифференцированности языка устного народного творчества может быть доказан не только на грамматических примерах или путем сопоставления тезаурусов¹², но и с помощью сравнительного анализа относительно небольших лексических парадигм.

Примечания

¹ Для сопоставления привлекаются тексты былин, исторических песен и скоморошин.

² Ср. с подобным исследованием, проведенным нами на материале трехтомника «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года»: субстантивы, служащие для номинации животных, насчитывают 246 единиц (4571 словоупотребление), растений – 70 единиц (487 словоупотреблений) [3].

³ Здесь и далее рядом с цитатой из фольклорного текста в круглых скобках указывается его порядковый номер в анализируемом сборнике.

⁴ Двойная деминутивация.

⁵ В народной классификации животных к «гадам» относят существ, которые, в первую очередь, обладают способностью ползать, хотя им могут быть свойственны и другие способы передвижения («летать», «плавать», «ходить»). Таким образом, в этот класс попадают не только пресмыкающиеся, но и насекомые, раки, лягушки и пр. [1].

⁶ См., например, соответствующие показатели в былине: 18 видов млекопитающих, 21 – птиц, 6 – гадов, 6 – рыб и 27 видов растений [3].

⁷ В текстах «Онежских былин» А. Ф. Гильфердинга, например, диалектизмами являются более половины зоонимов и фитонимов [3].

⁸ Значение слова «моршун» нам не удалось установить, возможно, это просто результат словотворчества в поисках рифмы к существительному «коршун».

⁹ Говорить о ярком проявлении региональной специфики в текстах устного народного творчества, записанных в эпоху распространения печатных СМИ, а также радио и телевидения, вообще трудно. Так, в текстах сборника наряду с *зайцем*, *волком*, *медведем* и *белкой* можно найти *слона*, *крокодила*, *обезьяну*, *попугая* и *бегемота*, рядом с *редькой*, *луком*, *чесноком*, *капустой*, *морковкой* и *горохом* – *дыню*, *арбуз*, *лимон* и *мандарин*.

¹⁰ Всего 19 субстантивов (60 словоупотреблений), номинирующих, помимо родового понятия, еще шесть денотатов [3].

¹¹ В этом случае термин «фитоним» понимается широко. В нашу статистику эти субстантивы, как и названия плодов других растений, не вошли.

¹² См., например: [7; 4].

Список литературы

1. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. Москва : Индрик, 1997. С. 19–20.
2. Гура А. В. Кошка // Славянская мифология : энциклопедический словарь. Изд. 2-е. Москва, 2002. С. 255–257.
3. Дундукова А. М. Зоонимы и фитонимы в «Онежских былинах, записанных А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года» : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Петрозаводск, 2016. 233 с.
4. Климас И. С. Фольклорная лексикология: своеобразие объекта, состав единиц, специфика лексикологических категорий : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. Курск, 2005. 40 с.
5. Лойтер С. М. Детский фольклор, его собирание и изучение в Карелии // Русский детский фольклор Карелии. Петрозаводск, 1991. С. 13.
6. Русский детский фольклор Карелии / сост., автор вступит. ст. и коммент. С. М. Лойтер. Петрозаводск : Карелия, 1991. 280 с.
7. Тарланов З. К. Сравнительный синтаксис жанров фольклора // Тарланов З. К. Динамика в развитии и функционировании языка. Петрозаводск, 2008. С. 195–299.

ДИСТАНТНЫЙ ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПОВТОР В ПОЭЗИИ М. В. ЛОМОНОСОВА¹

В статье рассматривается такое лингвистическое явление, как лексический повтор. С опорой на грамматические характеристики, расположение в тексте, сочетание с другими средствами выразительности и функциональную специфику на примере текстов М. В. Ломоносова выявляются разные виды лексических повторов и их влияние на восприятие поэзии читателем. В центре исследования – дистантные повторы, которые являются преобладающими в творчестве Ломоносова (90 % общего числа), в основном представляя собой местоимения, глаголы и существительные.

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, дистантный повтор, лексический повтор, поэтический синтаксис, диахроническая риторика.

Lebedev Aleksandr Aleksandrovich, Petrozavodsk State University, Russia
perevodchik88@yandex.ru

Distant lexical repetition in the poetry of M. V. Lomonosov

The article analyzes such a linguistic phenomenon as lexical repetition. Based on grammatical characteristics, location in the text, combination with other means of expression and functional specificity, various types of lexical repetitions and their influence on the perception of poetry by the reader are revealed using the example from the texts of M. V. Lomonosov. In the center of the study are distant repetitions, which are predominant in the work of Lomonosov (90 % of the total), mainly representing pronouns, verbs and nouns.

Keywords: M. V. Lomonosov, distant repetition, lexical repetition, poetic syntax, diachronic rhetoric.

Значимая роль повторов в формировании композиции поэтического текста, а также в аспекте воздействия на восприятие читателя требует лингвистического изучения. Лексический повтор – многоплановое явление, нуждающееся в комплексном изучении, анализе разных аспектов, в числе которых следует выделить:

- грамматические характеристики лексем;
- местоположение в стихотворной строке;
- сочетание повторов с иными средствами речевой выразительности;
- функциональную специфику повторов.

В статье представлен анализ дистантных повторов на примере творчества М. В. Ломоносова, значимого автора XVIII в., поскольку поэтическое творчество Михаила Васильевича оказало влияние на всю дальнейшую отечественную поэзию.

Работа подготовлена в ходе реализации проекта «Поэтический синтаксис русского языка XVIII в. в риторическом аспекте», в котором принимают участие сотрудники кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета. Составление «риторических портретов» ведущих поэтов данного столетия поможет внести значимый вклад в диахроническую риторика, историческую поэтику, стилистику и грамматику.

В данном исследовании под лексическим повтором мы понимаем повторение слова или словосочетания в составе одного предложения, абзаца или целого текста. Все найденные лексические повторы с точки зрения расположения элементов делятся на три группы:

- 1) контактные (предусматривающие повторение слов, находящихся рядом, в частности, и тогда, когда они разделяются служебными частями речи);
- 2) дистантные (повторы слов в пределах одного предложения, абзаца, между которыми есть как минимум одна знаменательная часть речи);
- 3) рефрены (многократные повторы на протяжении всего стихотворного текста).

Следует заранее оговориться, что в рамках данной статьи мы рассматриваем только те дистантные повторы, которые были обнаружены в пределах одного предложения.

Дистантный повтор встречается значительно чаще, чем другие типы повторов в творчестве М. В. Ломоносова (231 случай, порядка 90 % общего числа повторов, если анализировать данные «Синтаксического словаря русской поэзии» [3]).

Анализируя частеречное представление повторяемых лексических единиц, следует отметить преобладание трех частей речи – местоимений, глаголов и существительных. Остальные части речи (наречия, числительные, прилагательные) единичны.

Повторы местоимений в лирике М. В. Ломоносова многообразны. Как правило, это личные местоимения всех трех лиц.

*Я теплыми руками
Холодны руки мял,
Я крылья и с кудрями
До суха выжимал.* [1, с. 256.]

*Ты суд и милость сопрягаешь,
Повинных с кротостью казнишь,
Без гневу злобных исправляешь,
Ты осужденных кровь щадишь.* [1, с. 113.]

*Он жив, надежда и покров,
Он жив, во все страны взирает,
Свою Россию обновляет...* [1, с. 145.]

Такое тяготение к повторению личных местоимений в лирике М. В. Ломоносова может указывать на его стремление усилить эмоциональную выразительность и личностную окраску произведений. Повторы местоимений помогают автору усилить субъективное отношение к описываемым событиям, объектам, персонажам.

Однако встречаются и другие разряды местоимений, в частности вопросительные и определительные:

Кто мать тебе и кто отец? [1, с. 158.]
*Иной кладет пучки, иной в свирелку свищет,
Иной любезныя меж деревьями ищет,
Иной сам прячется от ней в зеленой куст.* [1, с. 252.]

Среди глаголов чаще всего встречаются формы повелительного наклонения. Они могут использоваться Ломоносовым для призыва, указания, руководства или выражения сильных убеждений. Повторы таких глагольных форм придают тексту большую динамичность и призваны произвести впечатление на читающего.

*Воззри на плач осиротевших,
Воззри на слезы престаревших,
Воззри на кровь рабов твоих.* [1, с. 156.]

*«Ах, встань, прехраброй воин, встань,
О старой нашей вспомни дружбе,
Вступи к твоей некосно службе,
Внеси в Россию тяжску брань».* [1, с. 76.]

Повторы существительных делятся на две примерно равные группы.

1. Повторы существительного в другой падежной форме:

Герою молвил тут Герой... [1, с. 65.]
*Мы ныне, празднуя той час благословенный,
Огнями кажем огонь, во всех сердцах возжженный.* [1, с. 224.]

И повторы словоформ, сопровождающиеся разным лексическим окружением:

*Там вокруг облег Дракон ужасный
Места святы, места прекрасны
И к облакам сто глав вознес!* [1, с. 143.]

*Богиня красотой, породой ты богиня,
Повсюду громкими делами героиня,
Ты мать щедротами, ты именем покой:
Смущенный бранью мир мирит господь тобой.* [1, с. 210.]

Вторая группа более любопытна с точки зрения выразительности, поскольку повторяющееся слово в таком случае участвует в новых лексических связях, что влечет за собой экспрессивно-смысловое преобразование.

Иногда повторы разных частей речи могут комбинироваться:

*Премудрый глас сей Соломонов,
Монархия, сей глас есть твой. [1, с. 180.]*

*Коль изображение мочно,
Вижу здесь тебя заочно,
Вижу здесь тебя, мой свет;
Молви же, дорогой портрет. [1, с. 273.]*

В 80 % случаев слово повторяется два раза, однако в некоторых контекстах оно может встречаться три и более раз в пределах предложения. Такое многократное повторение характерно в первую очередь для глаголов и местоимений. Глаголы в этом случае находятся в повелительном наклонении.

***Воззри** на плач осиротевших,
Воззри на слезы престаревших,
Воззри на кровь рабов твоих. [1, с. 156.]*

*Подвигнись правдою святою,
Суди нас, господи, **суди**,
Не дай им поругаться мною,
Суди и мне не снисходи. [1, с. 190.]*

***Гряди** к блаженному покою,
Гряди к нам вечно торжество,
Гряди и царствуй здесь со мною,
Так хочет вышнее божество. [1, с. 164.]*

Характерен многократный повтор и для местоимений:

***Тобой** поставлю суд правдивый,
Тобой сотру сердца кичливы,
Тобой я буду злость казнить,
Тобой заслугам мзду дарить. [1, с. 86.]*

***Ты** жить с бессмертными достойна;
Россия по тебе спокойна:
Ты возвратила в ней урон,
Ты кровь мою возобновила,
В наследстве внука утвердила;
Тобою он восшел на трон. [1, с. 164.]*

*О дерзкий мира нарушитель,
Ты меч против меня извлек;
Я правлю солнце, землю, море,
Кто может стать со **мною** в споре:
Моя десница мецет гром,
Я в пропасть сверг за грех Содом,
Я небо мраком покрываю,
Я сам Россию защищаю. [1, с. 87.]*

Пример с большим количеством повторяющихся имен существительных единичен:

*Я вижу, он идет украшен весь **цветами**,
Цветы на голове, **цветы** между перстами,
Цветами увит вокруг и посох и свирель. [1, с. 252.]*

Такого рода многократные повторы призваны создать яркий, живой образ в тексте, акцентировать внимание на действии (в случае с глаголом) или на деятеле (в случае с местоимениями), а также, вероятно, решить собственно версификационные задачи.

Рассуждая о положении лексических повторов в пределах строки, следует отметить преобладание анафорических дистантных повторов, усиливающих эмоциональную силу стихотворения, позволяющих выделить ключевые идеи, и просто более заметных визуально в тексте произведения.

Дистантные лексические повторы в поэзии М. В. Ломоносова сочетаются с другими средствами речевой выразительности. Чаще всего это эпитеты и инверсии:

*Еще крутится мгла густая,
Еще наносит страшный шум!* [1, с. 122.]

*Но ужасу тому последовал конец:
Довольна чадом мать, доволен им отец.* [1, с. 237.]

Однако возможны метафоры и олицетворения:

*Брега Невы руками плещут,
Брега Ботнийских вод трепещут.* [1, с. 85.]

Лексический повтор также может комбинироваться с метонимией и сравнением:

*От вас Россия ожидает
Счастливых и спокойных лет,
На вас по всякой час взирает
Как на всходящий дневный свет.* [1, с. 103.]

Еще один из стихотворных текстов М. В. Ломоносова демонстрирует, что лексические повторы могут быть эффективным стилистическим инструментом влияния на читателя на материале всего текста стихотворения. В произведении «Искусные певцы всегда в напевах тшчатся...» присутствует целый ряд повторов, связанных с вариативностью грамматических и фонетических норм:

*Без силы береги, но с силой берега,
И снеги без нее мы говорим снега.
<...>
Или уж стало иль; коли уж стало коль;
Изволи ныне все везде твердят изволь.* [1, с. 261.]

Такие повторы по большей части дистантные, но одна из строк содержит контактный повтор:

За спиши спишь, и спать мы говорим за спати. [1, с. 261.]

В стихотворении отражаются лингвистические дискуссии М. В. Ломоносова и В. К. Тредиаковского, касающиеся выбора окончаний для имен прилагательных. Тредиаковский считал, что «прилагательные и местоимения мужского рода на *-ый* и *-ии* в именительном падеже множественного числа должны писаться на *-ьи* и *-ии* (святыи, которьи, любящии)» [2, с. 521], а Ломоносов иронически пародировал такое написание, вступая в спор со своим оппонентом и совмещая это с поэтическим воплощением собственных орфоэпических суждений.

В целом дистантные повторы в поэзии М. В. Ломоносова используются для выражения активности совершаемого действия, расстановки логических акцентов на персонажах стихотворных произведений, могут сочетаться с контактными лексическими повторами и другими риторическими средствами. Исследование может быть продолжено. Так, разумно будет проследить связь лексического повтора и повтора синтаксического, а также сопоставить тексты М. В. Ломоносова с текстами других авторов (в частности, А. П. Сумарокова, В. К. Тредиаковского, А. Д. Кантемира), что выступает одной из задач проекта «Поэтический синтаксис русского языка XVIII века в риторическом аспекте», который реализует кафедра русского языка Петрозаводского государственного университета.

Примечание

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00991 (URL: <https://rscf.ru/project/22-28-00991/>).

Список литературы

1. Ломоносов М. В. Избранные произведения. Ленинград : Советский писатель, 1986. 558 с.

2. Морозов А. А. Комментарии : Ломоносов. «Искусные певцы всегда в напевах тщатся...» // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Ленинград, 1986.
3. Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века : в 4 т. / под ред. Н. В. Патроевой. Т. 2. Ломоносов. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2019. 608 с

А. А. МАМЕДОВ©

Иркутский государственный университет, Россия
achmedved@inbox.ru

А. О. ЛАДАТКО©

Иркутский государственный университет, Россия
ladatko01@mail.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ А. С. ПУШКИНА: РОЛЬ ПАРАМЕТРА «ОСНОВАНИЕ»

В статье рассматриваются сравнительные конструкции со сравнительными союзами, извлеченные из художественных произведений А. С. Пушкина. В ходе семантического анализа слов, описывающих основания сравнения, выявлено 19 групп, среди них наиболее частотными являются следующие: эмоции/чувства, движение в пространстве и восприятие. Это позволяет сделать вывод об авторском сознании А. С. Пушкина, у которого в основе создаваемых образов лежит конкретно-наглядное восприятие и эмоциональный опыт.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, сравнение, сравнительная конструкция, семантический анализ, авторское сознание.

Mamedov Akhmed Alipashevich, Irkutsk State University, Russia

achmedved@inbox.ru

Ladatko Anastasiya Olegovna, Irkutsk State University, Russia

ladatko01@mail.ru

Structural and semantic description of comparative syntactic structures in A. S. Pushkin's poetry and prose: the parameter "basis"

The paper discusses similes with comparative conjunctions retrieved from A. S. Pushkin's works. A semantic analysis of the words naming the basis of the comparison revealed 19 groups, the most frequent of which are the following: emotions/feelings, movement in space and perception. This fact is indicative of A. S. Pushkin's author's consciousness that tends to use concrete visual perception and emotional experience as the basis of the created images.

Keywords: A. S. Pushkin, simile, comparative structure, semantic analysis, author's consciousness.

В центре нашего внимания – сравнительные конструкции в художественной прозе и поэзии А. С. Пушкина. Всего рассмотрено 806 контекстов, отобранных из Национального корпуса русского языка. На основании классификаций структурных компонентов, предложенных Ю. Ю. Ушаковой [12, с. 3] и А. Б. Летучим [6], а также учитываемая показатель сравнения, внимание на котором акцентирует М. И. Черемисина [13, с. 57], мы выделяем четыре компонента сравнительной конструкции со сравнительным союзом:

- 1) субъект сравнения (то, что сравнивается);
- 2) объект сравнения (то, с чем сравнивается);
- 3) признак сравнения (основание для сравнения);
- 4) показатель сравнения (сравнительный союз).

Рассмотрим компоненты сравнительной конструкции на конкретном примере:

(1) *В столицах женщины получают, может быть, лучшее образование; но навык света скоро сглаживает характер и делает души столь же однообразными, как и головные уборы* («Барышня-крестьянка», 1830).

Субъект сравнения здесь – души; объект – головные уборы; признак сравнения – однообразие этих сущностей, одна из которых абстрактна, а другая конкретна; показатель сравнения обозначен союзом *как*.

На предыдущем этапе исследования [7] сравнительные конструкции были описаны в структурно-семантическом и функциональном аспекте с учетом в первую очередь субъекта и объекта сравнения. Опираясь на типологию А. Г. Руднева [11, с. 161–162], мы разработали собственную классификацию:

- 1) сравнивается один предмет с другим предметом:
 - а) в проявлении действия;
 - б) в степени обладания тем или другим свойством, качеством;

- 2) сравнивается одна ситуация с другой ситуацией;
- 3) сравнивается один признак предмета с другим признаком этого же предмета;
- 4) сравнивается одно действие предмета с другим действием другого предмета / этого же предмета.

Как кажется, данная классификация не представляется бесспорной. Рассмотрим следующие контексты:

- (2) *Дура Екимовна схватила крышку с одного блюда, взяла под мышку будто шляпу и начала кривляться, шаркать и кланяться во все стороны, приговаривая: «мусье... мамзель... ассамблея... пардон» («Арап Петра Великого», 1828);*
- (3) *Он правду видит, видит ясно, / И нестерпимая тоска, / Как бы холодная рука, / Сжимает сердце в нем ужасно...* («Пред рыцарем блестит водами...», 1826).

Каждый из первых трех типов отсылает собственно к тому или иному предмету как к субъекту или объекту сравнительной конструкции. Так, в типе (1а) сравниваются объекты действительности, которые имеют сходство до операции сравнения. В примере (2) крышка и шляпа обладают одинаковой круглой формой, и это не связано с тем, кто берет под мышку эти предметы. Четвертый же тип выделяется в связи со сравнением таких объектов действительности, которые до операции сравнения не имеют сходства. Тоска и рука в примере (3) уподоблены с точки зрения оказываемого ими воздействия. Слово *сжимает* в данном случае обозначает основание сравнения. Таким образом, в этом типе так же, как и в первом, имеет место уподобление разных предметов, поэтому, думается, данные типы следует объединить.

Все вышеизложенное свидетельствует о необходимости рассмотрения всего отобранного материала с учетом параметра «основание», так как это, во-первых, обеспечит полноту описания отобранных сравнительных конструкций, а во-вторых, позволит уточнить их структурно-семантическую классификацию.

Анализ научной литературы по данной проблематике [2; 10] показывает, что основание сравнения может быть охарактеризовано в разных аспектах.

В частности, сравнительные конструкции можно классифицировать с точки зрения эксплицитности или имплицитности основания. При эксплицитном основании можно определить его частеречную принадлежность. Основание может быть выражено глагольными формами (пример 4), прилагательными (пример 5) или существительными (пример 6):

- (4) *Я завял, как пересаженный кустик* («Влах в Венеции», 1834);
- (5) *Марья, бледная как тень, стояла тут же, безмолвно смотря на расхищение бедного своего имущества* («Марья Шонинг», 1835);
- (6) *Был он **ростом**, как царский рекрут* («Марко Якубович», 1834).

При анализе семантики оснований мы обратились к семантической типологии прилагательных, представленной в работе П. В. Гращенкова и И. М. Кобозевой [5], а также к выявленным Е. В. Падучевой [9] тематическим классам глаголов. Кроме того, при анализе семантической стороны параметра «основание» мы использовали типологию основных систем человека, предложенную Ю. Д. Апресяном [1].

Описав все глаголы и прилагательные, номинирующие основания сравнений, мы пришли к выводу, что семантические группы нужно формировать с точки зрения общекатегориального значения, невзирая на частеречную принадлежность. Теоретическим основанием для такого объединения является, в частности, типология предикатов, предложенная Т. В. Булыгиной [3].

Слова, называющие основания в примерах (4), (5) и (6), обозначают некоторый признак, что характерно для такой части речи, как прилагательное. Глагол *завял* в контексте (4) представляет статическое явление, а именно – состояние, для которого характерны эпизодичность и отсутствие динамичности. Существительное *ростом* в примере (6) фиксирует вневременное положение вещей, а именно – качество. Эти факты свидетельствуют о том, что во всех этих примерах основанием для сравнения явлен признак.

Ввиду вышесказанного было принято решение группировать слова вне зависимости от частеречной принадлежности, с опорой на общий смысловой компонент. В ходе анализа было выявлено 19 семантических групп слов, описывающих основания. Далее эти группы можно классифицировать в зависимости от степени проявления действия или признака во внешнем мире.

К группам, представители которых называют то, что имеет внешнее проявление, относятся следующие: восприятие (*смотрят, услышал, пропали*), движение в пространстве (*подъехал, расхаживали, бродит*), физическое действие (*вырыл, сжимает, стучится*), физические свойства (*гол и лыс, румяна, белая*), физическое состояние (*неволен, силён, волен*), физиологическое состояние (*преют и молчат, погил, пал*), положение (*висели, стеснились, сидят*), речь (*говорили, пою, сделала <несколько> замечаний*), бытие (*отдыхает, зимовал, живет*), национальность (*<три> литвина*), обладание (*имеет права, принимал, дает*), поведение (*вел себя, обходились*).

Кроме групп, представители которых обозначают то, что имеет внешнее проявление, есть группы, отсылающие к каким-либо внутренним характеристикам, которые, однако, также могут иметь внешнее проявление: эмоции/чувства (*влюблен, боишься, (был) в изумлении*), черты характера (*добра, ревнива, <погружена в> эгоизм*), оценка (*тяжело, милы, приятны*), ментальное состояние (*поймет, ждут, скрываешь*), движение во времени (*проходят, бегут, промчался*), принятие решения (*застраховал, тратил, убежать / избежать*), тождество (*таков, такой <же>*).

Наиболее частотными группами являются следующие: эмоции/чувства, движение в пространстве и восприятие (см. подробнее табл. ниже). «Восприятие», как и «движение», относится к группам, члены которых имеют внешнее проявление. Это позволяет сделать вывод об авторском сознании¹ А. С. Пушкина, у которого в основе создаваемых образов лежит конкретно-наглядное восприятие и эмоциональный опыт.

Количественное распределение доминирующих групп оснований сравнений в творчестве А. С. Пушкина

Вид творчества	Восприятие (123)	Движение в пространстве (100)	Эмоции/чувства (104)
Поэзия (лирическая)	49 (18,8 %)	40 (15,4 %)	50 (19,2 %)
Поэзия (лирозэпическая)	57 (18,2 %)	51 (16,2 %)	38 (12,1 %)
Проза	17 (16,3 %)	9 (8,7 %)	16 (15,4 %)

Кроме того, анализ материала показывает, что слово, называющее основание сравнения, может по-разному семантически соотноситься со словами, обозначающими другие компоненты сравнительной конструкции. Слово, называющее основание, в прямом значении может относиться как к субъекту сравнительной конструкции, так и к ее объекту. Также оно может относиться к двум компонентам одновременно или ни к одному из них. Проиллюстрируем данный тезис на конкретных примерах.

(7) *Ощущение неизъяснимое: горячее мыло обливает вас как воздух!* («Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года», 1835).

Глагол *обливать* здесь употребляется в прямом значении ‘обдавать, покрывать со всех сторон или сверху чем-н. жидким’ [8, с. 430] и относится к субъекту сравнительной конструкции, обозначенному словосочетанием *горячее мыло*, которое и представляет ‘жидкость’.

(8) *...И тихая луна, как лебедь величавый, / Плывет в серебристых облаках* («Воспоминания о Царском селе», 1814).

Глагол *плыть* в прямом значении называет действие, характерное для объекта сравнительной конструкции.

(9) *Уж мало ль бился я, как ястреб молодой, / В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой...* («Каков я прежде был, таков и ныне я...», 1828).

Существительное *сети* используется в данном примере как в прямом, так и в переносном значении. Словосочетание *биться в сетях* по отношению к *ястребу* обозначает физическое действие названной птицы. Однако оно же имеет метафорическое значение и относится к лирическому герою стихотворения. Следовательно, в зависимости от значения существительного *сети* можно приписывать основание сравнения как к субъекту, так и к объекту сравнительной конструкции.

(10) *Что в имени тебе моем? / Оно умрет, как шум печальный / Волны, плеснувшей в берег дальный, / Как звук ночной в лесу глухом* («Что в имени тебе моем?..», 1830).

Если рассматривать глагол *умереть* относительно слова *имя*, то можно сформулировать значение ‘исчезнет’. Если же этот глагол рассматривать относительно слов *шум* и *звук*, то следует говорить о значении ‘утихнет’. В семантике приведенных лексем есть общий смысловой компонент ‘перестать быть доступным Наблюдателю’, который и реализуется с помощью данного сравнения. Глагол *умереть* в прямом значении не относится к субъекту или объекту сравнительной конструкции, так как в обоих случаях реализуется метафорой.

Таким образом, проведенный анализ показал семантическое многообразие такого компонента сравнительной конструкции, как основание. Систематизация полученных в ходе этого этапа исследования данных позволяет уточнить создаваемую структурно-семантическую классификацию и выявить некоторые особенности поэтического мировидения А. С. Пушкина.

Примечание

¹ Вслед за Л. О. Бутаковой под авторским сознанием мы понимаем «относительно стабильное символическое семиотическое отображение динамической совокупности внутренне упорядоченных, гомоморфных друг другу подсистем когнитивно-концептуальной системы автора, репрезентированных в тексте» [4, с. 374].

Список литературы

1. *Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
2. *Алфалки С. К.* О сравнении как средстве образной интерпретации действительности // Вестник Самарского ун-та. История, педагогика, филология. 2022. № 1. С. 102–110.
3. *Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 45–112.
4. *Бутакова Л. О.* Авторское сознание как базовая категория текста: когнитивный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Омск, 2001. 459 с.
5. *Гращенко П. В.* Семантические классы и управление прилагательных / П. В. Гращенко, И. М. Кобозева // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам междунар. конф. «Диалог 2017». 2017. URL: <https://www.dialog-21.ru/media/3912/grashchenkovpvkobozevaim.pdf> (дата обращения: 15.08.2023). Текст : электронный.
6. *Летучий А. Б.* Сравнительные конструкции // Русская корпусная грамматика. 2015. URL: http://rusgram.ru/pdf/letuchy-2017-comparative_constructions.pdf (дата обращения: 10.08.2023). Текст : электронный.
7. *Мамедов А. А.* Структурно-семантические и функциональные типы сравнительных конструкций в творчестве А. С. Пушкина / А. А. Мамедов, А. О. Ладатко // Категории языка и мышления : аспекты современной интерпретации : сб. научных статей / сост., науч. ред. и предисл. Н. В. Патроевой. Петрозаводск, 2023. С. 108–111.
8. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Москва : ООО «ИТИ технологии», 2003. 944 с.
9. *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. Москва : Языки славянских культур, 2004. 607 с.
10. *Трегубчак А. В.* Семантика сравнения и способы ее выражения : автореф. дис. ... канд. фил. наук : 10.02.01. Москва, 2008. 23 с.
11. *Руднев А. Г.* Синтаксис современного русского языка. Москва : Высшая школа, 1968. 320 с.
12. *Ушакова Ю. Ю.* Лексическая наполняемость и структурно-семантические особенности компаративных тропов в русском языке : автореф. дис. ... канд. фил. наук : 10.02.01. Москва, 2005. 48 с.
13. *Черемисина М. И.* Некоторые вопросы синтаксиса : сравнительные конструкции современного русского языка. Новосибирск : Наука. Сибирское отд-ние, 1971. 181 с.

Н. Д. МОСКИН®

Петрозаводский государственный университет, Россия

moskin@petsu.ru

А. А. ЛЕБЕДЕВ®

Петрозаводский государственный университет, Россия

perevodchik88@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В АНАЛИЗЕ ВАРИАТИВНОСТИ СКАЗОЧНЫХ СЮЖЕТОВ

В статье исследуется возможность применения теоретико-графовых моделей для анализа сюжетной структуры русских волшебных сказок. При этом рассматривается структура модели, в которой узлы представляют собой персонажей сказки, разделенных на определенные группы, а связи между ними – это встречи и важные события, влияющие на развитие сказочного сюжета. На примере текста «Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде» показано, как строится математическая модель. Описываются примеры влияния вариативности сюжетов на построение графовой модели.

Ключевые слова: теоретико-графовая модель, математическая модель, волшебная сказка, сказочный сюжет, вариативность.

Moskin Nikolai Dmitrievich, Petrozavodsk State University, Russia
moskin@petsu.ru

Usage of mathematical models in the analysis of variability of fairy-tale stories

The article explores the possibility of applying graph-theoretic models to analyze the plot structure of Russian magic fairy tales. In this case, the structure of the model is considered, in which the nodes represent the characters of the fairy tale, divided into certain groups, and the links between them are meetings and important events that influence the development of the fairy tale plot. Using the example of the text "The Tale of the Young Man, Young Apples and Living Water", it is shown how a mathematical model is built. Examples of the influence of story variation on the construction of the graph model are described.

Keywords: graph-theoretic model, mathematical model, magic fairy tale, fairy tale plot, variation.

Анализ сходств и различий между отдельными фольклорными текстами и группами таких текстов, а также вопрос систематизации и формального описания сюжетов волшебных сказок привлекали внимание филологов и специалистов по фольклору на протяжении многих лет.

Одной из ключевых задач при решении подобных вопросов является классификация и систематизация типов сказок, основанная на русском языковом материале. В числе наиболее значимых работ следует упомянуть работы [1] и [5]. Также следует отметить, что исследование сюжетов сказок не ограничивается только текстами на одном языке, оно проводится на международном уровне, путем сопоставления сказок из разных стран. Такой подход позволяет изучать специфику передачи сюжетов от одного народа к другому, а также рассматривать сложности, связанные с точностью методологии исследования сказочных сюжетов. Значимо и формальное описание структуры анализируемых фольклорных текстов, о чем подробно писал еще В. Я. Пропп в «Морфологии сказки» [4].

Для эффективного решения вышеуказанных филологических и фольклорных задач целесообразно использовать различные математические методы. Это позволит более точно анализировать тексты, улучшит систематизацию материала и обеспечит более продуктивное сравнение текстов по различным параметрам.

Рассмотренная графовая модель разработана для выявления основных событий, происходящих в волшебных сказках. Общеизвестно, что сказки имеют определенную структуру, которую можно формализовать и сравнивать между собой, а также выделять ключевые элементы в каждом сюжете. В основе графовой модели – персонажи сказок и их встречи, которые формируют сюжет текста.

Вершины графа представляют собой действующих лиц сказки, которые распределены по группам (деление групп выполнено с опорой на работу [3]):

- Герой – Н;
- Антигерой – А;
- Прорицатель – Р;
- Даритель – Д;
- Помощник – П;
- Антипомощник – V;
- Глупец – G;
- Антидаритель – W;
- Родственник – Т.

Условно к действующим лицам отнесены:

- Награда – N;
- Препятствие – R.

Если в тексте встречается несколько персонажей из одной категории, то они нумеруются индексами в процессе встречаемости в тексте: первый помощник П1, второй помощник – П2 и т. п.

Ребра графа представляют собой встречи между различными персонажами, которые сопровождаются действиями, играющими важную роль в развитии сюжета сказки. В процессе повествования персонажи могут встречаться друг с другом неоднократно – в такой ситуации каждой отдельной встрече соответствует свое ребро графа. Как правило, встреча и взаимодействие персонажей выражено в тексте в форме глагола.

Рассмотрим пример построения теоретико-графовой модели на основе текста «174. Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде» из сборника [2, с. 442–444]. События в представленном ниже отрывке текста выделены угловыми скобками. Этот сюжет отмечен в «Сравнительном указателе сюжетов» как 551 *Молодильные яблоки* [5, с. 155].

Жил да был царь; у царя было три сына: Федор, Егор да Иван; Иван был не совсем умен. Посылает <1> царь старшего сына по живую воду, по сладкие молодежавые яблоки; он поехал и доезжает до росстанья. Тут столб стоит,

на столбе роспись: вправо идти – попить да поесть, влево идти – головушку погубить; он поехал вправо и приезжает к дому; заходит в избу, а тут девица говорит ему: «Федор-царевич! Ложись со мной спать». Он лег <2>; она взяла да и спихнула его неведомо куда. Царь, не дождавшись его долго, другого сына посылает <3>. Этот поехал и до того же места приезжает; входит в избу. Девица и этого так же уходила <4>. Царь посылает <5> третьего сына: «Поезжай ты!»

Младший сын поехал, доезжает до того же расстанья и говорит: «Для отца поеду голову губить!» – и поехал влево; доезжает до избушки, входит <6> туда, а в избушке ягишна – сидит за пряслицей, прядет шелкову кудельку на золотое веретенце и говорит: «Куда, русска коска Иван-царевич, поехал?» Он отвечает: «Напой-накорми, тожно все расспроси». Она напоила-накормила и спрашивает; он говорит: «Я поехал по живую воду, по сладкие молодежые яблоки – туда, где живет Белая Лебедь Захарьевна». Ягишна говорит: «Едва ли достанешь! Разве я помогу», – и дает <7> ему своего коня. Он сел и поехал; доезжает <8> до другой сестры ягишны. Вошел в избу, она ему говорит: «Фу-фу, русской коски слыхом было не слышать, видом не видать, а ныне сама на двор пришла; куда, Иван-царевич, поехал?» Он отвечает: «Прежде напой-накорми, тожно расспроси». Она напоила-накормила его; он и говорит: «Я поехал добывать живую воду, сладкие молодежые яблоки – туда, где живет Белая Лебедь Захарьевна». – «Едва ли достанешь!» – сказала баба и дала <9> ему своего коня.

Царевич поехал до третьей ягишны; входит <10> в избу, та говорит: «Фу-фу, русской коски слыхом было не слышать, видом не видать, ныне русская коска сама на двор пришла; куда, Иван-царевич, поехал?» – «Прежде напой-накорми, тожно расспроси». Она напоила-накормила его; он и говорит: «Я поехал по живую воду, по сладкие молодежые яблоки». – «Трудно, царевич! Едва ли достанешь». Потом дает <11> ему своего коня, семисотную палицу <12> и наказывает: «Когда станешь подъезжать к городу, то ударь коня палицей, чтобы он перескочил за симу́». Так он и сделал: перескочил <13> за симу́, поставил своего коня к столбу и идет в палаты Белой Лебеди Захарьевны. Слуги его не пускают; а он сквозь пробивается: «Я, – говорит, – Белой Лебеди записку несу». Добился до покоев Белой Лебеди Захарьевны; в то время она крепко спала, на пуховой на постели разметалася, а живая вода стояла у ней под зголовьем. Он взял <14> воды, поцеловал девицу и пошутил <15> с ней негораздо; потом, набравши <16> молодежых яблоков, поехал назад. Конь его скочил чрез симу́ и задел <17> за край. <...>

В этой сказке выделяются следующие персонажи:

- Родственник – царь (Т1), детки Белой Лебеди (Т2).
- Глупец – Федор (G1), Егор (G2).
- Герой – Иван (Н1).
- Антипомощник – девица (V1).
- Даритель – первая ягишна (Д1), вторая ягишна (Д2), третья ягишна (Д3).
- Помощник – конь Ивана-царевича (П1).
- Награда – конь ягишны (N1), конь второй ягишны (N2), конь третьей ягишны (N3), семисотная палица (N4), живая вода (N5), молодежые (молодильные) яблоки (N6).
- Антигерой – Белая Лебедь Захарьевна (А1).
- Препятствие – крепостная стена (R1).

Связи и соответствующие им события в указанном фрагменте текста представлены ниже в таблице.

Персонажи и события во фрагменте текста
«174. Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде»

№	Вершина 1	Вершина 2	Событие в тексте
1	Т1	G1	Царь отправляет Федора за живой водой и молодильными яблоками
2	G1	V1	Федор спит с девицей и попадает в плен
3	Т1	G2	Царь отправляет Егора за живой водой и молодильными яблоками
4	G2	V1	Егор спит с девицей и попадает в плен
5	Т1	Н1	Царь отправляет Ивана за живой водой и молодильными яблоками
6	Н1	Д1	Иван приезжает к первой ягишне
7	Д1	Н1	Первая ягишна дает Ивану своего коня

7	Д1	N1	Первая ягишна дает Ивану своего коня
7	Н1	N1	Первая ягишна дает Ивану своего коня
8	Н1	Д2	Иван приезжает ко второй ягишне
9	Д2	Н1	Вторая ягишна дает Ивану своего коня
9	Д2	N2	Вторая ягишна дает Ивану своего коня
9	Н1	N2	Вторая ягишна дает Ивану своего коня
10	Н1	Д3	Иван приезжает к третьей ягишне
11	Д3	Н1	Третья ягишна дает Ивану своего коня
11	Д3	N3	Третья ягишна дает Ивану своего коня
11	Н1	N3	Третья ягишна дает Ивану своего коня
12	Д3	Н1	Третья ягишна дает Ивану семисотную палицу
12	Д3	N4	Третья ягишна дает Ивану семисотную палицу
12	Н1	N4	Третья ягишна дает Ивану семисотную палицу
13	Н1	R1	Иван преодолевает крепостную стену
14	Н1	N5	Иван берет живую воду
15	Н1	A1	Иван лишает невинности Белую Лебедь Захарьевну
16	Н1	N6	Иван берет молодильные яблоки
17	Н1	R1	Иван не в полной мере преодолевает крепостную стену
...

Теоретико-графовая модель полного текста «Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде» представлена на рис. 1.

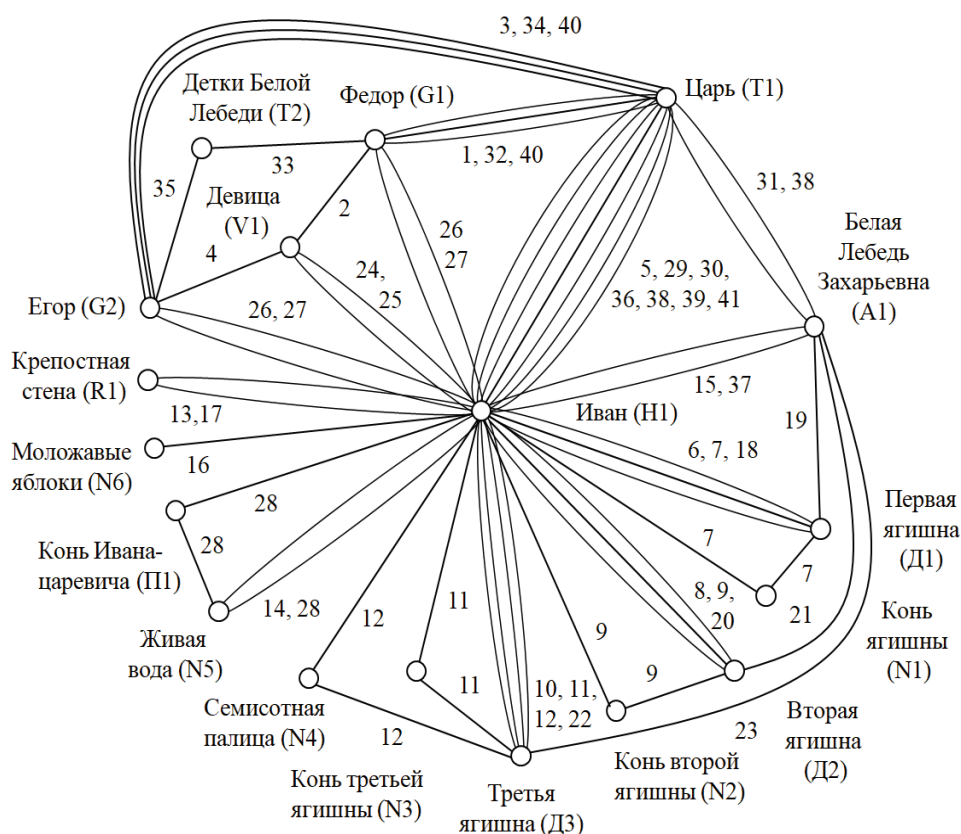

Рис. 1. Теоретико-графовая модель текста «Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде»

Рассмотренная модель может быть полезна в решении вопросов, связанных с вариативностью сюжетов волшебных сказок, так как похожие сюжеты образуют сходные графы. Разные варианты сюжетов (например, см. варианты текста «Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде» из [2]) могут включать в себя иное количество действующих лиц (например, большее или меньшее число помощников, наград, препятствий и т. п.), а также предусматривать разные способы взаимодействия между ними (к примеру, главный герой может встречаться с каждым помощником один или несколько раз) – все это будет отражено в построении соответствующей теоретико-графовой модели.

При помощи вычислительных методов можно определить значимость каждого из персонажей в соответствующем фольклорном тексте с опорой на количество и разнообразие его взаимодействий с другими персонажами. Например, на рис. 2 показана диаграмма, где для каждого персонажа подсчитывается количество связей с ним, т. е. число ребер графа, которые инцидентны соответствующей вершине (степень вершины).

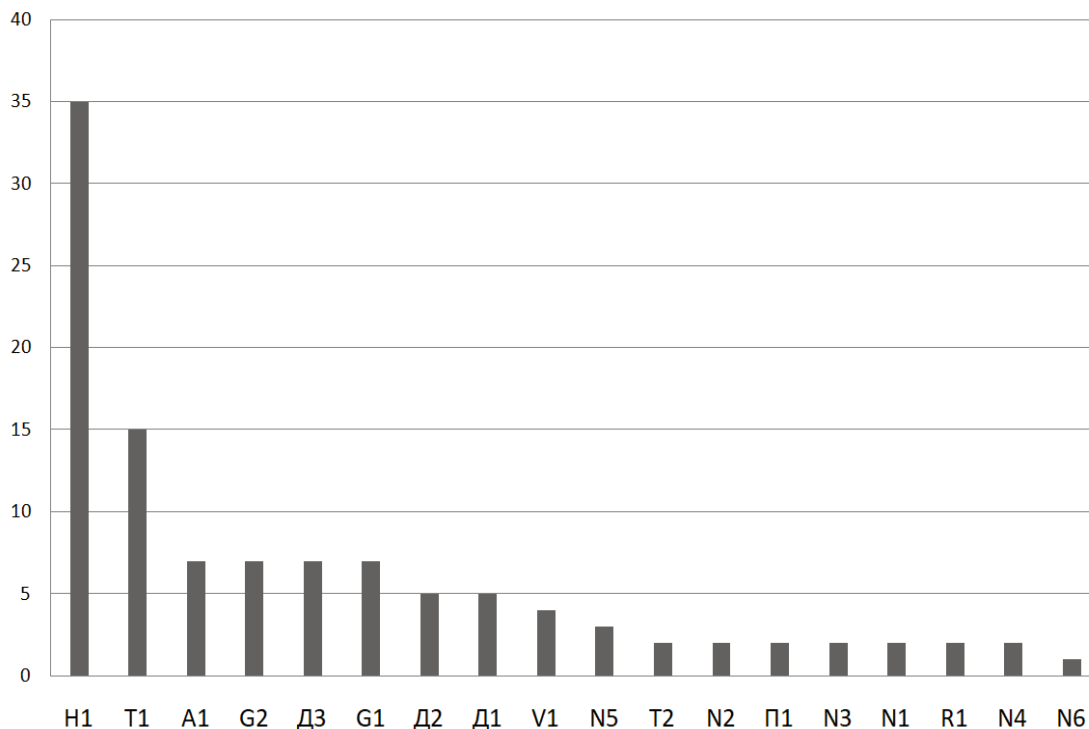

Рис. 2. Значимость персонажей сказки

Следует отметить, что теоретико-графовая модель обеспечивает большую визуальную доступность, связанную с интерпретацией сюжетов сказок. Если в самом тексте частота взаимодействия разных персонажей друг с другом может быть не вполне явной, то в модели каждое такое взаимодействие заметно, поскольку обозначается в виде ребра графа. Помимо этого, предлагаемые теоретико-графовые модели могут быть использованы при систематизации и классификации фольклорных текстов разных типов.

Список литературы

1. Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Ленинград : Изд. Гос. русского геогр. об-ва, 1929. 120 с.
2. Афанасьев А. М. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. Т. 1. Москва : Гослитиздат, 1957. 516 с.
3. Гаазе-Рапопорт М. Г. Поиск вариантов в сочинении сказок // Зарипов Р. Х. Машинный поиск вариантов при моделировании творческого процесса. Москва, 1983. С. 213–223.
4. Пропп В. Я. Морфология сказки / Гос. ин-т истории искусств. Ленинград : Academia, 1928. 152 с.
5. Сравнительный указатель сюжетов : восточнославянская сказка. Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. 437 с.

ЭКСПРЕССИВНАЯ РОЛЬ СУФФИКСОВ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ В КОММЕНТАРИЙНО-ОЦЕНОЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

Исследование дискурсивных разноуровневых языковых единиц в социально-политической коммуникации является одним из актуальных вопросов функциональной лингвистики, поскольку в медиатекстах содержится не только объективная, реальная информация, но и субъективная, аксиологическая, которая имеет прагматический характер и способна воздействовать на сознание массовой аудитории. В ряду модальных речевых единиц обращают на себя внимание имена существительные с суффиксальными морфемами, имеющими размерно-оценочное значение, с помощью которых выражается авторское отношение к событиям, вызывающим социальный интерес. В статье рассматривается экспрессивная роль суффиксов субъективной оценки в интерпретации политических событий и фактов на материале медиатекстов аналитического характера, размещенных на страницах информационных агентств и телеграмм-каналов.

Ключевые слова: комментарийно-оценочный жанр, медиатекст, экспрессема, размерно-оценочные суффиксы.

Novoselova Victoria Andreevna, Petrozavodsk State University, Russia

novosita@mail.ru

Expressive role of subjective evaluation suffixes in commentary and evaluation media texts

The study of discursive multi-level linguistic units in socio-political communication is one of the topical issues of functional linguistics, since media texts contain not only objective, real information, but also subjective, axiological, which has a pragmatic character and is able to influence the consciousness of a mass audience. In a number of modal speech units, nouns with suffixal morphemes with dimensional and evaluative meaning attract attention, with the help of which the author's attitude to events of social interest is expressed. The article examines the expressive role of subjective assessment suffixes in the interpretation of political events and facts on the material of analytical media texts posted on the pages of news agencies and telegram channels.

Keywords: comment-evaluative genre, media text, expresseme, dimensional-evaluative suffixes.

Проблема экспрессии речевых единиц привлекает особое внимание исследователей с середины XX в. после появления в отечественном языкознании работ В. В. Виноградова [2] и А. И. Ефимова [4] по стилистике художественной речи как научной основе изучения языка литературных произведений.

Стилистические функции словообразования многими лингвистами традиционно рассматриваются на материале художественных текстов. В этой связи можно назвать публикации Т. А. Сидоровой [9, с. 44–49; 10, с. 91–101], В. З. Санникова, который на иллюстративном материале, взятом из художественных произведений, прослеживает роль словообразовательных единиц в организации языковой игры и репрезентирует их как средства создания комического [8, с. 143–178]. Автор курса лекций «Русская стилистика» А. В. Флоря рассматривает роль словообразовательных аффиксов в произведениях А. М. Горького, В. В. Маяковского, Ф. А. Искандера, Е. И. Замятина [11, с. 245–262].

В настоящее время наблюдается заметный процесс экспрессивизации языка российских массмедиа. После утверждения свободы слова в журналистике сформировался комментарийно-оценочный жанр, в котором фактическая информация сочетается с анализом и оценкой событий, происходящих в социуме. Выполняя информационную, аналитическую и воздействующую функции, СМИ стали использовать язык, основными чертами которого стали экспрессивность, субъективная окрашенность, социальная оценочность, обращенность к массовому адресату. Авторы медиатекстов получили возможность активно употреблять разнообразие экспрессем для интерпретации значимых процессов социально-политического характера.

Исследователи языка средств массовой информации, продолжая традиции социолингвистического описания вербальных единиц, дополняют его анализом коммуникативно-прагматической направленности.

Так, Е. А. Земская в работах, посвященных актуальным вопросам современного русского словообразования, затрагивает область экспрессивной деривации в публицистике [5, с. 90–141]. Н. С. Валгина систематизирует и описывает активные процессы, происходящие в речи носителей русского языка на рубеже веков, сопряженные с радикальными изменениями в жизни общества. Особое внимание автор уделяет экспрессивному словообразованию в СМИ [1, с. 130–132]. Наблюдения над речевой практикой массмедиа сделал В. Г. Костомаров, отметивший высокую продуктивность нетрадиционных деривационных моделей, что связано с экспансией в медиасфере дискурсивных средств из разговорного языка [6, с. 208–210]. А. П. Савина рассматривает семантические, деривационные, грамматические средства выражения оценки в проекции на их прагматическую функцию [7].

В системе дискурсивных средств речевой экспрессии особый интерес вызывают дериваты с диминутивными суффиксами, сама природа которых создает предпосылки для их использования в формировании оценочной перспективы. По словам академика В. В. Виноградова, при посредстве уменьшительно-ласкательных суффиксов «выражаются самые разнообразные оттенки экспрессии: сочувствие, ирония, пренебрежение, злоба, пестрая и противоречивая гамма эмоций и оценок» [3, с. 98].

Рассмотрим экспрессивную роль суффиксов субъективной оценки в интерпретации политических событий и фактов реальной действительности на материале комментариально-оценочных медиатекстов.

Было время, когда Соединенные пока Штаты контролировали все потоки сырья в мире... Это был сверхконтроль, но первые звоночки о том, что в Граде-на-Холме перестали дружить с тараканами в голове, поступили уже давно. Еще тогда, когда были введены санкции против Венесуэлы и Ирана [Государственник¹, 25.05.2023].

Первые звоночки – первые признаки нарушения баланса нефтяного рынка и утраты контроля за нефтяными потоками, сигналы неблагополучия, на которые вовремя не обратили внимание в Вашингтоне.

Продуктивный суффикс -ек/-к- в деривате *звоночек* имеет размерно-оценочное значение. Посредством словообразовательного форманта выражается иронический оттенок экспрессии. Градуальность иронии в медиатексте постепенно возрастает до сарказма, о чем свидетельствует упоминание в одной смысловой плоскости символической метафоры исключительности США (*Град-на-Холме*) и их безрассудной, непродуманной и хаотичной политики (*тараканы в голове*).

На второй стороне другие валюты, сырье или товары – и кто мешают плавно заменить доллар на тот же «барсик»? [Государственник, 25.05.2023].

Барсик – гипотетическая денежная единица банка «Русский стандарт».

Корневая морфема восходит к разговорной слоگو-звуковой аббревиатуре БаРС: **Банк «Русский Стандарт»** → **БаРС**. Оказиональный дериват *барсик*, образованный посредством суффиксального словообразовательного форманта -ик с уменьшительно-ласкательным значением, ассоциируется с общеупотребительным названием детеныша барса (*барсик*) и именем (кличкой) кота (*Барсик*). Следует отметить, что на логотипе банка просматривается изображение чеширского кота. Каламбур создает комический эффект.

В шутовском вопросе заключено утвердительное содержание. Автор считает неизбежным процесс дедолларизации, поскольку в мире отмечается стремление многих стран использовать национальные валюты в международных расчетах, что снижает зависимость от доллара.

*Некая CNN еще в прошлом году потеряла около 95 % своих рейтингов – и, несмотря на **размерчик**, это типичная компания-зомби, пусть даже она и рупор демократов [Государственник, 16.05.2023].*

На самом деле *размерчик CNN (Cable News Network)* довольно внушительный. CNN имеет 14 новостных кабельных и спутниковых каналов, две радиостанции, шесть интернет-сайтов, 37 зарубежных бюро. Новости передаются с помощью четырех десятков космических спутников, их трансляции могут смотреть более 200 миллионов человек в 300 странах мира. Работу CNN обеспечивают около 4000 журналистов по всему миру.

В слове *размерчик* суффиксальная морфема -чик образует дериват с уменьшительным значением, смысл которого противоречит объективным реалиям: размеры CNN – одной из крупнейших американских информационных компаний – впечатляют.

Антифразис создает комический эффект. Автор медиатекста неуважительно относится к ангажированной информационной компании, деятельность которой зависит от финансовых вливаний демократической партии США, поэтому журналисты CNN в своей работе не обладают свободой слова, они всецело подчиняются тем, кто их содержит. Снижение рейтинга CNN является показателем утраты популярности демократов не только в США, но и в других странах.

*Сегодня глава Минфина Джанет Йеллен угрожает США финансовым апокалипсисом, если Байден и республиканцы не сумеют договориться – при этом **дедушка** требует поднять потолок вообще без каких-либо предварительных ласк и унижительных условий [Государственник, 17.05.2023].*

Дедушка – действующий президент США Джозеф Робинетт Байден.

В русском языке слово *дедушка* употребляется в разговорной речи с уважительным оттенком значения, который создается продуктивным суффиксом -ушк- с ласкательной семантикой.

Стилистическое несоответствие лексемы *дедушка* в официально-деловом политическом дискурсе привлекает внимание адресата. В медиатексте позитивное значение слова утрачивается, оно приобретает иронически-пренебрежительную коннотацию. Называя Байдена дедушкой, автор принижает статус главы государства, делает

акцент на возрастных изменениях личности и состоянии здоровья президента США, который уже не может выполнять свои обязанности по управлению страной.

*Сейчас вопрос о дефолте повис в воздухе – и даже если в 2023 году Байден и республиканцы договорятся натянуть потолок на 1,5 трлн долларов выше, то в 2024 году у бабушки такой возможности уже не будет – там выборы на носу, речь пойдет о собственных драгоценных **шкурках** и политическом будущем* [Государственник, 25.05.2023].

О собственных драгоценных шкурках – о сохранении своих высоких должностей в государственных структурах, привилегированного положения в обществе, о безопасном и хорошо обеспеченном существовании.

Общеупотребительное слово *шкурка* с диминутивным суффиксом *-к-* имеет денотативное значение *наружный кожный покров тела маленького животного*.

Развернутая метафора *о собственных драгоценных шкурках* ассоциируется с фразеологизмом *спасти свою шкуру* – спасти себя любой ценой, не думая о других (даже за счет других), проявить осторожность, не рисковать своей жизнью, карьерой, репутацией.

Автор говорит о правящей демократической элите США с сарказмом, поскольку, по его мнению, властную верхушку американского общества волнует только собственное благополучие в кругу избранных, а судьбы других людей не интересуют. Адгерентное значение слова *шкурка* с размерно-оценочной семантикой характеризует эгоистичность, ничтожность, мелочность, убожество внутреннего мира политических лидеров Вашингтона.

Сначала на должность козла, а вернее козы, выбрали Лизоньку Трасс, но та настолько быстро поразила изумленную общественность уровнем своих знаний и умений, что моментально стало понятно – Лизонька не только не тянет на табуретку премьера, она вообще ничего не тянет в принципе. ...Лизоньку Трасс можно было оставить еще до того, как она сумела обрушить рынки, фунт стерлингов и репутацию Британии [Государственник, 24.10.2022].

Лизонька Трасс – британский премьер-министр Лиз Трасс, которая работала в этой должности 48 дней.

Слово *Лизонька* имеет субъективный суффикс *-оньк-*, который употребляется в русском языке с уменьшительно-ласкательным, насмешливым или пренебрежительным значением.

Характеризуя разрушительную деятельность Лиз Трасс на посту премьер-министра Великобритании, автор медиатекста вместо официального имени употребляет разговорный русский субститут *Лизонька* с пренебрежительно-иронической коннотацией, поскольку в погоне за высокой должностью глава правительства переоценила свои возможности по управлению страной. Антифразис обосновывает субъективную оценку работы Лиз Трасс. Сочетание экспрессии и стандарта на протяжении всего текста создает комический эффект.

Надо сказать, что такое же отношение к новоиспеченному премьеру, амбициозные планы которого не соответствовали образовательному потенциалу, проявили и сами британцы. Прогнозируя скорую отставку, газета *Daily Star* объявила шуточное соревнование между салатом латук и Лиз Трасс: кто дольше продержится? Лиз Трасс ушла со своего поста раньше, чем завял салат.

Узнали дядечку? Это же временный президент Венесуэлы Хуан Гуайдо, которого в последний день ушедшего года скинули с табуретки [Государственник, 02.01.2023].

Дядечка – венесуэльский оппозиционер Хуан Гуайдо, который в 2019 г. при содействии Вашингтона провозгласил себя президентом, но потерпел фиаско.

Рассуждения автора медиатекста предваряет контактоустанавливающий вопрос к воображаемому собеседнику, на который он отвечает сам, обозначая тему своих размышлений: марионетки Запада (Гуайдо, Тихановская), активно поддерживаемые США, не оправдали ожиданий своих наставников. Они не смогли сместить законно избранных президентов, поэтому потеряли поддержку Запада, и о них забыли.

В слове *дядечка* уменьшительно-ласкательный суффикс *-ечк-* сопровождается экспрессией насмешки, пренебрежения, презрения.

Ведь любой французский президент вне зависимости от партийной принадлежности как начал с 2005-го танцевать под вашингтонскую дудочку, так это делает вот уже 17 лет подряд [РИА Новости², 10.12.2022; Елена Караева].

Танцевать под вашингтонскую дудочку – подчинять государственную политику интересам США.

Образное выражение восходит к фразеологизму *плясать под чужую дудку* – беспрекословно подчиняться чужой воле. Контекстуальная замена компонентов фразеологического оборота позволяет определить его адгерентное значение. Модификационное слово *дудочка* с уменьшительной семантикой суффиксального дериватора *-очк-* подчеркивает уничижительность положения страны на международной арене. Автор публикации с сарказмом харак-

теризует несамостоятельную деятельность органов государственной власти Франции, которая ведет к потере суверенитета государства.

В свою очередь, советник главы офиса президента Украины Алексей Арестович поспешил заявить, что с начала СВО Украина потеряла «всего» 10 тысяч военнослужащих, поэтому, дамочка, не надо тут! [Царьград³, 01.12.2022; Алексей Топоров].

Дамочка – Председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен.

Словом *дамочка* с оценочным суффиксом *-очк-* в высшем обществе XIX в. пренебрежительно называли «дам полусвета» (фр. *demi-mondain*), куртизанок, содержанок, кокоток.

Глава Еврокомиссии фон дер Ляйен с целью настроить общество против России в своем видеообращении (30.11.2022) назвала реальную цифру безвозвратных потерь ВСУ за год конфликта (100 000), что вызвало агрессивную реакцию на ее выступление Сергея Никифорова, спикера офиса президента Зеленского. После резких выпадов правительства Украины в адрес чиновницы видео было удалено. Этот факт вкупе с извинениями фон дер Ляйен позволил автору медиатекста презрительно назвать ее дамочкой.

Но именно тогда – чуть меньше четверти века назад – в отношениях России и Запада появилась первая трещина. Которую, конечно, пытались замаскировать, строя хлипкие мостики [РИА Новости, 10.12.2022; Елена Караева].

Строить хлипкие мостики – выстраивать взаимоотношения на ненадежной основе.

После развала СССР генеральной линией политики РФ было налаживание связей со странами Запада и США. Однако бомбардировки Югославии в 1999 г. лишили страну иллюзий, они показали, что Америке и Евросоюзу доверять нельзя. Употребляя слово *мостик* с уменьшительным суффиксом *-ик*, автор дает оценку ненадежным отношениям России и Запада, которые на самом деле не строятся на принципах открытости, равноправия и взаимного уважения.

Таким образом, являясь синтезированной формой информационного сообщения и анализа фактов реальной действительности, комментарий-оценочные медиатексты политического дискурса отличаются обилием экспрес-сем. Имена существительные с диминутивными суффиксами по своей природе занимают видное место в этом ряду. С помощью уменьшительно-ласкательных суффиксальных морфем авторы публикаций характеризуют процессы реальной действительности, оценивают деятельность властных структур и политических лидеров, выражают свое отношение к событиям, находящимся в центре социального внимания.

Примечания

¹ Государственник – Telegram-канал О. А. Коршунова на платформе Яндекс Дзен.

² РИА Новости – Российское информационное агентство «Новости».

³ Царьград – русский новостной канал.

Список литературы

1. *Валгина Н. С.* Активные процессы в современном русском языке. Москва : Логос, 2001. 304 с.
2. *Виноградов В. В.* Наука о языке художественной литературы и ее задачи. Москва : АН СССР, 1958. 51 с.
3. *Виноградов В. В.* Русский язык : (грамматическое учение о слове). Москва : Высшая школа, 1972. 614 с.
4. *Ефимов А. И.* Стилистика художественной речи. Москва : МГУ, 1961. 520 с.
5. *Земская Е. А.* Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Москва, 2000. С. 90–141.
6. *Костомаров В. Г.* Языковой вкус эпохи. Санкт-Петербург : Златоуст, 1999. С. 208–210.
7. *Савина А. П.* Прагмема как средство выражения оценки: семантика, деривация, грамматика : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Москва : Российский ун-т дружбы народов, 2017. 256 с.
8. *Санников В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. Москва : Языки славянской культуры, 2002. С. 143–178.
9. *Сидорова Т. А.* Деривационные средства отражения действительности в художественно-эстетической системе Б. Шергина // Ученые записки МГПУ. Языкознание. Вып. 3. Язык – культура – человек. Ч. 3. Мурманск, 2003. С. 44–49.
10. *Сидорова Т. А.* Словообразовательные средства как репрезентанты концептуальной структуры художественного пространства : (анализ художественного пространства романа Е. Замятина «Мы») // Ученые записки МГПИ. Языкознание. Вып. 2. Язык – культура – человек. Ч. 1. Мурманск, 2002. С. 91–101.
11. *Флоря А. В.* Стилистические аспекты словообразования // Русская стилистика : курс лекций. Орск, 2011. С. 245–262.

ПЕШКОВСКИЙ – ТЕОРЕТИК СТИХА И ПРОЗЫ

В статье анализируются стиховедческие взгляды и методы Александра Матвеевича Пешковского – ученика Ф. Ф. Fortunatova, одного из основоположников отечественной лингвистической поэтики. Статьи 1920-х гг., в которых сформулированы подходы ученого к основным проблемам изучения и описания теории стиха и прозы, рассматриваются в перспективе их органического продолжения в новейшей российской науке.

Ключевые слова: Пешковский, теория стиха, стих и проза, свободный стих, ритм прозы, благозвучие, теория декламации.

Orlitskiy Yuriy Borisovich, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

ju_b_orlitski@mail.ru

Peshkovsky – theorist of verse and prose

The article analyzes the poetic views and methods of Alexander Matveyevich Peshkovsky, a student of F. Fortunatov, one of the founders of Russian linguistic poetics. Articles of the 1920s, in which the scientist's approaches to the main problems of studying and describing the theory of poetry and prose are formulated, are considered from the perspective of their organic continuation in the latest Russian science.

Keywords: Peshkovsky, verse theory, verse and prose, free verse, prose rhythm, euphony, declamation theory.

В своем монографическом предисловии к новейшему переизданию трудов А. М. Пешковского О. В. Никитин справедливо отмечает среди главных научных достижений выдающегося лингвиста «создание оригинальных работ по лингвистическому стиховедению и поэтике» и вполне обоснованно связывает их появление с тем, что исследователь был «неравнодушен к новым веяниям в литературе» [9]. Это вполне вписывается в общую картину филологической жизни первой трети XX в. – времени, когда новые идеи в полном смысле слова бурлили в научной среде, самым активным образом перемешивающейся в то время со средой художественной: поэты (Брюсов, Белый, Шенгели) писали полноценные теоретические исследования и публиковали их в научной печати, а ученые становились столь же полноценными участниками художественной жизни во всем разнообразии ее проявлений.

Так, Пешковский публиковался в литературном «альбоме» «Свиток», дружил с Максимилианом Волошиным и писал вполне профессиональные стихи «на случай» (о чем мы узнали из предисловия Никитина) [9, с. 53], а также был замечательным стилистом в своих чисто лингвистических работах. В них ученый реально продемонстрировал единство филологии как единой науки о Слове, без образовавшегося позднее антипродуктивного деления ее на лингвистику и литературоведение: пример этого нетрудно увидеть в сборниках его статей, в которых работы по поэтике помещались в конце книги, но при этом не выделялись в отдельный раздел, как это делается в современных переизданиях. В связи с этим важно вспомнить обоснованный упрек, высказанный Пешковским в адрес коллег-стиховедов «от литературоведения»: «Исследователи русского стиха, вплоть до последнего времени, считали себя в праве быть вопиюще безграмотными в лингвистических вопросах, несмотря на всю зависимость поэтики от лингвистики» [13, с. 685].

Важно учитывать также характерный для рубежа веков теоретический характер филологической мысли, что сказалось в том числе в особой востребованности активно издававшихся и переиздававшихся в это время трудов А. Потебни и А. Веселовского (см., например, многотомную харьковскую серию «Вопросы теории и психологии творчества»). В полном соответствии с духом времени предельно теоретичен был – при постоянной опоре на практику и обильное цитирование – и А. Пешковский.

Следует отметить характерный для того времени полемический пафос большинства сочинений Пешковского, неслучайно второй раздел упомянутого труда Никитина так и называется – «Груды и полемика». Например, знаменитая статья «Стихи и проза с лингвистической точки зрения» начинается с оживленной полемики с Овсяннико-Куликовским и Андреем Белым, отрицающими принципиальную разницу между прозой и стихом, с одной стороны, и с Эйхенбаумом, абсолютизовавшим эту разницу, – с другой [16, с. 562–564]. В начале статьи «Принципы и приемы стилистического анализа художественной прозы» Пешковский пишет: «Относительно русской прозы имеются лишь попутные замечания у исследователей ритма стиха (у Жирмунского, у Шенгели) да статьи Зелинского, Кагарова, Бродского, Гроссмана, Энгельгардта, Андрея Белого. Все названные авторы (кроме Зелинского) ищут, к сожалению, не отличий ритма прозы от ритма стиха, а, напротив, сходств в этом отношении прозы со стихом, т. е., в сущности, аннулируют самую задачу исследования» [14, с. 634].

Очень важен также общий антиформалистический пафос большинства работ А. Пешковского, особенно ярко проявившийся в его «Русском синтаксисе» и методических трудах. Причем острота автора направлена в первую очередь не столько против современных ему формалистов, методами которых сам он успешно пользовался и не раз подвергался за это критике, а против традиционной школьной грамматики, высушивавшей, по его мнению, учение о языке. Писавший литературно, Пешковский сделал лингвистику увлекательным чтением – в этом смысле его традицию успешно продолжают сегодня М. Кронгауз, И. Левонтина, Л. Зубова, Н. Фатеева и многие другие современные ученые.

С точки же зрения содержания главной идеей Пешковского можно назвать установление связей между явлениями языка и выражаемых ими смыслов, и, соответственно, семантизацию различных уровней языковой структуры (кстати, изображаемых им в форме концентрических окружностей, как это любят делать и многие современные ученые).

Здесь в качестве значимой параллели можно назвать сложившееся в современном «лингвистическом стиховедении» учение о семантических ореолах стиховых явлений, размеров и строф, начатое в середине прошлого века К. Тарановским и М. Гаспаровым [19; 2].

Далее мы подробнее рассмотрим четыре основные статьи А. Пешковского, непосредственно связанные с проблематикой теории стиха, и две примыкающие частные работы: уже упоминавшиеся статьи «Стихи и проза с лингвистической точки зрения» (1925), «Принципы и приемы стилистического анализа художественной прозы» (1927), «Ритмика “Стихотворений в прозе” Тургенева» (1928) и «Десять тысяч звуков» (1925), а также примыкающие к ним предисловие Пешковского к исследованию А. Артюшкова «Звук и стих» (1923) и рецензию на книгу Ф. Коган «Как нужно декламировать стихи» (1928). Как видим, все работы появились в печати в течение шести лет, в пору наиболее активного увлечения исследователем проблемами теории стиха; как пишет О. Никитин, 1920-е гг. «были самым продуктивным периодом в научной деятельности ученого» [9, с. 95].

Пешковский справедливо считал вопрос о соотношении стиха и прозы важнейшим для лингвистического стиховедения и в первом же абзаце статьи 1925 г. ставит сразу три проблемы: о существовании и природе разницы между стихом и прозой, о существовании ритма прозы и о свободном стихе и его отношении к стиху и прозе:

«Существует ли *принципиальная*, не количественная, а качественная разница между ритмом стихов и прозы? – Вот вопрос, который часто поднимался на страницах и общей, и специальной печати, и по которому теоретикам до сих пор не удалось прийти к соглашению. Общеизвестен и общепризнан факт, что художественная проза ритмична, что самая “художественность” ее неразрывно связана с этой ритмичностью, что хорошая проза во много раз ритмичнее плохих стихов. С другой стороны, в области так называемого “свободного стиха” мы встречаемся с такими явлениями, в которых при всем желании не можем найти ничего закономерно-стихотворного. И вот является вопрос, не стирает ли всё это грани между стихами и прозой, не является ли вся художественная проза своего рода “свободным стихом”, а стихи – лишь *более или менее* “связанной” прозой» [16, с. 562].

Первый вопрос: о природе соотношения стиха и прозы – до сих пор дискутируется, правда, в основном в дилетантских кругах (например, в сети или в провинциальных пособиях по теории литературы), однако после фундаментальных работ Ю. Лотмана, М. Гаспарова, О. Федотова и ряда других ученых, его можно считать раз и навсегда решенным. Проще и точнее всего этот вопрос решен в хрестоматии Гаспарова: «Чем отличается стих от прозы? Дошкольник скажет: “Тем, что стихи печатаются короткими неровными строчками”. Школьник скажет: “Тем, что в стихе есть ритм и рифма”. Студент скажет: “Тем, что стих – это специфическая организация речи поэтической, т. е. повышено эмоциональной, представляющей мир через лирический характер...” и т. д. Все трое будут правы, но ближе всех к сути дела окажется все-таки дошкольник» [3, с. 6].

Вопрос о существовании в прозе ритма, причем совершенно особого, принципиально отличного от стихового, был поставлен в работах Б. Томашевского в 1930-х гг. и решен в трудах М. Гиршмана в 1980-х [19; 6], причем не путем обнаружения в прозе силлабо-тонических метров и их аналогов, против чего Пешковский решительно возражал, а путем выявления собственных механизмов прозаического ритма, основанного на более крупных, чем стопа, единицах – у Томашевского и Гиршмана это колон (или синтагма).

В связи с этим стоит упомянуть, что Пешковский в «Русском синтаксисе» предлагает рассматривать как более крупные единицы прозаического ритма сложное целое и абзац, сетуя при этом, «что синтаксического термина для этой единицы не существует» [15, с. 459]. Как известно, позднее Г. Солганик предложил для этой цели более выразительное название – прозаическая строфа [18].

Наконец, свободный стих, современное понимание природы которого тоже сложилось позднее, в связи с развитием этой формы стихосложения; в начале же XX в. разные исследователи понимали под этим термином различные явления. Пешковский-стиховед понимает стих прежде всего как силлаботонику, хотя признает также суще-

ствование тонического стиха, который у него, правда, не вполне полноценный стих. Тем более это относится к свободному стиху, появление которого он вполне справедливо относит к «Северному морю» Гейне, анализируя три разных перевода этого цикла – М. Михайлова, А. Прахова и В. Чешихина-Ветринского.

В результате ученый приходит к выводу: «Перед нами особого вида ритмическая система, основанная не на урегулировании числа слогов в такте и побочном, вспомогательном урегулировании числа тактов в стихе (как тоническая), а исключительно на 2-м из этих признаков, причем художественными средствами являются, с одной стороны, равенство тактов в отдельных “стихах”, а с другой стороны, намеренное, эстетически целесообразное, неравенство их. Условно, в виде уступки традиции, можно, конечно, называть эту систему стихотворной, и в таком случае мы бы предложили термин: “тактовый стих”. Но всего вернее ее было бы назвать “мерной равнотактной прозой”» [16, с. 574].

Далее Пешковский пишет: «...не следует себе представлять, что таким стихом легче писать, чем тоническим. Это было бы так же наивно, как предположение, что белыми стихами легче писать, чем рифменными. В искусстве уменьшение средств при той же полноте достижения всегда сопряжено с большими трудностями. Во всяком случае, у авторов подобного рода стих – не примитив, а искание новых путей» [16, с. 574]. Тем не менее «многое из написанного “стихами” придется перевести, при таком разграничении, в разряд художественной (имею в виду самый жанр, а не степень художественности) прозы. В самом деле, чем отличается формально такой, например, отрывок:

Она пришла с мороза,
 Раскрасневшаяся,
 Наполнила комнату
 Ароматом воздуха и духов,
 Звонким голосом
 И совсем неуважительной к занятиям
 Болтовней.

или такой:

Кто спросит луну?
 Кто солнце к ответу притянет –
 чего
 ночи и дни чините!?

Кто назовет земли гениального автора?

от прозы Гоголя, Тургенева, Толстого и др.? Только тем, что здесь применен *новый знак препинания: недоконченная строка*, благодаря которому нам не приходится уже гадать о ритмических замыслах автора, как при анализе текста остальных прозаиков, а мы читаем прямо так, как хотел автор. Этот новый знак (соединяемый, правда, к сожалению, часто с игнорированием старых знаков, тоже весьма полезных) есть огромное приобретение для нашей литературы. Но от применения его написанное прозой не делается стихами» [16, с. 580–581].

Однако с точки зрения современной теории стиха – как раз делается, потому что «новый знак препинания», о котором говорит Пешковский, – в действительности не новый, а существовавший всегда и всегда же служивший как раз разграничению стиха (печатаемого «неровными строчками») от прозы (печатаемой без авторского разделения на строки). Но для того чтобы понять это, нужен был массив стихов, написанных свободным стихом, а не отдельные «аномальные» на фоне двухвековой традиции опыты Гейне и Блока, на которые опирается Пешковский.

И здесь самое время припомнить, как в своей статье «Понятие отдельного слова» он, уважительно критикуя своего учителя академика Фортунатова, анализирует его «грубые промахи» и пишет, что его «характеризуют одновременно три вещи: 1) трудность вопроса; 2) неверность метода, избранного им в данном случае и приведшего к промаху; 3) гениальность интуиции, позволившую ему все-таки схватиться за самую суть явления. Странно сказать, но этот логический промах и есть как раз самая оригинальная и глубокая сторона фортунатовского определения» [12, с. 133]. Точно так же гениальная интуиция по поводу «нового знака препинания» оказывается «самой оригинальной и глубокой стороной» рассуждения самого Пешковского.

Интересно, что далее Пешковский сам предлагает экспериментальное превращение прозы в стихи именно благодаря собственному членению ее на строки (именно с помощью «нового знака препинания»), причем двумя способами (на материале знаменитого гоголевского отрывка «Чуден Днепр...», т. е. инструментально демонстрирует точное понимание современного различия стиха и прозы. Тем не менее главный упор он делает на их лингвистические различия, установлением которых в последние десятилетия занимались тот же Гаспаров и его ученица

Т. Скулачева [5]. Сам же Пешковский считал основой принципиального различия двух основных типов ритмической организации речи то, что они опираются на разные единицы их ритма: строку в стихе и абзац (т. е. аналог строфы) в прозе.

Вполне продуктивной при этом была критика Пешковским литературоведов и стиховедов, искавших секрет поэтичности прозы (прежде всего «стихотворений в прозе» Тургенева) в обращении к силлабо-тонической метрике. Однако новейшие исследования показали, что искать метры (хотя бы и «случайные», как предлагал их называть В. Холшевников [21]) можно и нужно, это не отменяет исследования собственно прозаических механизмов ритма, а дополняет их, особенно применительно к авторам, пришедшим в прозу из поэзии (Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Пастернак, Мандельштам, Набоков) и более или менее сознательно их использующих для организации прозаического материала.

Если говорить о других перспективах, вытекающих из работ и идей Пешковского, то тут есть смысл говорить об изучении так называемых частеречных поэтик, намеченном прежде всего в «Русском синтаксисе» и в статье «Глагольность как выразительное средство». В новейшее время эти идеи были подхвачены работами Вяч. Вс. Иванова и М. Гаспарова [7; 8; 4], который, кстати, брал за основу своего анализа то же стихотворение Фета, что и Пешковский («Шёпот, робкое дыханье...»). Автор же «Русского синтаксиса» писал:

«Почему здесь не сказано: “шепчут, робко дышат” и т. д.? Здесь перед нами уже определенное преимущество существительного в данных условиях: его безличность. Поэту нужно, чтобы не было никакого намека на лицо, чтобы читатель мог представлять себе и себя, и автора, и третье лицо. В этой неопределенности лица в связи с общим лирическим строем стихотворения есть особая прелесть недосказанности. А глагол связан с грубым, реальным лицом: *шепчут, шепчем* и т. д. Правда, безличен еще инфинитив: *шептать, робко дышать* и т. д., и из всех частей речи он здесь как раз и подходил бы более всего после существительного (причастие и деепричастие исключались как не имеющие самостоятельной предикцирующей силы). Но построить стихотворения на нем нельзя было, так как предметные черты картины (“свет ночной, ночные тени” и т. д.) им не могли быть выражены. Следовательно, единственно возможная форма здесь – существительное.

Итак, у каждой части речи – свои стилистические достоинства. Главное достоинство глагола – это способность управлять, выстраивать вокруг себя длинную шеренгу разнообразных и последовательно зависящих друг от друга слов и предложений, словом, создавать то, что А. Потебня называл синтаксической перспективой [11, с. 151].

Среди работ, продолжающих эту плодотворную линию анализа, необходимо назвать также серию статей и завершающую их антологию А. Жолковского [17].

Наконец, изучение звукового строения художественной речи. Тут прежде всего надо назвать работу «Десять тысяч звуков», в полном смысле слова заложившую основы статистического изучения этого важнейшего уровня организации текста, стихового – в первую очередь. В небольшой предисловной статье к книге А. Артюшкова «Звук и стих» А. Пешковский пишет:

«Автор стоит вполне на уровне современных лингвистических воззрений на природу звука. Есть у него и другой крупный научный плюс: величайшая осторожность в вопросах так наз. звукового символизма – области, где царит пока еще безудержный субъективизм. Основная задача автора – следить за “божественной игрой звуков” в стихе, и надо признать, что игру эту он чувствует глубоко и тонко. В тех случаях, где он пытается связать ее с содержанием, он ограничивается почти исключительно указанием на важность для этого содержания большей или меньшей повторяемости того или иного звука, безотносительно к тому, что это за звук. Конечно, и тут еще остается немало субъективного. Ведь о большей или меньшей повторяемости можно говорить, в сущности, лишь на основании строгого учета величины средней повторяемости данного звука в языке, а мы знаем, что разные звуки языка в этом отношении очень различны. Но история науки уже много раз видела, как чутье и интуиция предвосхищают то, что затем подтверждается точным подсчетом. Как бы то ни было, но статистические наблюдения автора, если и не имеют принудительной силы, то во всяком случае представляют огромный интерес. Еще большее значение, быть может, будет иметь книжка в своей критической части. В той среде, куда она попадет в первую очередь, в среде исследователей стиха, у многих раскроются глаза на содеянные в свое время грехи, и многие будут отвращены от дальнейших грехов того же рода. Расчистка пути для будущих исследований – вот, думается нам, важнейшая заслуга книги» [13, с. 3–4].

Принципиально важным выглядят также соображения А. Пешковского о необходимости учитывать не только согласные, но и их объединение с гласными; эта идея нашла свое продолжение в теории Г. Векшина, настаивающего на фоносиллабическом характере всякой звуковой организованности текста [1].

Не менее важны и высказанные Пешковским соображения об особой эстетической значимости звуковой организации речи, которую он называет благозвучием, и о проблемах его объективной оценки:

«Суждения о благозвучии отдельных языков и отдельных текстов обыкновенно отличаются крайней субъективностью и не стремятся к объективному обоснованию. Лингвистика, как наука, чуждающаяся вообще всякой оценки языковых данностей, совсем не интересуется этим вопросом, предоставляя заниматься им дилетантам. Однако мне кажется, что та же лингвистика дает стилисту возможность подойти здесь с объективной, общеобязательной меркой к оценке текста. В самом деле, мы знаем, что речь человеческая заключает в своем составе и музыкальные тоны и шумы, причем количественное соотношение той и другой категории может в отдельных языках и в отдельных текстах одного и того же языка в известных пределах (правда, довольно узких) колебаться. Очевидно, от величины этого количественного соотношения и будет зависеть степень “звучности” и “шумности” текста, т. е. – благозвучие» [14, с. 619–620].

Наконец, еще одна сфера интереса Пешковского к стихотворному художественному тексту – теория его декламации, тоже получившая широчайшее распространение в начале XX в. Великий лингвист и тут безошибочно выбирает самого перспективного собеседника – Фейгу Коган, видного теоретика исполнительского искусства, автора серии статей и книг о декламации, опубликовав рецензию на ее первую книгу «Как нужно декламировать стихи (приемы выявления стихотворной формы)» (1927) [10, с. 224].

Пешковский спрашивает: «Как можно говорить с рабочей аудиторией о ямбах, хорях, спондеях, хорейямбах и т. п. “мудреных” и “сухих” вещах, абсолютно отменяя своим изложением эту мудренность и сухость и выявляя только художественную сторону дела? Как можно изложить эти вещи с абсолютной ясностью совершенно неподготовленному читателю? Как можно уложить основы нашей метрики в крохотную книжку? “Секрет” этого популяризаторского изобретения найден автором рецензируемой книжки. Не боясь впасть в преувеличение, мы можем сказать, что в отношении популяризационного таланта, столь общественно необходимого в наше время, мы имеем перед собой из ряду вон выходящее явление» [10, с. 224]. Далее Пешковский указывает на «несколько рискованных утверждений (о внутреннем смысле тех или иных метров), несколько неполных определений (напр., определенно цезуры). Еще больше, может быть, возражений книжка вызовет у декламаторов при современной неразработанности теории этого искусства (напр., совет достигать изохронности стихов исключительно *медленностью* произношения укороченных стихов и умолчание об увеличении следующих за ними пауз). Но все эти спорные пункты вышли спорными *не из-за популярного характера* книжки. Таковы взгляды автора. Ради популяризации он, по видимому, *ничем основным* не поступился и в то же время довел популяризацию до предела. В этом, имея в виду цель и назначение книжки, огромная заслуга».

Таким образом, можно сказать, что выдающийся теоретик-лингвист высказал мнение по большинству актуальных для своего времени вопросов теории стихосложения и в значительной степени наметил пути решения этих вопросов, по которым следуют современные лингвисты и стиховеды.

Список литературы

1. *Векишин Г.* Очерк фоностилистики текста : звуковой повтор в перспективе смыслообразования. Москва : МГУП, 2006. 461 с.
2. *Гаспаров М.* Метр и смысл. Москва : РГГУ, 1999. 297 с.
3. *Гаспаров М.* Русский стих начала XX века в комментариях : учебное пособие для студентов, бакалавров и магистрантов филол. специальностей ун-тов. Изд. 2 (доп.). Москва : Фортуна Лимитед, 2001. 286 с.
4. *Гаспаров М.* Фет безглагольный. Композиция пространства, чувства и слова // Гаспаров М. Избранные труды. Т. 2. О стихах. Москва, 1997. С. 21–32.
5. *Гаспаров М.* Статьи о лингвистике стиха / М. Гаспаров, Т. Скулачева. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 283 с.
6. *Гиришман М.* Ритм художественной прозы. Москва : Советский писатель, 1982. 368 с.
7. *Иванов Вяч. Вс.* О поэтическом синтаксисе // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 3. Москва, 2004. С. 585–587.
8. *Иванов Вяч. Вс.* Разыскания о поэтике Пастернака // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. Москва, 1999. С. 15–140.
9. *Никитин О.* Жизнь и труды Александра Матвеевича Пешковского в свете научной полемики его времени // Пешковский А. М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика. Москва, 2018. С. 11–100.

10. *Пешковский А.* [Рец. на]: Каган Ф. Как нужно декламировать стихи (приемы выявления стихотворной формы). Практическое руководство для клубных и школьных драмкружков и для самообразования // Печать и революция. 1928. Кн. 2. С. 224.
11. *Пешковский А.* Глагольность как выразительное средство // Пешковский А. Сборник статей : методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. Ленинград ; Москва, 1925. С. 141–152.
12. *Пешковский А.* Понятие отдельного слова // Пешковский А. Сборник статей : методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. Ленинград ; Москва, 1925. С. 122–140.
13. *Пешковский А.* Предисловие к книге А. Артюшкова «Звук и стих» // Пешковский А. Лингвистика. Поэтика. Стилистика. Москва, 2018. С. 685–686.
14. *Пешковский А.* Принципы и приемы стилистического анализа художественной прозы // Пешковский А. М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика. Москва, 2018. С. 616–661.
15. *Пешковский А.* Русский синтаксис в научном освещении. Москва, 1956. 512 с.
16. *Пешковский А.* Стихи и проза с лингвистической точки зрения // Пешковский А. Лингвистика. Поэтика. Стилистика. Москва, 2018. С. 562–581.
17. *Русская инфинитивная поэзия XVIII–XX веков : антология / сост., вступит. ст. и примеч. А. К. Жолковского.* Москва : Новое литературное обозрение, 2020. 547 с.
18. *Солганик Г.* Синтаксическая стилистика : сложное синтаксическое целое. Москва : Высшая школа, 1973. 214 с.
19. *Тарановский К.* О взаимодействии стихотворного ритма и тематики // American Contributions to the 5th International Congress of Slavists. Vol. 1. The Hague, 1963. P. 287–322.
20. *Томашевский Б.* Ритм прозы // Томашевский Б. О стихе. Ленинград, 1929. С. 254–318.
21. *Холшевников В.* Случайные четырехстопные ямбы в русской прозе // Холшевников В. Стихovedение и поэзия. Ленинград, 1991. С. 75–84.

Н. В. ПУШКАРЕВА®

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

n.pushkareva@spbu.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ПРОЗЕ ЭПОХИ ЭКРАННОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются смысловые оттенки и функциональные особенности, возникающие у неопределенно-личных предложений в современной русской прозе. Отмечается, что исследование этого типа предложений с учетом фактора интермедальности позволяет выявить потенциал данных языковых единиц в создании различных сюжетных и временных планов, в воздействии на читателя.

Ключевые слова: русский язык, современная русская проза, неопределенно-личные предложения, функциональные особенности, смысловой потенциал.

Pushkareva Natalia Viktorovna, Saint-Petersburg State University, Russia

n.pushkareva@spbu.ru

Some features of indefinite personal sentences functioning at the era of screen culture

The article deals with the semantic nuances and functional features that arise in the indefinitely personal sentences in modern Russian prose. It is noted that the study of this type of sentences, taking into account the intermediality factor, makes it possible to identify the potential of this language unit in creating various plot and time plans and in influencing the reader.

Keywords: Russian language, modern Russian prose, indefinite personal sentences, functional peculiarities, semantic potential.

Современное искусство существует на фоне развития информационных технологий и средств коммуникации. Культурные процессы протекают в русле экранной культуры, понимаемой в гуманитарных исследованиях как «новая коммуникативная парадигма, дополняющая традиционные формы общения между людьми – культуру непосредственного общения и культуру письменную (книжную)» [8, с. 589]. Одним из следствий этого сегодня становится формирующаяся у человека привычка к визуальному восприятию литературных произведений, поскольку «основным материальным носителем текстов которой является не письменная речь, а “электронная книга”, “экранная речь”» [9, с. 494]. Авторское слово стало доступно как в печатной или звучащей форме (в случае выступления писателя по радио или по телевидению), так и на экране различных коммуникационных устройств, что позволяет говорить, с одной стороны, о более свободном доступе к текстам, а с другой стороны, о расширении круга лиц,

получающих возможность интерпретировать прозаические произведения. На восприятие произведения влияют не только его языковые и концептуальные особенности, но и способы подачи материала, в том числе расположение текста на странице, разбивка повествования на абзацы, включение в текст иллюстративного материала. Часто просмотр какого-либо произведения на электронном носителе подталкивает читателя к покупке печатного варианта текста, в котором могут отсутствовать те визуальные элементы, которые привлекли внимание в электронной публикации.

Современная проза – это структурно и стилистически многоплановое явление, в составе которого наблюдаются как классически построенные тексты, так и произведения с иными способами синтаксической организации. Если для многих образцов прозы XX в. важной особенностью являлся «приоритет стиля над сюжетом» [6, с. 239], то в XXI в. в прозаическом тексте возникают новые черты, обусловленные изменившимися условиями существования самого текста, его автора и читателей. Некоторые образцы прозы XXI в. характеризуются слабыми связями между частями текста, расчлененностью и неполнотой высказывания. Наряду с этим в произведениях, возникающих в эпоху экранной культуры, проявляется интермедальность, определяемая как «взаимодействие различных видов искусства... и как синтез знаковых систем» [1, с. 159], служащая «способом создания текста» и «инструментом считывания смыслов, кодом прочтения» [2, с. 412]. Интермедальные характеристики проявляются в формальных приемах организации текста, они отражаются и в содержании, в частности затрагивают характер описаний предметов и персонажей, а также влияют на логичность и последовательность изложения сюжета.

Задачей любого авторского текста является привлечение читательского внимания и управления им, поэтому особая роль в этих процессах принадлежит способам вовлечения читателя в поиски скрытых смыслов, не только диктумных, но и модусных, в угадывание и домысливание интертекстов, в языковую игру – т. е. в те виды интеллектуальной деятельности, которые требуют активизации читательского мышления и обращения к личному тезаурусу. Важным и действенным средством руководства читателем в современной прозе, демонстрирующей черты интермедальности, становится использование неопределенно-личных предложений, функциональный потенциал которых ярко проявляется в различных контекстах.

Неопределенно-личные предложения прозаического текста не перестают привлекать внимание исследователей своими конструктивными и смыслопорождающими возможностями. Неоднозначность смысла, передаваемого глаголом 3-го л. мн. ч., была отмечена еще А. А. Шахматовым, который разграничил для этой формы позицию главного члена односоставного предложения и сказуемого в двусоставном или неполном предложении [7, с. 33], подчеркнув, что глагол в 3-м л. мн. ч. употребляется «для обнаружения неопределенного числа лиц, являющихся производителями или носителями того или иного действия-состояния» [7, с. 465]. Для обозначения этих лиц Е. В. Падучева использует термин «подразумеваемое подлежащее (нулевой субъект)» [3, с. 28] и рассматривает использование неопределенно-личных предложений как способ демонстрации иерархии субъектов с точки зрения говорящего [3]. В работе К. А. Роговой продемонстрировано конструирование в художественном тексте с помощью неопределенно-личных предложений субъектного многоголосья, которое читатель выявляет и осмысливает с опорой на свою когнитивную базу [5]. Также неопределенно-личные предложения могут формировать конвенциональный подтекст, т. е. скрытые смыслы, связанные с повседневной реальностью определенного исторического периода и передающие информацию о событийном контексте поступков неназванных деятелей [4]. Таким образом, появление в художественном тексте неопределенно-личных предложений всегда сопровождается смысловым приращением.

В эпоху экранной культуры прагматика применения неопределенно-личных предложений этим не ограничивается. Часть современных прозаических текстов и внешне, и по содержанию отличаются от классических образцов, и визуальное представление текста часто выступает как дополнительное средство передачи смысла. Организация текста с учетом принципа интермедальности сдвигает фокус зрения, устраняя длинные описания и подвигая читателя к домысливанию обстоятельств, в которых протекают события. Неопределенно-личные предложения инициируют декодирование дополнительных смыслов, расширяющих событийный фон описываемой ситуации и формирующих впечатление о скрытых деятелях. Об этом свидетельствуют примеры из произведений, различающихся такими формальными признаками, как абзацное членение, длина абзаца и расположение текста на страницах.

Так, характерной чертой романа Г. У. Садулаева «Земля – воздух – небо» являются длинные, иногда до полутора страниц, абзацы, в составе которых присутствуют неопределенно-личные предложения. Например, формы глаголов 3-го л. мн. ч. возникают в абзаце, который состоит из 51 строки и занимает полторы страницы: *Повезли отца, последнего выжившего из директоров и трактористов, он указал на границу своих полей, там и поставили межевые знаки, там положили ледниковые камни, там посадили деревья-акаши, колючие, как границы, так записали землемеры в крепостной книге, а картографы создали кадастр* [ГС, с. 136]. Компоненты сложносочиненного предложения демонстрируют разные способы передачи субъектного присутствия в высказывании: от скры-

тых субъектов неопределенно-личных предложений, действовавших на основании слов отца рассказчика, к конкретным персонажам (отцу, землемерам и картографам) и их деятельности. Цепочка глаголов прошедшего времени совершенного вида называет результаты, возникающие последовательно, как продолжение предшествовавших действий, при этом итоги долгосрочной работы многих людей (*поставили знаки, положили камни, посадили деревья*) оттеняются фиксацией результатов конкретными специалистами. Действия неназванных персонажей как будто подготавливают почву для более конкретного результата, который выражен в двусоставных предложениях.

Соединение в сложном предложении частей, представленных двусоставными предложениями с конкретными деятелями и неопределенно-личными предложениями с подразумеваемыми субъектами, создает контраст между описаниями длительной сложной работы, выполняемой большим количеством людей, и краткими действиями отдельных персонажей. Отсутствие наречий времени и комбинация неопределенно-личных и двусоставных частей сложного предложения создают многоплановость, в том числе и временную, которая легко воспринимается человеком, привыкшим к просмотру монтажного кино. Современный читатель способен выстроить последовательность описываемых действий, выделить из них фоновые и основные процессы.

Неопределенно-личные предложения могут служить для свертывания информации, при котором читателю предоставляется свобода интерпретации. Например, при описании окружающей обстановки, где важны не деятели, а результаты деятельности: *Я слышу уютомрачительный запах из пекарни, где готовят лепёшки: весь хлеб продадут в первые два часа* [ГС, с. 125]. Двоеточие между частями бессоюзного сложного предложения сигнализирует о пояснении, однако в данном случае причинно-следственная связь нарушается, читатель может домыслить предложенную картину и установить зависимость между компонентами.

Последовательность неопределенно-личных предложений может обозначать большое количество результативных действий и состояния, переживаемые неназванными субъектами. Предложения могут быть короткими, неполными, имитирующими разговорную речь и в сочетании с лексическим наполнением создающие в абзаце экспрессивность. Знание реалий эпохи помогает читателю дополнить вербализованную информацию и выявить конвенциональный подтекст. Такие примеры встречаются в прозе С. А. Шаргунова: *Собрание городского Союза писателей, где до этого в нем души не чаяли и собирались принимать. Книгу его стихов, которая уже была готова, рассыпали. Из комсомола исключили. С факультета отчислили* [СШ, с. 104]. Отвлечение внимания от деятелей не делает текст менее информативным, так как читатель способен соотнести высказывания с историческими фактами и восстановить детали описанных событий. Повторы в финале предложений глаголов в 3-м л. мн. ч. нагнетают напряжение и таким образом воздействуют на читателя.

Ярким примером скрытых конвенциональных сведений представляется отрывок из романа А. М. Терехова «Немцы»: *В районах Панки и Овражки, в серо-кирпичных башнях, заповедниках ЦК КПСС (восемнадцатиметровые кухни, по две лоджии – а когда-то казалось: роскошь!), вдоль президентской трассы «на работу! – с работы!», за КПРФ проголосовали так, что протоколы переписывали дважды! – вот и говорили: Бабец «не обеспечил», а еще большие говорили: «Бабцом недовольна Лида – супруга мэра...»* [АТ, с. 8]. Отрывок имитирует эмоциональную разговорную речь, главные члены неопределенно-личных предложений называют группы деятелей, но не всегда понятно, сколько таких групп упомянуто, поскольку повтор глагола *говорили* может относиться и к одной, и к двум разным группам лиц. Пунктуационная разметка подсказывает, какой могли бы быть жесты и мимика говорящих. Для восстановления смысла и эмоциональной окраски отрывка читателю нужно соотнести единицы *проголосовали* и *переписывали* с конкретными ситуациями из современной истории страны, и только в этом случае отрывок удастся адекватно интерпретировать.

Экспрессивный потенциал неопределенно-личных предложений актуализируется в сочетании с абзачным членением, особенно в случае формирования с помощью такого предложения короткого абзаца в монтажном тексте:

В ответ Елизавета спокойно сказала, что это картины ближайшего будущего: страдания Церкви, мученическая гибель ее сестры и большие бедствия.

Через два года ее сбросили в шахту на Урале [СШ, с. 126].

Восстановление логической связи между двумя абзацами из текста, построенного по монтажному принципу, происходит не только с опорой на знания истории страны, но и с помощью информации, которую читатель извлекает из своего тезауруса кинозрителя, умеющего заполнять лакуны между двумя кадрами. Отсутствие субъекта в высказывании, формирующем короткий второй абзац, и приведенные обстоятельства места и времени не только позволяют идентифицировать участников страшного события, но и воздействуют на читателя, выдвигая на первый план семантику глагольной формы.

Таким образом, современная проза отражает общую для разных видов искусства тенденцию к интермедийности, проявляющуюся в стремлении к представлению сюжета как визуальной информации, которую читатель выяв-

ляет с опорой на свой тезаурус. Важная роль отводится неопределенно-личным предложениям. Этот тип одноставных предложений служит не только для указания на деятелей или носителей состояния, но, при включении в состав сложного предложения, позволяет обозначить временной или событийный фон, отразить разницу между долгосрочной деятельностью большого количества людей и менее длительной работой конкретных исполнителей. Весьма интересно эти особенности проявляются в тексте с длинными абзацами, в составе сложных предложений, формируя порой отдельный сюжет. Неопределенно-личные предложения в прозе служат для свергивания информации, которую читатель также может восстановить. Использование этого языкового средства создает в тексте эффект многоголосия, когда характеристики субъектов речи или количество говорящих неясны и могут быть интерпретированы читателем по-разному. В ряде случаев неопределенно-личные предложения способствуют возникновению конвенционального подтекста, т. е. скрытых смыслов, отражающих реальность какого-либо исторического периода и указывающих на социокультурный и бытийный фон поступков неназванных деятелей. Все эти оттенки смысла превращают прозаический текст в многоплановую структуру, восприятие и осмысление которой зависит в том числе и от объема читательского тезауруса.

Список литературы

1. *Кайда Л. Г.* Интермедиальность в социокультурном диалоге // Русская литература и журналистика в движении времени. 2014. № 1. С. 159–171.
2. *Маркова Т. Н.* Интермедиаальный код в новейшей русской прозе (роман А. В. Королева «Быть Босхом») // Кризис литературоцентричности vs новые возможности. Москва, 2014. С. 412–417.
3. *Падучева Е. В.* Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // Вопросы языкознания. 2012. № 1. С. 27–41.
4. *Пушкарева Н. В.* Расширение функций неопределенно-личных предложений в современной русской прозе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. Вып. 16. С. 318–323.
5. *Рогова К. А.* Неопределенно-личные предложения: контексты употребления // Мир русского слова. 2020. № 3. С. 13–17.
6. *Руднев В. П.* Словарь культуры XX в.: ключевые понятия и тексты. Москва : Аграф, 1999. 381 с.
7. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. 3-е изд. Москва : Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
8. *Энциклопедия культурологии* : в 5 т. / гл. ред. серии К. Э. Разлогов. Москва : Деловая книга : Акад. проект, 2005. Т. 5. Теоретическая культурология. 624 с.
9. *Яценко Н. Е.* Толковый словарь обществоведческих терминов. Санкт-Петербург : Лань, 1999. 528 с.

Источники

- ГС – Садулаев Г. У. Земля – воздух – небо. Москва : ЭКСМО, 2021. 256 с.
АТ – Терехов А. М. Немцы. Москва : АСТ, 2012. 312 с.
СШ – Шаргунов С. А. Свои. Москва : АСТ, 2018. 345 с.

Н. В. РАДБИЛЬ©

*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия
nagov@list.ru*

ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВ, ВОПЛОЩАЮЩИХ КОНЦЕПТ «ПАТРИОТИЗМ», ПО ДАННЫМ КОРПУСНОГО АНАЛИЗА

В работе освещается оценочный потенциал слов – репрезентантов концепта «патриотизм», который проявляется в их речевой реализации в дискурсах разного типа, на примере лексемы *патриотичность*. Анализ языковых данных, извлеченных из Национального корпуса русского языка, показал, что в контекстах употребления данной лексемы она реализует не только ожидаемую имплицитную положительную оценочность, но и оценочность отрицательную.

Ключевые слова: концепт «патриотизм», лексема *патриотичность*, оценочный потенциал, дискурсная реализация, корпусный анализ, русская речь.

Radbil Natalya Valeryevna, N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia
nagov@list.ru

Evaluative potential of words, embodying the concept of "patriotism", according to corpus analysis

The paper considers the evaluative potential of words – representatives of the concept "patriotism", which is manifested in their speech implementation in discourses of various types, using the lexeme *patriotichnost'* as an example. An analysis of the language data extracted from the Russian National Corpus showed that in the contexts of the use of this lexeme, it implements not only the expected implicit positive evaluation, but also negative one.

Keywords: the concept "patriotism", the lexeme *patriotichnost'*, evaluative potential, discourse actualization, corpus analysis, Russian speech.

В работе освещаются очередные результаты нашего исследовательского проекта по комплексному описанию концепта «патриотизм» в русской языковой картине мира [2]. Методологической основой работы выступают идеи и принципы Нижегородской школы концептуального анализа [5]. Посредством разработанной нижегородскими учеными методики когнитивно-дискурсивного анализа корпусных данных [6] в наших предыдущих работах было показано, как существенный оценочный потенциал данного концепта воплощается в речевой реализации разнообразных лексем, воплощающих данный концепт в дискурсах разного типа [1; 4]. В данной работе в центре нашего исследовательского внимания находится отвлеченная отаждективная лексема *патриотичность*. Материалом исследования являются языковые данные Национального корпуса русского языка [3].

В соответствии с принятой методикой исследования сначала анализируются лексикографические данные. В академических толковых словарях русского языка лексема *патриотичность* трактуется как отвлеченное существительное по значению прилагательного *патриотичный*: 'проникнутый патриотизмом' [8], 'исполненный патриотизма' [7]. См. в этой связи словарное толкование в БАС: 'свойство и качество патриотичного' [8] или в МАС: 'свойство по значению прилагательного *патриотичный*' [7]. Отметим, что в словарных описаниях у лексемы *патриотичность* не фиксируется наличие какой-либо оценочности. Однако совсем иную картину мы видим в многочисленном массиве ее употреблений в реальной речевой практике носителей русского языка, которая отражена, в частности, в Национальном корпусе русского языка [3].

В отличие от синонимичной лексемы *патриотизм*, которая, особенно в терминологических, специализированных употреблениях, часто выступает как внеоценочная, нейтральная [2], лексема *патриотичность*, как правило, в контексте приобретает имплицитную положительную оценочность, которая связана с тем, что в национальной языковой картине мира свойство патриотичности оценивается как положительное качество личности или социальной группы, например: *Он был необычайно энергичен и организован, работоспособен до иступления, что при его глубинных знаниях и подлинной патриотичности определило право стать советником министра науки и технологий Российской Федерации и оставаться им до тех пор, пока была в нем нужда* [3]; *Борьба за народность, патриотичность образования... неизбежно отнимали у Ушинского здоровье, силы, время* [3].

Очевидным образом имплицитная, наведенная в контексте позитивная оценочность усиливается соответствующим контекстным окружением, например помещением этого слова в ряд однородных членов с существительными, выражающими безусловно положительные ценности: – *Стратегия потребует формирования новой общественно-государственной системы воспитания детей, обеспечивающей их социализацию, высокий уровень гражданственности, патриотичности, толерантности, законопослушное поведение, – пояснили в Минобрнауки* [3]; *Думается, мы найдем больше честности, патриотичности, здорового смысла у русских промышленников и предпринимателей той эпохи, нежели у «новых» русских* [3]; *Мы должны помнить о мудрости и патриотичности наших предков, которые сложили здесь голову, защищая свою страну...* [3]; *Плюс человек, который, как вам сказать, сидит все время на результатах, которые показывают тренеры и спортсмены, на их героическом труде и на их патриотичности* [3].

Однако лексема *патриотичность* в ее речевой реализации зачастую актуализует не ожидаемую положительную оценочность, а имплицитную в контексте оценочность отрицательную, связанную с неоднозначной ценностной рецепцией концепта «патриотизм» в национальном языковом сознании. В наших предыдущих работах было показано, что носители языка негативно оценивают «неправильный», ущербный в каком-либо отношении патриотизм [1]. Отрицательно может оцениваться: (1) недостаточный патриотизм или вообще его отсутствие; (2) чрезмерный, излишне аффектированный патриотизм; (3) показной, внешне демонстрируемый патриотизм; (4) ложный, мнимый, фальшивый, неискренний патриотизм:

(1) недостаток свойства патриотичности обычно проявляется в сочетаемости слова *патриотичность* с прилагательными с семантикой недостаточности, убыточности, например: *В непарламентской оппозиции различимы два крыла: условные националисты, которые критиковали власть за недостаточную патриотичность, за слабую защиту интересов России, и условные либералы, обвиняющие власть, что она не европейская, пещерная, тянет*

Россию назад в автаркию, в изоляцию и так далее [3]; Автора текста, Юрия Энтина, критиковали за воспевание чуждой страны (хотя такой и не существует) и недостаточную патриотичность... [3];

(2) в сочетаемости с прилагательными соответствующего значения выражается и негативно оцениваемое свойство чрезмерной, излишней патриотичности, например: *Так что, хотя эту оперу часто и укоряют в излишней патриотичности и идейности, в конце концов, плакать будут все – царь о потерянном счастье, а псковитяне – о падении великого города, самого западного форпоста Великой Руси* [3];

(3) аналогичным образом, по большей части в адъективной сочетаемости, выражается и свойство показной, внешней, демонстративной патриотичности, например: *Было время натужного пафоса, лицемерно-декларативной патриотичности, когда искренность, честность сопротивлялись употреблению священных слов всуе* [3];

(4) также в моделях адъективной сочетаемости выражается свойство мнимой, ложной, ненастоящей патриотичности, например: *На первый взгляд позиция губернатора и его команды в вопросе «Иркутскэнерго» насквозь патриотична. В самом деле, что может быть лучше для области – взять и передать акции в управление местной администрации? На самом же деле патриотичность эта – мнимая, кажущаяся... [3].*

Укажем, что во всех этих случаях речь идет именно об оценочности, наведенной, имплицитной в ближайшем контекстном окружении, посредством слова, непосредственно относящегося к интересующей нас лексеме. В более сложных случаях имплицитная негативная оценочность, характеризующая «неправильную», «ущербную» в том или ином смысле патриотичность, может наводиться в расширенном контексте, в котором эксплицируются негативные характеристики патриотичности на уровне всего фрагмента, например: *Таким образом, и процент патриотов в стране примерно соответствует проценту считающих себя патриотами парламентариев, которые ведут активную антироссийскую пропаганду, что в Латвии и является одним из критериев патриотичности* [3].

Такие контексты можно условно именовать расшифровочно-характеризующими. В них с помощью тех или иных формулировок, раскрывающих смысл данного понятия и тем самым выполняющих функцию логической предикации, дается не общепринятая дефиниция патриотичности, например: ***Патриотичность** у нас называется именно потакание первобытным инстинктам: местничеству, землячеству, лени, ксенофобии* [3].

Иронически-сниженное негативно-оценочное восприятие патриотичности в дискурсе может также маркироваться так называемыми ироническими кавычками: *Для елки-2006 был разработан специальный дизайн. Так, на верхушке разместится метровая звезда красного цвета, которая будет гармонировать с рубиновыми звездами Кремля. Для украшения возьмут традиционные шары, банты, колокольчики и снежинки. «**Патриотичность**» внесут золотые российские гербы. В иллюминации также использованы цвета российского флага, к которым, правда, добавлен зеленый [3].* – Здесь ироническому острашению подвергается вся ситуация в целом: по мнению автора, излишний патриотизм неуместен во всенародном праздновании Нового года – традиционно семейного праздника.

А в следующем фрагменте «ироническими кавычками» маркируется семантическая неузуальность употребления лексемы *патриотичность*, приводящая к негативно-оценочной коннотации: *А за железной дорогой – та самая американская военная база. Моронг – город средневековый и «патриотичный». Иностранцы журналисты уже успели в шутку назвать Моронг городом «патриотичным». Житель любого города, который по-настоящему его любит, может считать себя патриотом. Здесь, однако, «**патриотичность**» от слова Patriot [3].* – В этом примере реализован прием амфиболии – нераспределенной в контексте многозначности, что связано с авторским окказиональным образованием данного слова от собственного наименования американских ракет Patriot.

В целом проанализированный материал еще раз свидетельствует о значительных возможностях лексем, воплощающих концепт «патриотизм» в русской речи, выражать разнообразные положительно-оценочные и отрицательно-оценочные смыслы, что, в свою очередь, говорит, во-первых, о повышенной ценностной значимости этого концепта в русской языковой картине мира новейшего периода, а во-вторых, о неоднозначной ценностной рецепции концепта «патриотизм» современными носителями русского языка.

Список литературы

1. *Наговицына Н. В.* Дериваты лексемы *патриотизм* как выразители оценочного потенциала одноименного концепта // Национальные коды в языке и литературе. Язык как культурно-историческое достояние народа : сб. статей. Нижний Новгород, 2020. С. 98–104.
2. *Наговицына Н. В.* Особенности языкового воплощения концепта «патриотизм» в современном русском языке: синтагматический, парадигматический и деривационный аспекты // Русский язык в поликультурном мире : сб. научных статей / отв. ред. Е. Я. Титаренко : в 2 т. Симферополь, 2018. Т. 2. С. 270–277.

3. *Национальный корпус русского языка (НКРЯ)*. URL: [http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru) (дата обращения: 20 июля 2023 г.). Текст : электронный.
4. *Радбиль Н. В.* Модели неузальной сочетаемости лексемы *патриот* в современной русской речи // Категории языка и мышления : аспекты современной интерпретации : сб. научных статей междунар. науч. конф. / сост., науч. ред. и предисл. Н. В. Патроевой. Петрозаводск, 2023. С. 139–141.
5. *Радбиль Т. Б.* Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // Логический анализ языка : понятие веры в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. Москва, 2018. С. 23–35.
6. *Радбиль Т. Б.* «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт : когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 4. С. 759–774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759–774.
7. *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой (МАС). Т. 3. П–Р. Москва : Русский язык, 1987. 752 с.
8. *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. (БАС). Т. 9. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1959. 746 с.

Т. Б. РАДБИЛЬ®

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия

timur@radbil.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛА *СОСТОЯТЬСЯ*)¹

В работе рассматриваются неузальные семантические преобразования глаголов осуществления в языке русской поэзии на примере глагола *состояться*. Показано, что в дискурсе художественного типа модели сочетаемости глагола *состояться* могут проявлять отклонения от стандартных моделей его употребления во внехудожественной речи, что приводит к эффектам языковой аномальности. Материалом исследования являются языковые данные основного и поэтического корпусов в Национальном корпусе русского языка.

Ключевые слова: глагол *состояться*, семантические преобразования, языковые аномалии, модели сочетаемости, репрезентативные контексты, язык русской поэзии.

Radbil Timur Benyuminovich, N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia

timur@radbil.ru

Semantic transformations of the verbs of implementation in the language of Russian poetry (by the example of the verb *sostoyat'sya* (to take place))

The paper deals with non-usual semantic transformations of the verbs of implementation in the language of Russian poetry on the example of the verb *sostoyat'sya* (to take place). It is shown that in the discourse of the poetic type the models of the compatibility of the verb *sostoyat'sya* (to take place) can show deviations from the standard models of its use in non-fictional speech, which leads to the effects of language anomaly. The material of the study is the language data of the main and poetic corpora in the Russian National Corpus.

Keywords: verb *sostoyat'sya* (to take place), semantic transformations, language anomalies, compatibility patterns, representative contexts, language of Russian poetry.

В работе представлены очередные результаты исследовательского проекта по когнитивно-дискурсивному анализу имплицитных коннотативных экспрессивных и/или оценочных компонентов русских слов и выражений в дискурсах разного типа по корпусным данным [6]. Теоретической основой исследования являются наши разработки в области комплексного описания ключевых концептов русской культуры [5; 8].

На данном этапе предпринятого научного проекта в сферу исследовательского внимания попадают так называемые событийные глаголы, или глаголы осуществления. Непосредственным предметом настоящего исследования является глагол *состояться*. Специфика этого глагола, в сравнении, например, с базовыми глаголами данной семантической группы *произойти* // *случиться*, заключается в том, что стоящая за ним когнитивная схема так или иначе выражает корреляцию того, что объективно происходит в мире, с проспективной сферой человека (наряду с глаголами *осуществиться*, *сбыться*, *свершиться*, *исполниться*).

На предварительном, эмпирическом уровне была выдвинута гипотеза о том, что в дискурсе художественного типа модели сочетаемости глагола *состояться* могут проявлять отклонения от стандартных моделей его употребления во внехудожественной речи, которые мы условно примем за норму, за точку отсчета. Предполагается, что анализ контекстов, извлеченных из референциальных корпусов русского языка, позволит объективировать данные наблюдения, подкрепить их данными по частоте употребления и пр. Материалом настоящего исследования являются языковые данные основного и поэтического корпусов в Национальном корпусе русского языка [3].

Согласно принятой технологии разработанного нами подхода, корпусный анализ предваряется анализом словарных толкований. Для данного глагола словари отмечают три значения: (1) 'произойти, осуществиться' (исходное значение); (2) 'Устар. Быть опубликованным, обнародованным, введенным в действие' (номинативно-производное значение); (3) 'стать к.-л. полноценным, оправдать возлагаемые надежды' (метафорическое значение) [9; 10]. В центре нашего внимания находится первое, прототипически событийное значение: 'произойти, осуществиться'. Отметим, что эта формулировка значения неточна, потому что в ней совмещены два семантически противопоставленных типа концептуализации события: произойти объективно, независимо от человеческих ожиданий (*произошла авария*, нельзя **состоялась авария*) и осуществиться – произойти в области человеческих ожиданий, намеченных планов, намерений и пр. (*состоялся концерт*, нельзя **произошел концерт*). Кстати, наиболее точно это тонкое различие отражает словарная дефиниция в словаре В. И. Даля, где *состояться* толкуется через синонимический ряд *исполниться, сбыться, свершиться*: *Сдѣлка наша состоялась. Едва ли эта свадьба состоится* [2], а семантическая область объективно совершившихся событий исключена из интерпретации значения.

В основном корпусе в составе Национального корпуса русского языка также широко отражается первое значение слова, именно в семантической модели *осуществиться* (но не *произойти*), например: *По взаимной договоренности визит состоится в начале 2005 года* [3]; *17 декабря в саранском профессиональном лицее № 21 состоялась научно-методическая конференция* [3]. – Отметим, что эта модель накладывает определенные ограничения на сочетаемость глагола с существительными. Проще говоря, не любой объект может состояться. При глаголе *состояться* употребляются существительные с событийными значениями, но не с концептуальными (нельзя **состоялась идея, проблема* и пр.). При этом события, описываемые данным существительным, происходят в социальном мире, а не в мире природы (нельзя **состоялось похолодание, землетрясение; состоялась гроза, ночь* и пр.).

Далее обратимся к особенностям функционирования глагола *состояться* в интересующих нас в данном исследовании дискурсах художественного типа. Иначе говоря, рассмотрим, что может состояться или не состояться с точки зрения русских поэтов.

С одной стороны, в поэтическом корпусе в НКРЯ в целом отражаются указанные выше особенности контекстной реализации глагола *состояться*. Так, в следующих примерах представлена стандартная семантика этого глагола в типовых моделях сочетаемости: *Скоро уже битва состоится. // Маленькое солнце Аустерлица // над долиной маленькой встает* (Ю. Д. Левитанский. Человек (1963)) [3]; *Не сказали мне солдаты, в чем причина, // И вопрос не состоялся поутру...* (А. С. Есенин-Вольпин. Я вчера еще резвился на полянке (1949–1951)) [3]; *И вот опять не состоится // Сегодня встреча* (И. П. Уткин. Дождь идет (1938)) [3].

С другой стороны, в дискурсах художественного типа многие из отмеченных нами выше ограничений на сочетаемость этого глагола намеренно нарушаются в целях выразительности или для решения иных, специфических эстетических задач, что создает основу для семантических преобразований глагола *состояться* по модели непереосмысляемых аномалий [7]. Это можно видеть в многочисленных примерах из поэтического корпуса в НКРЯ.

Так, может нарушаться еще одно абсолютное ограничение на сочетаемость для всех событийных глаголов – невозможность употребления при них в качестве субъектных актантов одушевленных имен (человек, собака, воробей не могут произойти, случиться, свершиться, сбыться и пр.). Кстати, отметим, что сама возможность употребления при глаголе *состояться* в третьем, метафорическом значении одушевленного актанта типа *Он состоялся как личность* выводит его за пределы класса подлинно событийных глаголов. Но в тексте поэта-обериута Александра Введенского, например, имеется аномальная предикация глаголом *состояться* одушевленного субъектного актанта: *Он. // Вновь курсистка появилась, // как лапша, // и студент над ней склонился, // как душа. // И курсистка состоялась, // как цветок. // Тройка быстрая умчалась // на восток* (А. И. Введенский. Очевидец и крыса (1934)) [3].

Аномалии подобного рода вообще трудно поддаются рациональной интерпретации, особенно если учесть, что контекст не дает возможности интерпретировать данное употребление в метафорическом значении 'стать к.-л. полноценным, оправдать возлагаемые надежды'. Одна из возможных интерпретаций может быть такой: в данном фрагменте представлена аномальная концептуализация ситуации восприятия надвигающейся на наблюдателя

фигуры курсистки (вот она только возникла, появилась в поле зрения, а через несколько мгновений предстала перед наблюдателем в полный рост, так сказать, полноценно состоялась в его поле зрения – о связи идеи бытия с идеей восприятия в когнитивной модели ситуации см., например, [4]).

Также глагол *состояться* может участвовать в аномальной концептуализации ситуации и посредством сочетаемости с неодушевленным актантом, например: *Состоится массовое повешение // галстуков на деревьях* (Е. А. Евтушенко. Мама и нейтронная бомба, 6. (1982)) [3].

Отметим, что на языковом, собственно семантическом уровне здесь аномальности нет, потому что событие повешения в норме сочетается с глаголом *состояться*: аномалия закладывается именно на уровне концептуализации абсурдной ситуации ‘повешение галстуков на деревьях’, которая воспринимается, благодаря выбору глагола *состояться*, как событие предустановленное.

Еще один тип семантических преобразований глагола *состояться* в моделях аномального расширения сочетаемости связан с таким видом аномалий, который в наших работах, вслед за Ю. Д. Апресяном [1], трактуется уже как собственно языковая аномалия, а именно как **аномалия-противоречие** [7]. Этот вид аномальности связан с тем, что посредством глагола *состояться* в качестве заранее предустановленного в проспективной сфере субъекта речи, запланированного им или являющегося предметом предварительной договоренности, концептуализируется неблагоприятное событие, которое в норме никак не могло входить в область ожиданий участников событий: *Убийцы с жертвой состоялась встреча...* (С. И. Кирсанов. Весть о мире, 8 (1945)) [3].

Чаще всего в этих случаях сам актант имеет имплицитную негативно-оценочную семантику или выражает что-то неблагоприятное для субъекта на концептуальном уровне (*разлученье, катастрофа, смерть*): *То ли я с тобой осталась, // То ли ты ушел со мной, // Но оно не состоялось, // Разлученье, ангел мой!* (А. А. Ахматова. «То ли я с тобой осталась...» (1909)) [3]; *И, хоть намечено судьбой – // Не состояться катастрофе* (В. А. Меркурьева. Рондо (27.04.1933)) [3].

Отметим, что в проспективную сферу предустановленных для коммуникантов или запланированных ими событий, номинации которых заполняют валентность субъектного актанта, не обязательно аномально попадают негативно-оцениваемые явления. Возможны и слова с эксплицитной или имплицитной положительной оценкой, семантика которых предполагает неконтролируемость, невозможность предугадать наступление описываемого события или состояния, например *жизнь, чудо, любовь*: *В общем, жизнь состоялась, // Несмотря на все протори // И убытки, // На провалы и ярость, // На спиртные напитки* (Д. Самойлов. «В общем, жизнь состоялась...» (1986)) [3]; *Я смерть свою забуду // Всего лишь оттого, // Что состояться чуду // Не стоит ничего* (Д. Самойлов. «Я смерть свою забуду...» (1977)) [3]; *Ужасно, я одна осталась, // любовь ко мне не состоялась...* (А. И. Введенский. Куприянов и Наташа (1931)) [3].

Еще одна группа примеров неузального расширения сочетаемости для глагола *состояться* коррелирует с таким выделяемым нами типом семантической аномальности, как **аномалия-алогизм**, когда в одном контексте сосуществуют номинации, обозначающие явления из принципиально несовместимых областей [7].

Многие такие семантические преобразования связаны с аномальной субституцией, т. е. ненормативным выбором слова из парадигматического синонимического ряда: *...день состоится секреты ему известны // тень обернись только музыка не велела* (А. П. Цветков. «горло гноит досада от летней простуды...» (2004–2005)) [3] = вместо *наступит*; *...Да медь // литавр не состоялась. Был – цирк* (В. А. Соснора. Мой мир (1974)) [3] = вместо *не произошла, не было, не имела место*.

Также к парадигматическим семантическим аномалиям относятся случаи неполного заполнения или незаполнения позиции субъектного актанта, где становится непонятно, что именно состоялось или не состоялось: *...вот она – бок о бок жить и состояться тут* (О. Г. Чухонцев. «А березова кукушечка зимой не кукуват...» (1997–2016)) [3].

Эта позиция должна заполняться из предыдущего контекста, но он не всегда выполняет эту функцию, в результате чего мы имеем дело с неточной номинацией: *А всего вернее, может, затвориться, // пусть лукавит, соблазняет и лепечет, // что подмочено – уже не состоится* (Е. Б. Рейн. Весь день дождь... (1990)) [3]. – Разновидностью неточной номинации выступает чрезмерно обобщенная номинация, когда ситуации *состояться* предсказывается маркер квантора всеобщности – определительно местоимение-существительное *все*: *...раньше росла трава и птицы пели // нравилось лучше все состоится пусть* (А. П. Цветков. «клекот из горла ли лепет из чашки петри...» (2004–2005)) [3].

Синтагматические нарушения связаны с неузальной сочетаемостью глагола *состояться* с актантами, обозначающими ментальные, речевые или метаязыковые явления, действия, состояния, вместо реального события, например: *Вы сами уже посещаемы чем-то похожим на зарево: // и образ возможно // для всех состоялся: // от*

всех независимый... (Г. Н. Айги. Степень: Остойки (1967)) [3]; <И ту>т состоялась часть вторая – прощание всех // с одним (А. И. Введенский. Где. Когда (1941)) [3].

Практически единичными являются случаи грамматической аномальности в реализации моделей сочетаемости глагола *состояться* в поэтическом корпусе. В норме глагол *состояться* в первом, исходном, событийном значении не сочетается с личными местоимениями 1-го и 2-го лица, что вполне соотносится с его семантикой событийности (это справедливо и для других глаголов этой смысловой группы – *произойти, случиться, сбыться* и пр.). Однако нами обнаружен контекст, воспроизводящий постмодернистский тип восприятия действительности «разорванным сознанием»: *...говори говори если хочешь что хочешь я // слушаю // слушаю твоя задняя о ослепительный ум // двупольный как все совершенное // ты состоялось стоишь // держите меня святители // о других говорить не стоит* (А. Н. Миронов. «эти сёстры редко бывают вместе...» (1986)) [3]. – Здесь мы видим референциально неопределенное ТЫ, обращенное к некоему мороку в сознании поэта, расплывчатому и неопределенному нечто, которое завершило стадию становления и выкристаллизовалось перед его глазами.

В целом проанализированный материал свидетельствует о существенном смысловом и эмоционально-экспрессивном потенциале, который заложен в событийных глаголах типа *состояться* в поэтических практиках. В языке поэзии значительно расширяется референциальная область объектов, явлений, состояний, событий и даже лиц, о которых можно сказать, что они состоялись. Это позволяет авторам воссоздать в своих текстах образ сложной и многогранной реальности, описать внутренне противоречивые состояния сознания, тонкие и невыразимые душевные переживания.

Примечание

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00368 (URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00368/>).

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды : в 2 т. Москва : Языки русской культуры, 1995. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 622–628.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Москва : Рипол-Классик, 1999. Т. 4. 1144 с.
3. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20 июля 2023 г.). Текст : электронный.
4. Падучева Е. В. Семантические исследования : семантика времени и вида в русском языке ; семантика нарратива. Москва : Языки русской культуры, 1996. 464 с.
5. Радбиль Т. Б. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // Логический анализ языка : понятие веры в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. Москва, 2018. С. 23–35.
6. Радбиль Т. Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт : когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 4. С. 759–774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774.
7. Радбиль Т. Б. Языковая аномалия как норма художественного дискурса // Филологические науки. 2006. № 6. С. 50–58.
8. Радбиль Т. Б. Когнитивные признаки и языковая объективация концепта «добродетель» в современном русском языке / Т. Б. Радбиль, В. В. Сайгин // Фундаментальные исследования. 2015. № 2 (26). С. 5968–5971.
9. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой (МАС). Т. 4. С–Я. Москва : Русский язык, 1988. 800 с.
10. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. (БАС). Т. 12. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1965. 2126 стлб.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЕ -ТЬ В ТРЕТЬЕМ ЛИЦЕ ГЛАГОЛОВ В «ПОМОРСКИХ ОТВЕТАХ» (1723)

«Поморские ответы», написанные старообрядческими книжниками Выго-Лексинского общежития в начале XVIII в., явились первым российским опытом текстологического и палеографического анализа текста. В числе многочисленных фактов, доказывающих подложность предъявленных Синодом якобы древнерусских текстов, обнаруживаются аргументы, связанные с хронологической интерпретацией аористных форм глагола.

Ключевые слова: Поморские ответы, аорист, церковнославянский язык, старообрядцы.

Semakov Vladimir Veniaminovich, Petrozavodsk State University, Russia

vsemakov@gmail.com

Church Slavonic *-тъ* in the 3rd person of verbs in "Pomorskije otvety" (1723)

"Pomorskije otvety" written by the Old Believer scribes of the Vygo-Leksinsky community at the beginning of the 18th century, was the first Russian experience in textual and paleographic analysis of the text. Among the numerous facts proving the falsity of the allegedly ancient Russian texts presented to the Old Believers, there are arguments related to the chronological interpretation of the aorist forms of the verb.

Keywords: Pomorskije otvety, aorist, Church Slavonic language, Old Believers.

Среди работ Ф. Ф. Фортунатова, посвященных исторической морфологии славянских языков, особое место занимают исследования по истории глагольных форм: «Спряжение глагола в индоевропейских языках. Курс» (1884), «Склонение и спряжение индоевропейских языков. Лекции» (1897), «О залогах русского глагола» (1899), «Сравнительная морфология. Спряжение в индоевропейских языках: древнеиндийском, греческо-латинском, старославянском. Из лекций» (1901). Цикл работ, связанных с историей славянского глагола, завершается фундаментальной статьей «Старославянское -тъ в 3-м лице глаголов», которая была опубликована в «Известиях ОРЯС» в 1908 г. В этой статье Фортунатов убедительно доказывает, что окончание -тъ в старославянском аористе 3-го лица ед. числа не может восходить к праславянскому -тъ, а является очень древней особенностью еще балто-славянского языка.

Интересно, что проблема взаимоотношений глагольных форм аориста с наращением и без него (бысть – бы; дасть – да, даде) была впервые поставлена не в рамках научной парадигмы сравнительно-исторического языкознания, а гораздо ранее – в контексте споров о языке в начале XVIII в. Речь идет о текстолого-лингвистической составляющей знаменитой книги русского старообрядчества «Поморские ответы», 300-летие которой отмечалось в 2023 г.

Появление «Поморских ответов» связано с активной антистарообрядческой деятельностью синодальной церкви в 10–20-х гг. XVIII в. Так, в 1722 г. для прений со старообрядцами Выго-Лексинского общежития в Олонецкую губернию на Петровский завод был отправлен от Синода специальный посланник местоблюстителя патриаршего престола Стефана Яворского иеромонах Неофит. По просьбе старообрядцев он написал тезисы будущего диспута в форме 106 вопросов, которые касались различных сторон религиозных разногласий между официальной и «древлеправославной» церквями. Почти год выговские книжники во главе с киновиархом общежития Андреем Денисовым писали книгу, которая и получила в дальнейшем название «Поморские ответы». По свидетельству Ивана Филиппова, автора «Истории Выговской пустыни», Андрей «все сам писаше, а на собор на свидетельство всегда полагаше и читаше и разсуждаше и советоваше». В этой работе Андрею Денисову помогали его брат Семен, Трифон Петров, Мануил Петров, Леонтий Федосеев.

«Поморские ответы» стали главной книгой старообрядческой догматики. Здесь подробно разбираются вопросы о старых и новых богослужебных книгах, об обрядовых различиях между официальной церковью и старообрядческой. Уникальность «Поморских ответов» состоит в том, что наряду с вопросами богословского характера в этой книге представлен первый опыт отечественной текстологии. Выговцы, показав блестящее владение приемами палеографической, исторической и филологической критики источников, доказали подложность используемых в прениях со старообрядцами рукописей «Соборного деяния на еретика Мартина» и «Феогностова требника».

История фальсифицированных рукописей была подробно исследована В. Г. Дружининым, который указал на главных инициаторов подделки – Дмитрия Ростовского и Стефана Яворского. Сочинения, якобы относящиеся

к XII и XIV вв., указывали, что двуперстие, сугубая аллилуйя и прочие древние византийские чины являются нововведениями некоего Мартина Армянина, который за свою ересь был осужден собором православных епископов в Киеве в середине XII в. Слух о появлении списков дошел до выговцев в 1711 г., и тогда же был подготовлен первый полемический сборник, где содержался разбор «Соборного деяния». Когда же в 1716 г. стараниями киевского митрополита Иосифа Кроковского в библиотеке Николаевского Пустынного монастыря в Киеве была «найдена» древняя пергаменная рукопись «Деяния», а в 1718 г. появилось ее печатное издание, книжники Выга проявили максимум усилий для знакомства с оригиналами и последующего анализа их подлинности. К моменту появления на Петровском заводе (будущем Петрозаводске) иеромонаха Неофита в конце сентября 1722 г. у Андрея Денисова, по всей видимости, были уже аргументированные возражения и на «Соборное деяние», и на «Феогностов требник» [1].

С историко-лингвистической стороны особый интерес представляет та языковая аргументация Андрея Денисова, которая используется для доказательства фальсификации рукописей. Она включает ответ на девятый вопрос Неофита и находится после историко-филологического анализа подделок:

«Речи и пословицы в деянии писаны не древнихъ россиянь, но нынешняго подобия. В древнихъ бо писахуся глаголы прешедшего времени, третияго лица: дасть, предасть, предасться. Яко в евангелияхъ древлехаратейныхъ: дастьмися всяка власть... и в прочихъ такожде, въ деянии же написано: даде, предаде, воздаде, предадеса и проч... В древнихъ реченияхъ: обновляше, русія, роусь, русіянь, латыни, латынь, феопентъ и прочая по обыкности тогдашней. Въ деянии же: возновляеши, вознови, присуотствующими, россия, россиявъ, латыни, латиновъ, м(о)л(и)-твословие, феопемтъ и прочая, елико древним не согласуетъ, толико новостъ свою сими о(т) древности объявляютъ.

Тем же деяние соборное, яко летописию отъ воплощения новопечатнымъ соглашается: яко нынешнего обычая съ предречимъ писано является: яко речми не древними, но новыми обогащается» [3, л. 62].

Среди языковых аргументов, доказывающих подложность рукописей, наиболее интересны аргументы грамматического характера, в частности указания на анахронизм форм аориста 3-го лица ед. числа от глагола «дати» и связанных с ним приставочных образований. Формы типа «даде» вместо «дасть», по мнению выговских книжников, являются новообразованиями и невозможны в «древлехаратейных» рукописях, к которым, без сомнения, должно относиться «Соборное деяние», якобы написанное в XII в. Аргументация выговцев проста: просмотрев множество рукописей «предревнейшего письма», они не нашли в них аористных форм, аналогичных формам «Соборного деяния». В качестве примера использования древнего варианта аориста они ссылаются на Евангелие от Матфея – «...дасть ми ся вся власть». Текст «Острожской Библии» (1580–1581) дает здесь форму аориста с наращением, в последующих же изданиях аорист «дасть» исправлен на «даде».

Если говорить о сути предложенной интерпретации, то она вполне согласуется не только с точкой зрения Ф. Ф. Фортунатова, но и с современными представлениями об эволюции простых претеритов в церковнославянской и русской письменных традициях. Так, отмечается, что форма аориста 3-го лица ед. числа глагола «дати» – «да» по причине омонимии с аналогичным союзом и частицей, используемой для образования императивных конструкций, в древнейших старославянских и церковнославянских памятниках не встречается. В подобных текстах отмечается широкое употребление аористных образований, осложненных -сть (-тъ). Формы типа «даде» (от презентной основы) становятся обычными лишь с XV–XVI вв. и первоначально встречаются в текстах нецерковного характера [2, с. 162].

Внимание старообрядцев Выга к претеритным формам глагола, несомненно, связано с более ранними дискуссиями между «древлеправославными» и «никонианами» по поводу семантики форм прошедшего времени. Уже в XVI в. Максим Грек, переведивший Толковую Псалтырь, был обвинен в ереси за замену форм аориста на перфект («седе» – «седель», «насади» – «насадиль»). В XVII в. в связи с книжной «справой» патриарха Никона споры вокруг семантики глагольных форм стали особенно актуальными. Старообрядцы упрекали справщиков в том, что мена временной формы глагола (аористой или имперфектной на перфектную), которая объяснялась редакторами новых переводов грамматическими правилами, приводит к искажению понимания сути деяний Господа, к деформации сакрального смысла религиозного текста [4]. Обостренное внимание к форме глагола, как видим, проявилось и в писаниях наследников первого поколения русских старообрядцев – книжников Выго-Лексинского общительства.

Список литературы

1. Дружинин В. Г. Поморские палеографы начала 18 столетия // ЛЗАК за 1918 г. Петроград, 1921. Вып. 31. С. 1–66.

2. *Лопушанская С. П.* Основные тенденции эволюции простых претеритов в древнерусском книжном языке. Казань, 1975.
3. *Поморские* ответы : напечатаны с подлинника. [Москва], 1911.
4. *Семаков В. В.* Древнерусские претериты в метаязыковых текстах XVII – начала XVIII века // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2016. № 1. С. 60–67.
5. *Соборное* деяние Киевское на Арменина еретика Мартина. Санкт-Петербург, 1718.
6. *Фортунатов Ф. Ф.* Старославянское -ть в 3-м лице глаголов // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1908. Т. 13. Кн. 2. С. 1–44.

Г. И. ШИПУЛИНА©

Бакинский славянский университет, Азербайджан
shipulina39@gmail.com

МЦЫРИ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ ЛЕРМОНТОВА: ЖИЗНЬ – СВОБОДА – СМЕРТЬ

Новое понятие «лермонтовский экзистенциальный герой», введенное в одной из диссертаций несколько лет назад, позволяет в предлагаемой статье, на примере использования М. Лермонтовым в поэме «Мцыри» категорий «жизнь – свобода – смерть», обосновать его способность раскрывать общебытийные духовные универсалии сквозь призму индивидуального сознания, разрыв между «сущностью» и «существованием» в качестве особого способа мировосприятия, как созвучие лермонтовских мотивов нравственной проблематике экзистенциализма.

Ключевые слова: экзистенциализм, экзистенциальный герой; экзистенциализм и художественная литература; жизнь, свобода, смерть как экзистенциалы в поэме «Мцыри».

Shipulina Galina Ivanovna, Baku Slavic University, Azerbaijan
shipulina39@gmail.com

Mtsyri as Lermontov's existential hero: life – freedom – death

The new concept of "Lermontov's existential hero", introduced in one of his dissertations a few years ago, allows us to substantiate in the proposed article, using the example of M. Lermontov's use of the categories "life – freedom – death" in the poem "Mtsyri", to substantiate his ability to reveal universal spiritual universals through the prism of individual consciousness, the gap between "essence" and "existence", as a special way of perceiving the world, as a consonance of the motifs of the late poet with the moral problems of existentialism.

Keywords: existentialism; existential hero; existentialism and fiction; life, freedom, death as existentials in the poem "Mtsyri".

В XX в. западные философы заговорили о необходимости рассуждать о Боге и вере на общепонятном, светском языке, доступном даже далеким от христианства людям. Но именно эту задачу уже в XIX в. успешно решала русская литература, доводившая высокие религиозно-экзистенциальные смыслы до умов и душ обычных людей на понятном всем языке художественных образов. И здесь одно из первых мест, на наш взгляд, должно принадлежать творчеству Михаила Юрьевича Лермонтова, заставлявшего задумываться над вопросами, которые он ставил устами или поступками своих героев.

Учитывая наш интерес к поэме Лермонтова «Мцыри» (1839) [2, с. 50–70], ограничимся краткой экзистенциальной характеристикой XIX в.: поиск доказательств права человека на разрыв с Богом, на отказ от абсолютных смысловых, ценностных и нормативных ориентиров; смена картины мира и начало перемещения гуманитарного сознания из беспредельной, теоцентричной Вселенной Бога в замкнутую, антропоцентричную «галактику Гуттенберга» – эпоху индивидуализма и национализма.

Экзистенциализм (фр. *existentialisme* от лат. *existentia* – существование), или философия существования, – направление философии XX в., акцентировавшее внимание на уникальности бытия человека и провозглашавшее его недоступным пониманию разума. Русский философ Лев Шестов отмечал, что Сёрен Кьеркегор (современник Лермонтова, родившийся в 1813 г., на год раньше нашего поэта) **первым из европейских умов взглянул на человеческое бытие** (зброшенность в безнадежный мир, одинокость перед страхом смерти, незащищенность) **с экзистенциальной точки зрения и стал прологом философии экзистенциализма XX в.** А Лермонтов, по его же мнению, **первым в русской литературе описал ощущения, чувства и мысли человека** [1; 7, гл. 2]. Не знавшие друг о друге философ и поэт интересовались одними проблемами.

В XX в. термин «экзистенциализм» ретроспективно применили к Ф. М. Достоевскому, концептуальный афоризм которого *«если Бога нет, то все дозволено»* Жан-Поль Сартр объявил самой сутью экзистенциализма. Сего-

дня Достоевский считается признанным экзистенциальным писателем XIX в., чего нельзя сказать о его предшественнике. На наш взгляд, поэма «Мцыри» (как и все крупные произведения Лермонтова) нуждается в современном прочтении с учетом ее сущностных, экзистенциальных смыслов.

Первые попытки описать экзистенциальный облик поэта предприняты В. С. Соловьевым [4], сблизившим мотивы лермонтовского творчества с устремлениями Фридриха Ницше и уподобившим их поступкам ницшеанского Человекобога, и В. В. Перемиловским [3]. Наше время позволило обосновать новое понятие «**лермонтовский экзистенциальный герой**» (в противоположность романтическому «байроническому герою») [5]. Экзистенциализм в литературе – это, прежде всего, размышления о поведении героя, переживающего ту или иную пограничную ситуацию и вынужденного самостоятельно принимать решения, за которые он будет отвечать впоследствии.

Говоря об экзистенциальных началах творчества Лермонтова, мы имеем в виду, естественно, не систему его взглядов, а особый способ мировосприятия, основанный на способности поэта раскрывать общебытийные духовные универсалии сквозь призму индивидуального сознания, обратиться (при отсутствии этих терминов в его время) к осмыслению таких категорий, как «тревога существования», «религиозно-этическое беспокойство», разрыв между «сущностью» и «существованием», между «подлинным» и «неподлинным» бытием.

Истоки лермонтовской «экзистенциальности» – в органических связях поэта с духовными традициями русской литературы, со свойственной ей особой глубиной осмысления проблемы человека. Мы вполне осознанно относим Лермонтова к «русским экзистенциалистам» в широком культурном контексте этого понятия: он искал свой путь к высотам «подлинного» бытия, обнажал самые потаенные глубины сознания и подсознания личности, уникальность, драматизм и хрупкость человеческого существования – то, что мы называем экзистенциальным типом мироощущения. Поэтому считаем перспективным во многом по-новому осмыслить содержание его духовных поисков.

Из множества экзистенциальных проблем в поэме М. Лермонтова «Мцыри» остановимся на трех: философское осмысление человеком своего бытия (**жизнь**); выбор мыслей и действий, ответственность за свои поступки (**свобода**); познание мира через собственные ощущения, осознание конечности своего «я» (**смерть**). Задолго до появления философии экзистенциализма эти нравственно-философские проблемы волновали Лермонтова, исследовавшего существование и сущность своего героя. Эти проблемы остаются актуальными и сегодня – одна из причин необычайной популярности попыток перенесения экзистенциальной проблематики на анализ творчества великих русских писателей прошлого.

1. Жизнь. Центральное понятие экзистенциализма – «экзистенция», введенная С. Кьеркегором для обозначения бытия, человеческого существования в его фундаментальной, глубинной онтологической специфичности: она обращена к практическим шагам человека, к его повседневной жизни – отсюда ее актуальность. Экзистенция трудно определима терминологически, но применяется обычно к жизни героя: движение, недетерминированное и недискретное, равномерное, обладающее особым ритмом; жизнь героя в себе, ощущение себя. Мы исключаем из описания этапы жизни ребенка, предшествовавшие появлению Мцыри в монастыре, и его воспоминания о жизни в родном доме, выделяя три этапа его повседневной жизни, описанные в поэме:

а) начальный период его нахождения в монастыре: *Из жалости один монах // Больного призрел, и в стенах // Хранительных остался он, // Искусством дружеским спасен. // Но, чужд ребяческих утех, // Сначала бегал он от всех, // Бродил безмолвен, одинок, // Смотрел, вздыхая, на восток, // Томим неясною тоской // По стороне своей родной. // Но после к плечу он привык, // Стал понимать чуждой язык, // Был окрещен святым отцом // И, с шумным светом незнаком, // Уже хотел во цвете лет // Изречь монашеский обет, // Как вдруг однажды он исчез // Осенней ночью* (нумерация глав поэмы указана в скобках: 2);

б) жизнь Мцыри в течение трех дней вне стен монастыря: *Ты хочешь знать, что делал я // На воле? Жил – и жизнь моя // Без этих трех блаженных дней // Была б печальней и мрачней // Бессильной старости твоей* (8); *Бежал я долго – где, куда? // Не знаю! <...> Много я часов // Бежал, и наконец, устав, // Прилеж между высоких трав; // Прислушался: погони нет. <...> Я сам, как зверь, был чужд людей // И полз, и прятался, как змей* (9);

в) жизнь Мцыри по возвращении в монастырь: *...больной // Привстал, собрав остаток сил, // И долго так он говорил* (2); *Я знал одной лишь думы власть, // Одну – но пламенную страсть: // Она, как червь, во мне жила, // Изгрызла душу и сожгла. <...> Ее пред небом и землей // Я ныне громко признаю // И о прощенье не молю* (3).

2. Свобода. Человек свободен в своих поступках, но несет за них ответственность перед миром – так трактует экзистенциализм бытие, действия, жизнь; личность обладает самосознанием, любое действие ее несет отпечаток тождественности самой себе: герой себя определяет и утверждает, обнаруживая уникальность и незаменимость; через свободу он управляет своей деятельностью; возможность решения вопросов (предошущение, предчувствие) определяется его внутренней свободой. Человек может понять свою экзистенциальную задачу, но может и не по-

нять; ее осуществление приводит к должной жизни, а игнорирование – к недолжной. Переход из недолжной жизни в должную – трудная проблема: Мцыри ребенком не по своей воле попадает в монастырь, какое-то время живет там, смирившись со своей экзистенцией, и даже хочет «...во цвете лет // Изречь монашеский обет» (2). Но стремление к свободе заставляет перейти из недолжной жизни к должной, о которой он мечтал (из признания старцу): *Давным-давно задумал я // Взглянуть на дальние поля, // Узнать, прекрасна ли земля, // Узнать, для воли шль тюрьмы // На этот свет родимся мы*» (8). Это свободный, осознанный выбор: *И в час ночной, ужасный час, // Когда гроза пугала вас, // Когда, столпясь при алтаре, // Вы ниц лежали на земле, // Я убежал*» (8) – поступок явно не спонтанный.

Такой же осознанный выбор видим и в сцене борьбы с барсом: *Сырую кость // Он грыз и весело визжал; // То взор кровавый устремлял, // Мотая ласково хвостом, // На полный месяц...* (16). Читателю понятно, что барс не собирается ни с кем сражаться, он просто радуется жизни. Инициатором схватки оказался Мцыри, переполненный свободой: *Я ждал, схватив рогатый сук, // Минуту битвы; сердце вдруг // Зажглося жаждою борьбы // И крови...* (16); *Удар мой верен был и скор. // Надежный сук мой, как топор, // Широкий лоб его рассек... // Он застонал, как человек, // И опрокинулся* (17).

3. Смерть. Человек осознает конечность своего бытия, и в этом состоит драматизм его переживаний. У Лермонтова тема жизни и смерти прослеживается во всем его творчестве и выражается в целой гамме чувств. Умом он понимает неизбежность своей кончины: но, не боясь смерти, опасается не успеть совершить задуманное – и эти свои мысли передает словами героя поэмы: *Старик! Я слышал много раз, // Что ты меня от смерти спас – // Зачем?.. Угрюм и одинок, // Грозой оторванный листок, // Я вырос в сумрачных стенах, // Душой дитя, судьбой монах. <...>Я видел у других // Отчизну, дом, друзей, родных, // А у себя не находил // Не только милых душ – могил! <...> И я, как жил, в земле чужой // Умру рабом и сиротой* (4); *Меня могила не страшит: // Там, говорят, страданье спит // В холодной вечной тишине; // Но с жизнью жаль расстаться мне. // Я молод, молод... <...> Ты жил, старик! // Тебе есть в мире что забыть, // Ты жил, – я также мог бы жить!* (5).

В эпизоде борьбы с барсом соединяются все три экзистенциальных вопроса: жизнь важна не только для Мцыри, но и для барса, играющего и веселящегося на воле; поэтому юноше не обязательно было вступать с ним в схватку – но Лермонтов предпочитает борьбу за свободу, даже ценой жизни – правда, не героя, а несчастного барса (законы жанра); свобода выбора остается за человеком, а барс вынужден защищаться; смерть предопределена, но пострадал невинный: *Какой-то зверь одним прыжком // Из чащи выскочил и лег, // Играя, навзничь на песок. // То был пустыни вечный гость – // Могучий барс. Сырую кость // Он грыз и весело визжал... <...> Я ждал, схватив рогатый сук, // Минуту битвы; сердце вдруг // Зажглося жаждою борьбы // И крови...* (16); *И вот в тени ночной // Врага почуял он, и вой, // Протяжный, жалобный как стон // Раздался вдруг... <...> И первый бешеный скачок // Мне страшной смертию грозил... (17); Но враг мой стал изнемогать, // Метаться, медленней дышать, // Сдавил меня в последний раз... // Зрачки его недвижных глаз // Блеснули грозно – и потом // Закрылись тихо вечным сном; // Но с торжествующим врагом // Он встретил смерть лицом к лицу, // Как в битве следует бойцу!..* (18).

Владислав Ходасевич пишет о своеобразном «озверении» Мцыри: «Мало заставить читателя вынести муки и страсти нечеловеческие: надо еще показать, как на пути “превосходства в добре и зле” можно терять человеческий облик вовсе... Мцыри, томимый миром, звереет. Это минутное озверение для него сладостно, и едва ли каким-нибудь другим словом, кроме сладострастия, можно обозначить тот трепет, с которым Лермонтов описывает борьбу Мцыри с барсом» [6, с. 438]: *Бой продолжался на земле. // И я был страшен в этот миг; // Как барс пустынный, зол и дик, // Я пламенел, визжал, как он; // Как будто сам я был рожден // В семействе барсов и волков // Под свежим пологом лесов. // Казалось, что слова людей // Забыл я – и в груди моей // Родился тот ужасный крик, // Как будто с детства мой язык // К иному звуку не привык...* (18).

Современные исследования на стыке филологии и философии позволяют расширить рамки изучения экзистенциальных проблем не только в современной литературе, но и в литературе XIX в. и даже более ранних периодов (поэт XV в. Франсуа де Вийон).

Вместо заключения коротенькая китайская притча:

Люди увидели, что на земле лежит воробушек, подняв лапки вверх.

– Воробушек, что ты делаешь? – удивились они.

– Разве вы не видите? – Небо падает! – отвечает он. – А я его удерживаю.

– Но ты же не сможешь! – засмеялись люди.

– Я делаю то, что могу, – серьезно ответил воробушек, продолжая держать лапки вверх.

Наверное, это был первый на земле экзистенциалист.

Эта притча из глубины веков – ответ тем, кого не интересуют экзистенциальные вопросы художественной литературы.

Список литературы

1. *Мир* Кьеркегора : русские и датские интерпретации творчества Сёрена Кьеркегора / общая ред., предисл., пер. с датск. – А. Фришман. Москва : Ad Marginem, 1994. 129 с.
2. *Лермонтов М. Ю.* Мцыри // Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2. Поэмы и повести в стихах. Москва, 1958. С. 50–70.
3. *Перемиловский В. В.* Из книги «Лермонтов» // Фаталист : зарубежная Россия и Лермонтов : из наследия первой эмиграции / сост., вступит. ст. и коммент. М. Д. Филина. Москва : Русский миръ, 1999.
4. *Соловьев Вл. С.* Лермонтов // М. Ю. Лермонтов: pro et contra : личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / сост.: В. М. Маркович, Г. Е. Потапова. Санкт-Петербург, 2002.
5. *Улитина Н. М.* Экзистенциальные проблемы человека в творчестве М. Ю. Лермонтова : опыт культурологической интерпретации : автореф. дис. ... канд. культурологии. Новосибирск, 2017.
6. *Ходасевич Вл.* Фрагменты о Лермонтове // М. Ю. Лермонтов: pro et contra : личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / сост.: В. М. Маркович, Г. Е. Потапова. Санкт-Петербург, 2002.
7. *Шестов Л.* Умозрение и апокалипсис : (религиозная философия Вл. Соловьева). Ч. 2. URL: Умозрение и апокалипсис (Шестов) – Викитека (wikisource.org). Текст : электронный.

Н. С. ГАНЦОВСКАЯ ©

Костромской государственный университет, Россия
gantsovsky_n@mail.ru

ЛИДУН ЦИНЬ ©

Костромской государственный университет, Россия
qinlidong@mail.ru

ГИПОТАКТИЧЕСКИЕ СКРЕПЫ И СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПАРЦЕЛЛЯТОВ С УСЛОВНЫМИ СОЮЗАМИ В ПЬЕСАХ А. Н. ОСТРОВСКОГО)

Статья посвящена рассмотрению роли гипотактических союзов как выразителей идеи структурно-семантической системности сложноподчиненного предложения и как маркеров усиления грамматической дифференциации строительных средств в русском языке. Союзы условных конструкций в пьесах А. Н. Островского демонстрируют эти свойства и тем самым как бы иллюстрируют положения синтаксиса фортунатовского направления.

Ключевые слова: А. Н. Островский, условные союзы, фортунатовское направление синтаксиса.

Gantsovskaya Nina Semyonovna, Kostroma State University, Russia

gantsovsky_n@mail.ru

Lidong Qin, Kostroma State University, Russia

qinlidong@mail.ru

Hypotactic connectors and systemic organization of sentences (based on the example of parts with conditional conjunctions in plays by A. N. Ostrovsky)

The article is devoted to considering the role of hypotactic conjunctions as exponents of the idea of structural-semantic systematicity of a complex sentence and as markers of strengthening the grammatical differentiation of construction devices in the Russian language. Conjunctions of conditional constructions in plays by A. N. Ostrovsky demonstrate these properties and thereby illustrate the provisions of Fortunatov school syntax.

Keywords: A. N. Ostrovsky, conditional conjunctions, Fortunatov school syntax.

200-летнему юбилею А. Н. Островского посвящается

«...Эволюция языка идет в сторону большей грамматической дифференциации вообще, будь то дифференциация сочинительная или подчинительная», – писал А. М. Пешковский в труде «Русский синтаксис в научном освещении», что справедливо и сегодня и, по-видимому, будет долго актуальным и в последующее время [5, с. 474]. Действительно, синтаксис гипотактических конструкций в период укрепления демократических норм современно-

го русского литературного языка времен творчества А. Н. Островского демонстрирует функционирование подчинительных скреп как главных и, в ряде случаев, необходимо-достаточных показателей характера синтаксических отношений внутри сложноподчиненных предложений.

В главе «XXVIII. Подчинение предложений» этой книги (раздел «А. Подчинение в сложном целом») Пешковский перечисляет условные союзы современного русского языка (*если, если бы, добро бы, кабы, ежели, ежели бы, коли (коль), коли бы, ли, когда, когда бы, если* («в сопоставительном смысле»), *раз, коль скоро*) и иллюстрирует их цитатами из произведений Гончарова, Гоголя, Лермонтова, Некрасова, Л. Толстого, А. Толстого, Пушкина, Даля, Островского [5, с. 487–489].

Все эти союзы мы находим в пьесах А. Н. Островского, употребляемые с той или иной степенью частотности (в зависимости или вне зависимости от ситуационных условий). Исключительно высокой степенью частотности у Островского обладают союзы *если* и *коли*, которые по данным его художественных и нехудожественных произведений входят в «тысячу самых частых слов» (*если* стоит на 56-м месте и имеет 2278 употреблений; *коли* – на 146-м, 817 употреблений) произведений А. Н. Островского [7, с. 655]. Другие союзы менее частотны, а такие как *раз, ли* и *коль скоро* очень редки. Однако А. М. Пешковский в своей книге приводит пример из А. Н. Островского именно на этот последний, редчайший союз с примечанием: «устаревшее, с временным оттенком»: *Но коль скоро вы сами отворачиваетесь от нас и презираете благодетелей, то уж не гневайтесь* (Островск.) [5, с. 489].

Если А. М. Пешковский в качестве описания «подчинения в сложном целом» просто дает перечень союзов «девяти разрядов» с иногда скупыми пояснениями и ограниченным количеством примеров, то Л. А. Булаховский в главе III «Союзы и союзные слова» книги «Русский литературный язык первой половины XIX века», эпохи начала деятельности А. Н. Островского, на примере творчества писателей XIX в. рассматривает союзные средства с фреквентивными и небольшими, но выразительными стилистическими комментариями. Так, например, для дальнейшего нашего исследования предложений с условными союзами в творчестве Островского ценно следующее вступительное замечание Булаховского о союзах к § 11: «Наряду с установившимся в настоящее время в качестве господствующего союза **если**, в первой половине XIX века употребляют без специальной стилистической окраски **ежели** и – намного чаще, чем теперь, – **коль** и **коли**» [1, с. 411]. В пьесах А. Н. Островского, действительно, *ежели* чаще всего употребляется как будто бы «без специальной стилистической окраски», архаической или просторечной, но он сравнительно редок и не составляет конкуренции союзам *если* и *коли (коль)*.

О функционировании условных союзов в пьесах А. Н. Островского и драматургов его времени мы неоднократно писали ранее (см., например, наши последние публикации: [3; 2]). На многочисленных примерах из их пьес мы установили социально-ситуативную зависимость употребления аффективного союза *коли (коль)*, наиболее частотного в речи «необразованных» и «малообразованных» персонажей с низким социальным статусом: крестьян, мещан, купцов, мелких чиновников и т. д., хотя иногда он используется (как особый стилистический прием) и в речи персонажей с более высоким социальным статусом. Нейтральный же и семантически монолитный союз *если*, который в кругу последователей школы Ю. Д. Апресяна вслед за А. Вежицкой называют нетолкуемым «семантическим примитивом», может быть употребительным в речи всех персонажей пьес А. Н. Островского, но его фреквентивность наиболее высока в речи сословно высоких кругов общества 40–80 гг. XIX в.

Воззрения Ф. Ф. Фортунатова и его последователей на «подчинение предложений» в русском языке в аспекте становления его «формальных категорий», т. е. подчинительных скреп, в частности условных союзов, мы иллюстрируем на примере сложноподчиненных предложений пьес А. Н. Островского неисторического жанра, написанных без соавторства.

А. Н. Островский (1823–1886) и в настоящее время на русской сцене является самым репертуарным и любимым русской публикой драматургом, и сегодня, как и в 1923 г., остается справедливым высказывание С. К. Шамбинаго о том, что язык Островского понимается зрителем полностью и во всех деталях [8]. Всеми признана выдающаяся роль драматурга как продолжателя пушкинской традиции в деле формирования нового русского литературного языка на демократической основе и линии внежанрового, органического сочетания в нем черт книжности и разговорности.

Многолетняя творческая деятельность драматурга, обилие и разнообразие речевого материала его пьес и других сочинений позволяют обнаружить становление многих типологически значимых черт гипотактических конструкций русского литературного языка и результаты успешного применения системного подхода в использовании условных подчинительных конструкций в живой разговорной речи его персонажей с парцелляцией главной части сложного предложения и с усечением придаточной части, но с обязательным сохранением условного союза.

Фактически отсутствующая в реплике героя главная часть легко восстанавливается как интертекст из предшествующего контекста диалога собеседников. Такую мысленную, виртуальную трансформацию полипредикативной

конструкции из реально существующих ее деталей, вероятно, можно назвать речевой «декомпозицией» текста. В результате подобной операции грамматическое значение сложноподчиненного предложения, аналитически воссоздаваемого из текста благодаря наличию условного союза, понятное и без реально отсутствующей главной части, сохраняется. В обобщенном виде, в книжном языке, благодаря речевым сигналам разговорности, восстанавливается его обычная структурная целостность. Бесспорно, это возможно потому, что все существенные черты и другие нюансы семантического пространства полипредикативного единого целого группируются вокруг условного союза, который находится, если уподобить его фонеме, в сильной позиции среди других структурных составляющих модели.

Приведем примеры из пьесы А. Н. Островского «Лес» (1870) и попробуем произвести над ними путем переделки (воссоздания недостающей части предикативного элемента из другой части целостной полипредикативной конструкции или ближайшей в контексте диалога его же реплики или реплики партнера, пусть и виртуальной) подобный лингвистический эксперимент декомпозиции. Графически экспериментальная часть (условное придаточное) выделена полужирным шрифтом.

Несчастливцев. *Он солгал, бесстыдно солгал. О, как гнусен может быть человек! **Но если...** Пусть лучше он лжет, чем говорит правду! Я только прибью его... **Но если моя благочестивая тетушка, этот образец кротости и смирения...** О, я тогда заговорю с ней по-своему. Посмеяться над чувством, над теплыми слезами артиста! Нет, такой обиды не прощает Несчастливцев.*

ПЕРЕДЕЛКА. Несчастливцев. *Он солгал, бесстыдно солгал. О, как гнусен может быть человек! **Но если...** он лжет, а не говорит правду, я только прибью его... **Но если моя благочестивая тетушка, этот образец кротости и смирения говорит правду, о, я тогда заговорю с ней по-своему.** Посмеяться над чувством, над теплыми слезами артиста! Нет, такой обиды не прощает Несчастливцев.*

Несчастливцев. *Из уважения к этому дому я тебя милую, **но если ты мне в другом месте попадешься...***

ПЕРЕДЕЛКА. Несчастливцев. *Из уважения к этому дому я тебя милую, **но если ты мне в другом месте попадешься, то тебе плохо придется, я тебя не пожалею.***

Счастливцев. ***Если по-товарищески, я пожалуй.***

ПЕРЕДЕЛКА. Счастливцев. ***Если по-товарищески, я, пожалуй, соглашусь.***

Аксюша (строго). ***А если не ваше, если чужое? Тогда что?***

ПЕРЕДЕЛКА. Аксюша (строго). ***А если не ваше, если чужое, тогда разве можно трогать?***

Аксюша. ***Если б не страх стыда за мою грешную любовь, я бы никогда... никогда...***

ПЕРЕДЕЛКА. Аксюша. ***Если б не страх стыда за мою грешную любовь, я бы никогда... никогда не призналась...***

Аксюша. ***И если б я только захотела...***

ПЕРЕДЕЛКА. Аксюша. ***И если б я только захотела, то он бы был у моих ног...***

Здесь парцелляты вводятся исключительно союзом *если*, который среди условных союзов господствует в речи Несчастливцева и других персонажей: у Несчастливцева – 18 употреблений *если*, три раза *когда*, один раз *коли*, один раз *как*); у Счастливцева – три раза *если*, два раза *как*, один раз *коли*, один раз *когда*; у Аксюши – четыре раза *если*, два раза *коли*, два раза *кабы*, один раз *когда*.

Парцелляты подобного типа имеются не во всех пьесах драматурга, присущи не всем персонажам и употребляются только в условиях доверительного, интимного разговора, как бы имитирующего внутреннюю речь и намекающего на скрытые обстоятельства общения, которые собеседник может восстановить сам из общего дискурса их речи. Это, наверное, то, что сейчас называют интертекстом, а в ряде случаев подтекстом, т. е. как бы «подпольным» конструктом, дополняющим семантическую структуру целого.

Диалог такого типа, обусловленный системностью языка и воссоздающий по одному из составляющих элементов модель (структурный тип) всей сложноподчиненной конструкции, если воспользоваться терминологией М. Н. Петерсона, вероятно, можно назвать «обрамленным»: «предложения в таком диалоге сложные...» (цитаты из «Лекций по современному русскому литературному языку» М. Н. Петерсона (М., 1941) приводятся по книге Н. Н. Прокоповича «Вопросы синтаксиса русского языка» [6, с. 329]). Однако в данном случае в условиях диалога в драматургическом произведении следует назвать в качестве интерпретатора синтаксических отношений не пояснения «автора», а контекстные комментарии события самими собеседниками, участниками диалога. Воссоздать подобную модель целостного условного сложноподчиненного предложения можно только опираясь на прочные

системообразующие связи придаточной и главной частей (пожалуй, в этом случае уместно будет сказать и предложений, а не частей – здесь их модальность налицо, но выявляется в смежном дискурсе), главный показатель которых – условный союз.

Возможность подобных трансформаций – это проявление высоты, т. е. высокой степени структурно-семантической организации сложноподчиненных предложений как системы систем, или сложноорганизованных систем. В философской литературе для подобных конструкций существуют понятия высоты и степени их организации (см. об этом: [4]).

Неудивительно, что в рассмотренном нами материале парцелляты вводятся исключительно союзом *если* – самым типичным представителем, монолитным по значению и нейтральным по употреблению группы условных союзов как в течение всего XIX в., так и в настоящее время. Господствует, но не всегда безраздельно, этот союз и в парцеллятах других пьес Островского. Так, в пьесе «Бедная невеста» (1852) речь его персонажей Мерича, Марьи Андреевны, Хорькова, Милашина изобилует парцеллятами с союзами *если*, *если б* главным образом в виде вопроса.

Глумов и Мамаева в пьесе «На всякого мудреца довольно простоты» в интимно-доверительной беседе как бы соревнуются в изречении недомолвок в виде парцеллированных придаточных с союзами *если*, *если бы*:

Глумов. *Да если бы польза была!*

Глумов. *Я был бы откровенен с вами, если бы...*

Мамаева. *Если б что?*

Глумов. *Если б вы были старуха.*

Мамаева. *А если ему дадут больше?*

Глумов. *А если она? Ну, тут одно красноречие.*

В «Талантах и поклонниках» парцелляты в устах интеллигентной и тонко чувствующей Негиной, как правило, звучат в виде вопроса с нейтральным союзом *если*, но один раз – со стилистически сниженным союзом *кабы*, как у ее матери Домны Пантелеевны. Трагик в парцелляте, видимо, как стилизацию под высокий архаический стиль использует союз *коли*.

Негина. *А если талант... если у меня впереди слава?*

Негина. *Если я родилась актрисой?*

Негина. *Что он говорит? Кабы вы послушали!*

Домна Пантелеевна. *Вот кабы жалованье...*

Трагик. *Еще бы! Коли я тут.*

В приведенных примерах форма обыденного бытового разговора позволяет как бы воссоздать историю возникновения этих парцеллированных конструкций с условными союзами – из вопросительных предложений с частицами и местоимениями *ли* и *как*, семантически близких к значению обусловленности. Из лапидарных реплик персонажей с помощью контекста легко сконструировать сложноподчиненное предложение с виртуальной главной частью – ведь место условного союза не в монопредложении, а только в составе полипредикативной структуры со значением условия.

Таким образом, можно констатировать, что в русском литературном языке 40–80 гг. XIX в., судя по драматургическим произведениям А. Н. Островского, ярко видна демократическая тенденция органического слияния книжного и разговорного начал, где яркие сигналы разговорности проявляются не только в лексике и фразеологии, но и на стыке грамматики и лексики – на материале условных союзов.

Список литературы

1. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Москва : Учпедгиз, 1954.
2. Ганцовская Н. С. Пьесы А. Н. Островского «Гроза» и А. Ф. Писемского «Горькая судьбина»: сходные моменты грамматической стилистики в контексте развития русского литературного языка / Н. С. Ганцовская, Лидун Цинь // Вестник Костромского гос. ун-та. 2023. Т. 29. С. 481–488.
3. Ганцовская Н. С. Старое и новое в развитии лексики русского литературного языка середины XIX века : (стилистика служебных слов на материале пьес о Бальзамине А. Н. Островского в сравнении с пьесами А. А. Потехина) / Н. С. Ганцовская, Лидун Цинь // Щелыковские чтения 2020–2021 : актуальные вопросы жизни и творчества А. Н. Островского : сб. научных статей и материалов / науч. ред. и сост. И. А. Едошина. Кострома, 2021. С. 121–135.

4. Орлов Е. И. К теории живучести сложных систем / Е. И. Орлов, В. П. Белов, Э. Э. Латышев // Системные исследования : ежегодник, 1972. Москва, 1972. С. 147–157.
5. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Москва : Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1956.
6. Прокопович Н. Н. Вопросы синтаксиса русского языка : учебное пособие для педагогических вузов. Москва : Высшая школа, 1974.
7. Тысяча самых частых слов // А. Н. Островский : энциклопедия / гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома ; Шуя, 2012. С. 655–658.
8. Шамбинаго С. К. Из наблюдений над творчеством Островского // Творчество А. Н. Островского : юбил. сборник / под ред. С. К. Шамбинаго. Москва, 1923. С. 336–465.

СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

С. С. КАЛИНИН©

Международный славянский институт, Москва, Россия
rage_of_gods@inbox.ru

О ВОЗМОЖНОСТИ ПИДЖИНИЗАЦИИ И (ДЕ)КРЕОЛИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-КАНАДСКОГО АБОРИГЕННОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье представлен анализ наиболее важных типологических особенностей северо-канадского варианта английского языка на всех его основных уровнях. Приводится гипотеза о том, что таковые особенности данного варианта могут объясняться тем, что в процессе развития он мог подвергнуться пиджинизации с дальнейшим превращением в креольский язык и с последующей декреолизацией на субстрате из аборигенных языков Канады (преимущественно индейских). Представлены факты, которые, по мысли автора, могут служить подтверждением этой гипотезы.

Ключевые слова: северо-канадский вариант английского языка, пиджин, креольский язык, пиджиназация, декреолизация, субстратное влияние, языки коренных народов Америки.

Kalinin Stepan Sergeevich, International Slavic Institute, Moscow, Russia
rage_of_gods@inbox.ru

On probable pidginization and (de)creolization in process of North Canadian Indigenous English

This paper examines the main typological features of basic system levels of North Canadian English also known as Canadian Indigenous English. We presume that the mentioned variety has been undergone a pidginization being grown into Creole language later. The next stage of evolution of North Canadian English was a decreolization influenced by Native American substratum. We discuss some evidences which could serve in terms of our hypothesis as its proofs.

Keywords: North Canadian Indigenous English, pidgin, Creole language, pidginization, decreolization, substratum influence, Native American languages.

Наряду с несколькими территориальными диалектами и вариантами канадского английского языка, перечисленными, в частности, в исследовании С. Доллингера и С. Кларк [5], отдельно можно выделить северный вариант (или диалект), распространенный на Северо-Западных территориях, в Юконе и в Нунавуте, который используется в коммуникации преимущественно коренным населением северных территорий Канады – индейцами различных племен и эскимосами. По этой причине северный вариант канадского английского известен также под названием *Indigenous English*.

Своеобразие тех языков, которые являются родными или исторически родными для аборигенного населения Канады, откладывает свой отпечаток и на региональные варианты английского. Происходит это, преимущественно, за счет субстратного воздействия. Наиболее ярко это выражается, как отмечено в работе У. Лабова и соавторов [8, р. 216], на уровне фонетики и фонологии, поскольку особенности субстрата влияют, прежде всего, на данный уровень языка. Вместе с тем его влияние отмечается и на прочих языковых уровнях (в частности, на уровне морфологических и синтаксических параметров рассматриваемого языкового варианта), о чем более подробно говорится ниже.

Северо-канадский вариант английского языка сформировался в условиях языкового контакта между автохтонами и «пришлым» населением европейского происхождения. При этом данный контакт происходил в условиях диглоссии, поскольку английский обслуживал большее число коммуникативных сфер в сравнении с местными языками. Исходя из этого, можно заметить, что данный вариант английского был наиболее подходящим инструментом коммуникации как для общения индейцев и эскимосов с белым европейским населением, так и в ряде случаев для коммуникации между собой, поскольку языки автохтонов не были взаимопонимаемы. Допустимым является предположение, что те социолингвистические условия, в которых протекала коммуникация, не могли не привести к возникновению контактного идиома в форме пиджина и, позднее, креола.

Такое предположение подтверждается выводами ряда исследователей, в частности Дж. Болл и Б. М. Бернхардт [3], которые в исследовании, посвященном психолингвистическим аспектам изучения аборигенного канадского английского, приходят к аналогичным выводам. По мнению этих авторов, именно процессами пиджинизации и (или) креолизации, происходившими в прошлом, объясняется ряд особенностей северо-канадского варианта

английского языка, связанных со структурой слога, фонологией и просодикой (как словесной, так и фразовой), а также некоторые особенности грамматики данного идиома. Типологическими параллелями здесь могут служить эволюционные стратегии ряда языков и отдельных идиомов, которые в традиционных классификациях не относят к креолам, креолизированным языкам либо результатам декреолизации. Среди таковых можно выделить африкаанс [11] и афро-американский вариант английского языка [7]: о креольском прошлом последнего и дальнейшей его декреолизации говорится и в исследовании Е. В. Перехвальской [1, с. 68–69].

Перейдем теперь к характеристике уровневых особенностей северо-канадского варианта английского языка, начав с фонетики и фонологии. В сравнении с фонетико-фонологической системой литературной нормы английского языка – а под таковой подразумеваются как британская и американская, так и канадская нормы – фонология северо-канадского варианта английского подверглась ряду изменений и упрощений. Здесь будут охарактеризованы наиболее существенные из них:

- 1) редукция консонантных кластеров в исходе слова [12, р. 18–19]: по данному признаку северо-канадский вариант английского сближается с другими аборигенными вариантами английского языка;
- 2) редукция межзубных согласных [θ] и [ð], их замещение соответствующими глухим и звонким смычными [2, р. 6]: таким образом, указательные местоимения *this* и *that* произносятся как [di:s]/[de:s] и [da:t], соответственно;
- 3) изменение мелодики фразы и места фразового ударения [2, р. 9]: она становится более сглаженной, с отсутствием резких интонационных подъемов и падений;
- 4) изменение места словесного ударения в словах типа *working*, *hunting*, в которых оно начинает падать на последний слог: т. е. слово произносится как *work'ing*;
- 5) удлинение гласного в некоторых словах, как то: определенный артикль *the*, а также указательные местоимения *this* и *that*.

Среди главных особенностей морфологии северо-канадского варианта английского выделим следующие:

- 1) двойное отрицание. Типичным примером его использования является следующее высказывание, приводимое в работе А. Стерзак [12, р. 58]: *Yeah, but I'm not goin' to tell you none*. Двойное отрицание не представлено в литературной норме современного английского языка (как в британской, так и в американской, и в канадской), однако оно представлено в ряде соответствующих территориальных диалектов. Представлено оно и в различных контактных идиомах (см. об этом статью Дж. Липски [9, р. 545–546]), а также в некоторых креолизированных (таких, например, как африкаанс [10, р. 270]) и смешанных языках, в частности в идиш [6];
- 2) неизменяемая глагольная связка, прежде всего глагол *to be* в инфинитивной форме. Характерным примером здесь может служить высказывание *'cause they be mean to me and that stuff* [12, р. 58]. А. Стерзак упоминает, что такая особенность северо-канадского варианта английского возникла под влиянием автохтонных языков, поскольку аналогичная черта присутствует и в «аборигенном английском» индейцев США [12, р. 58];
- 3) нейтрализация по числу в глагольной связке. Приведем здесь такой пример [12, р. 59]: *lot of drunk Indians is there*. Семантический субъект в этом примере обладает множественностью, в то время как предикатная связка стоит в грамматической форме единственного числа. Эта особенность характерна и для некоторых пиджинов и креольских языков;
- 4) использование «застывших» неизменяемых глагольных форм в различных лицах и числах, что также может объясняться субстратным влиянием местных языков [2, р. 6]: *I/you/he go, I/you/he goes*. По данному параметру северо-канадский вариант английского также сближается с различными пиджинами и креолами, в частности с русско-китайским пиджином, в котором базовой глагольной формой является основа, исторически восходящая к русскому императиву. Аналогичные глагольные парадигмы можно обнаружить и в языках «нормального» генеза, например в индонезийском, мандаринском китайском, риау и т. д.;
- 5) эллипсис личных местоименных форм [2, р. 6]. Особенно часто он встречается в тех высказываниях, в которых местоименная форма легко выводится из контекста. Такая черта характерна как для разговорной формы английского языка, в частности американского английского, так и для ряда территориальных диалектов английского языка (например, некоторых канадских диалектов), а также для «аборигенного английского» индейцев США.

Что касается синтаксических особенностей северо-канадского варианта английского, то здесь можно отметить следующее. Во-первых, одной из основных особенностей северо-канадского варианта является отсутствие риторических вопросов, выполняющих преимущественно фатическую функцию, а также указательных вопросов, содержащих отсылки к очевидным реалиям. Это проистекает из особенностей коммуникативной культуры аборигенов Канады и США, в которой сам факт, что один из коммуникантов видит другого (либо один из них пришел к друго-

му), уже выполняет контактоустанавливающую функцию [2, р. 7–8]. Вербальный контакт с использованием каких-либо вопросов в таком случае не обязателен и может следовать лишь как продолжение контакта невербального.

Еще одной особенностью синтаксиса северо-канадского варианта английского языка, которая может объясняться субстратным влиянием аборигенных индейских языков, является бессоюзие: в частности, при гипотаксисе не используется или может элиминироваться союз *if* или союз *when*. Здесь можно привести пример следующей синтаксической конструкции, обладающей условной семантикой, но в которой отсутствует союз *if* (в данном примере он заключен в скобки):

Yeah, I bring one book home and [if] I'm not paying attention to him, I have to read two books [12, р. 61].

В приведенном примере союз, выражающий условие, опускается, заменяясь на сочинительный союз *and*. При этом исходная синтаксическая семантика условного предложения сохраняется.

Таким образом, перечисленные выше черты, свойственные северо-канадскому варианту английского, объясняются, с одной стороны, субстратным влиянием со стороны местных индейских языков, а с другой – предполагаемым нами развитием анализируемого идиома в условиях пиджинизации и креолизации с последующей декреолизацией за счет сближения с лексификатором.

Подводя итоги нашим рассуждениям, можно предположить следующее. По всей вероятности, северо-канадский вариант английского языка в прошлом прошел стадию пиджинизации либо даже полноценной креолизации, став при этом первым и единственным родным языком для какой-либо группы людей (потомков аборигенов-индейцев или же метисов). В дальнейшем, из-за сближения с английским языком, а также под давлением английской (вначале преимущественно британской, но потом уже и собственно канадской) литературной нормы произошла конвергенция вновь сложившегося пиджина или креола со стандартным вариантом языка.

Поскольку пиджин (или креол), сформировавшийся в результате контакта английского языка британских поселенцев с местными автохтонными языками индейцев и эскимосов, не отличался высокой степенью стабильности, то он сблизился с канадским английским до такой степени, что утратил свои наиболее существенные признаки и черты, отграничивавшие его от прочих англоязычных идиомов. В результате декреолизации образовался посткреольский континуум, состоявший в равной мере из разнообразных аборигенных диалектов, говоров и идиолектов, в той или иной мере сочетавших в себе признаки как некогда существовавших пиджина и креола, так и стандартного варианта английского. В дальнейшем, преимущественно за счет нормоцентрической языковой политики Канады XIX – середины XX в., произошло еще большее сближение этих вариантов языка с литературным канадским стандартом, а также их унификация.

Список литературы

1. *Перехвальская Е. В.* Русские пиджины. Санкт-Петербург : Алетейя, 2008. 363 с.
2. *Ball J.* Implications of First Nations English Dialects for Supporting Children's Language Development / J. Ball, B. Bernhardt, J. Deby // World Indigenous Peoples' Conference on Education (November 27 – December 1, 2005). Hamilton, 2005. P. 1–13.
3. *Ball J.* First Nations English dialects in Canada: Implications for speech-language pathology / J. Ball, B. Bernhardt // Clinical Linguistics & Phonetics. 2008. № 22 (8). P. 570–588.
4. *Dollinger S.* Varieties of English: Canadian English in real-time perspective // English Historical Linguistics: An International Handbook. Berlin, 2012. P. 1858–1880.
5. *Dollinger S.* On the autonomy and homogeneity of Canadian English / S. Dollinger, S. Clarke // World Englishes. 2012. № 31 (4). P. 449–466.
6. *Grandt C.* Pidgin- und Kreolensprachen unter besonderer Berücksichtigung der Bickerton'schen Theorie einer angeborenen Universalgrammatik. Bonn: Universität Bonn, 1996. 12 p. URL: <http://www.christoph-grandt.com/PIDGINS.pdf> (дата обращения: 12.09.2023). Текст : электронный.
7. *Green L.* African American English // The survey of pidgin and creole languages / Eds. by S. M. Michaelis, P. Maurer, M. Hasplemath & M. Huber. Vol. 1: English-based and Dutch-based Languages. Oxford, 2013. URL: <https://apics-online.info/surveys/14> (дата обращения: 13.09.2023). Текст : электронный.
8. *Labov W.* The Atlas of North American English: Phonetics, Phonology, and Sound Change / W. Labov, S. Ash, Ch. Boberg. Vol. 1. Berlin: Walter de Gruyter, 2006. 318 p.
9. *Lipski J. M.* Spanish-based Creoles in the Caribbean // The Handbook of Pidgin and Creole Studies. Eds. by S. Kouwenberg, J. V. Singler. Oxford, 2008. P. 543–564.
10. *Mesthrie R.* Pidgins/Creoles and Contact Languages: An Overview // The Handbook of Pidgin and Creole Studies. Eds. by S. Kouwenberg and J. V. Singler. Oxford, 2008. P. 263–286.

11. *Sluijs R. van Afrikaans // The survey of pidgin and creole languages / Eds. by S. M. Michaelis, P. Maurer, M. Hasplemath & M. Huber. Vol. 1: English-based and Dutch-based Languages. Oxford, 2013. URL: <https://apics-online.info/surveys/29> (Accessed 13/09/2023). Text : Electronics.*
12. *Sterzuk A. A study of Indigenous English speakers in the Standard English classroom. MA Thesis. Montreal : McGill University, 2003. 99 p.*

Т. В. ПАШКОВА®

*Петрозаводский государственный университет, Россия
tvpushkova05@mail.ru*

А. А. ЛЕБЕДЕВ®

*Петрозаводский государственный университет, Россия
perevodchik88@yandex.ru*

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ СОЮЗОВ И СОЮЗНЫХ СЛОВ В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Статья представляет собой анализ исследований союзов и союзных слов в карельском языке. Многие аспекты синтаксического строя карельского языка, в частности роль дискурсивных слов в структурно-семантической организации устного и письменного текста, еще не становились объектом исследования ученых. Наиболее исследованной к настоящему времени является такая группа дискурсивных слов, как союзы и союзные слова в собственно карельском и ливвиковском наречиях карельского языка.

Ключевые слова: карельский язык, синтаксис, союзы, союзные слова, исследования.

Pashkova Tatjana Vladimirovna, Petrozavodsk State University, Russia
tvpushkova05@mail.ru

Lebedev Aleksandr Aleksandrovich, Petrozavodsk State University, Russia
perevodchik88@yandex.ru

On the question of the study of conjunctions and conjunctive words in the Karelian language

This scientific article is an analysis of the research of conjunctions and allied words in the Karelian language. Many aspects of the syntactic structure of the Karelian language, in particular, the role of discursive words in the structural and semantic organization of oral and written text, have not yet become the object of research by scientists. The most studied to date is such a group of discursive words as conjunctions and allied words in the proper Karelian and Livvik dialects of the Karelian language.

Keywords: Karelian language, syntax, conjunctions, allied words, research.

Изучение наречий, диалектной системы, отдельных говоров карельского языка, начавшееся в последней четверти XIX столетия, проводилось прежде всего в лексико-семантическом и лексикографическом аспектах, тогда как грамматический строй, особенно его синтаксический уровень, изучен гораздо менее детально и комплексно.

Многие аспекты синтаксического строя карельского языка, в частности роль некоторых дискурсивных слов в структурно-семантической организации устного и письменного текста, еще не становились объектом исследования ученых. Наиболее исследованной к настоящему времени является такая группа дискурсивных слов как союзы и союзные слова в собственно карельском и ливвиковском наречиях карельского языка.

Начало научному исследованию карельского языка было положено финляндским языковедом А. Генетцем. В опубликованных им грамматиках *Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä* ('Исследование языка русской Карелии') (1880) и *Tutkimus Aunuksen kielestä* ('Исследование о языке Олонецкой губернии') (1884) отражены ливвиковские и собственно карельские говоры Приграничной Карелии [11; 10]. В издания включены образцы карельской речи, карельско-русский словарь и грамматика карельского языка. Автор раскрывает вопросы фонетики, морфологии и синтаксиса. Союзы упоминаются лишь фрагментарно.

В 1930-е гг. под руководством отечественного финно-угроведа Д. В. Бубриха начался активный сбор языкового материала по диалектам и говорам карельского языка. В этот же период предпринимается первая попытка создания карельской письменности и нормативных грамматик. К таковым следует отнести «Граматику карельского языка (фонетика, морфология)» Д. В. Бубриха [1], в которой упоминаются некоторые союзы.

В 1936 г. увидела свет грамматика карельского языка Э. Ахтия, написанная с опорой на рыпушкальский, сямозерский и суоярвский диалекты. В ней автор выделяет две группы союзов: сочинительные и подчинительные [9].

В работе П. Палмеос, изданной в 1962 г., представлен анализ союзов валдайских говоров собственно карельского наречия [15].

В 1977 г. В. Д. Рягоев опубликовал обобщающее лингвистическое исследование в очерковой форме, посвященное тихвинскому говору карельского языка. В данной работе спорадически рассматриваются и союзы [7].

Первое и единственное системное описание синтаксиса карельского языка дано в научном труде В. П. Федотовой [8]. В нем представлены простое предложение, словосочетание, сложное слово, сложное предложение, прямая речь и т. д.

Несомненно, к настоящему времени опубликовано достаточно большое количество научных статей, учебников, учебных пособий и грамматик по карельскому языку, в которых так или иначе исследователи обращаются к вопросу дискурсивных слов. Например, в созданных в течение последних десятилетий грамматиках карельского языка, написанных на материале северокарельских диалектов, охватывающих территории Калевальского и Лоухского районов Республики Карелия, П. М. Зайков предлагает классификацию союзов: сочинительные и подчинительные, разделяя их на функционально-семантические подгруппы [2; 16; 17]. В грамматиках и учебных пособиях по ливвиковскому наречию карельского языка Л. Ф. Маркиановой, опубликованных в 1993 и 2002 гг., содержатся разделы по фонетике, морфологии и словообразованию карельского языка [13; 14]. Исследовательница предлагает такую же классификацию союзов, как и П. М. Зайков. Примеры предложений с союзами собраны обоими языковедами из образцов карельской речи, диалектных словарей карельского языка, ранее опубликованных грамматик. Категоризация союзов карельского языка совершается обычно в зависимости от структуры служебных лексем, а также типа оформляемой ими связи, т. е. по аналогии с типичными для многих языков мира рубриками: простые и составные, сочинительные и подчинительные, что свидетельствует об общности принципов формирования коннекторной системы в грамматическом строе языков, генеалогически и типологически различающихся.

В коллективной монографии отечественных и финляндских языковедов «Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем» [3] представлены все карельские наречия с примерами из опубликованных и рукописных дескриптивных описаний и нормативных грамматик. В 2022 г. упомянутая монография была опубликована на английском языке – *Karelian in Grammars* [12]. В числе прочего авторы обращаются к различным группам дискурсивных слов. В монографии указано, что разряды союзов по синтаксическим функциям подразделяются на сочинительные (координативные) и подчинительные (субординативные); по структуре – на простые и составные; по семантике – на однозначные и многозначные.

В 2020 г. была опубликована научная статья «К вопросу о коннекторах сложного предложения (на примере ливвиковского наречия карельского языка)», в которой авторы проводят комплексное описание союзов и союзных слов в ливвиковском наречии карельского языка в сравнительном аспекте с близкородственными языками (финским языком и отчасти с собственно карельским наречием карельского языка), определяют группы союзов по способу образования и структуре, а также по функционально-семантическим критериям. На основе изученного материала удалось выявить, что богатство функционально-семантического потенциала сложного предложения в ливвиковском наречии карельского языка обусловлено не только исторически сложившимися имманентными свойствами карельского синтаксиса, но и двойным влиянием близкородственного финского языка и находящегося в отдаленном родстве и принадлежащего другой языковой семье языка русского [4].

В статье «Система подчинительных средств связи в сложном предложении (на материале собственно карельского наречия карельского языка): опыт классификации», изданной в 2022 г. в журнале «Вестник угроведения» исследователи обращаются к описанию семантического спектра союзов и союзных слов, функционирующих в сложноподчиненных конструкциях собственно карельского наречия карельского языка, а также их классификации. Авторы статьи, предлагая семантическую типологию средств союзного и относительного подчинения в сложных конструкциях собственно карельского наречия карельского языка, уточняют и дополняют уже имеющиеся в учебной литературе опыты классификации союзов и союзных слов. Подчеркивается отсутствие союзов следствия в карельском языке. В результате проведенного исследования выявляется, что в карельском языке основным средством, выражающим отношения зависимости, обусловленности, являются подчинительные союзы и союзные слова (местоимения относительные). Перечень союзов и их семантические особенности свидетельствуют о достаточно широкой функциональной палитре системы гипотаксиса в карельском языке. Многозначность ряда союзов доказывает давность их бытования в диалектном узусе [5].

К составу и семантике сочинительных союзов в диалектах собственно карельского наречия в аспекте языковых контактов обращает свое внимание Т. В. Пашкова [6]. Языковые контакты – проблема, вызывающая неизменный интерес исследователей уже на протяжении нескольких столетий. Языковые контакты ярче всего проявляются на лексическом уровне, грамматика (и особенно морфологический строй языка) обычно оказывается областью более консервативной. Однако, и прежде всего в условиях двуязычия, нередко совершается взаимодействие синтаксических моделей, синтаксическое калькирование. Система средств сочинения в собственно карельском наречии

карельского языка охватывает три группы союзов, аналогичные основным группам русских сочинительных средств связи в простом и сложном предложениях: соединительные, разделительные, противительные. Этимологические и семантические наблюдения над сферой сочинительных союзов в диалектах карельского языка позволяют заключить, что исконными в активном лексическом запасе современного карельского наречия являются коннекторы, выражающие сопоставительно-противительные отношения. Область соединительных и разделительных коннекторов оказывается заполненной заимствованными из русского языка средствами сочинительной связи. Факты перенесения на карельскую почву русских союзов доказывают, что заимствование совершается только при условии наличия в структуре языка-реципиента определенных предпосылок: заимствование сочинительных союзов оказывается возможным в силу сформировавшейся в карельском языке и его наречиях еще в глубокой древности системы паратаксиста как типологически значимой для синтаксического строя.

Таким образом, к настоящему времени опубликовано достаточно большое количество научных статей, учебников, учебных пособий и грамматик по карельскому языку, в которых так или иначе исследователи обращаются к вопросу одной из групп дискурсивных слов – союзы и союзные слова.

Примечание

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-000992 (URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00092/>).

Список литературы

1. Бубрих Д. В. Грамматика карельского языка : (фонетика, морфология). Петрозаводск : Карельский научно-исслед. ин-т культуры, 1937. 79 с.
2. Зайков П. М. Грамматика карельского языка. Петрозаводск : Периодика, 1999. 120 с.
3. Карельский язык в грамматиках : сравнительное исследование фонетической и морфологической систем / И. Новак, М. Пенттонен, А. Руусканен, Л. Сиилин. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2019. 479 с.
4. Патроева Н. В. К вопросу о коннекторах сложного предложения (на примере ливвиковского наречия карельского языка) / Н. В. Патроева, Т. В. Пашкова // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 3. С. 517–525.
5. Патроева Н. В. Система подчинительных средств связи в сложном предложении (на материале собственно карельского наречия карельского языка): опыт классификации / / Н. В. Патроева, Т. В. Пашкова // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 2. С. 280–290.
6. Пашкова Т. В. Состав и семантика сочинительных союзов в диалектах собственно карельского наречия в аспекте языковых контактов // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2022. Т. 44, № 7. С. 48–53.
7. Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 285 с.
8. Федотова В. П. Очерк синтаксиста карельского языка. Петрозаводск : Карелия, 1990. 157 с.
9. Ahtia A. E. Karjalan kielioppi. Lauseoppi. Koriijyvä : Karjalan kielen seura, 2014. 159 s.
10. Genetz A. Tutkimus Aunuksen kielestä. Helsinki : SKS, 1885. 194 p.
11. Genetz A. Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä // Suomi. 1880. № 4. P. 1–248.
12. Karelian in Grammars: a study of phonetic and morphological variation: scientific electronic edition / I. Novak, M. Penttonen, A. Ruuskanen, L. Siilin. Petrozavodsk : KarRC RAS, 2022. 452 p.
13. Markianova L. Karjalan kielioppi. Petroskoi : Periodika, 2002. 296 s.
14. Markianova L. Livvin murdehen morfolougii. Nominat da abusanat. Petroskoi : PetrGU, 1993. 110 s.
15. Palmeos P. Karjala Valdai murrak. Tallinn : Eesti NSV teaduste akadeemia, 1962. 226 s.
16. Zaikov P. Karjalan kielen kielioppie (muoto-oppie). Petrozavodsk : Periodika, 1993. 87 s.
17. Zaikov P. Karjalan kielioppi. Petroskoi : Periodika, 2002. 207 s.

ДИАЛЕКТНОЕ СЛОВО КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье рассматриваются конкретные факты использования диалектных лексем для этимологического анализа слов литературного языка, для реконструкции их деривационных отношений, производящей базы. При помощи этимологического и сравнительно-сопоставительного методов анализа вскрывается богатство лексико-семантических, структурно-словообразовательных, исторических связей единиц языка, роль диалектных слов в познании исторических процессов в лексике и словообразовании. В целом это свидетельствует о характере диалектной лексической системы, ее специфических чертах, о системности лексики русского национального языка, а также о том, что этимологическая работа включает в себе огромный воспитательный потенциал.

Ключевые слова: диалектное слово, этимологический анализ, эволюция, парадигма, многозначность, параллелизм, воспитательный потенциал.

Klimkova Ljudmila Alekseevna, PhD, professor, Independent researcher, Arzamas, Russia

dialekt_arz@mail.ru

Dialect word as material for etymological analysis

The article deals with specific facts of using dialect lexemes for etymological analysis of words in standard language, in order to reconstruct their derivational relations and their etymological basis. By using etymological and comparative analysis methods the author reveals the abundance of lexico-semantic, derivational and historical connections between language units, the role of dialect words in the study of historical changes in vocabulary and word-building. Taken together, all this points to the characteristics of dialect vocabulary, its specific features, and the systemic character of the Russian vocabulary, and indicates a great educational potential of etymological research.

Keywords: dialect word, etymological analysis, evolution, paradigm, polysemy, parallelism, educational potential.

Структура слова и соответственно характер его основы, ее деривационные показатели не являются статичными, навсегда данными. С течением времени слово может перестать члениваться или члениваться иначе, отношения производности нарушаются или исчезают вовсе, и основа становится нечленимой и непроемкой, или членимой, но непроемкой, или членимой иначе (процессы опрощения, полного или неполного, переразложения, усложнения, декорреляции, редеривации, замещения и др.). Тем самым деривационные отношения синхронии переходят в статус диахронии и вскрыть их можно только с помощью этимологического метода. Обусловлены эти изменения уходом производящего слова из лексической системы языка или разрыва деривационных отношений с ним в силу различных семантических процессов и замещения его другим словом.

Вскрыть бывшие деривационные отношения, связи слов помогают данные диалектного языка. В нем часто сохраняются слова, давшие жизнь той или иной единице литературного, общенародного языка. Именно при помощи диалектных свидетельств можно восстановить недостающее звено в лексико-деривационном портрете слова. Покажем это на некоторых примерах. Возьмем слово *посуда*. Его современный лексикографический портрет выглядит следующим образом:

1. Сбир. Хозяйственная утварь для приготовления и подачи в ней пищи, для хранения припасов и т. п.

2. Разг. Сосуд, предмет (обычно стеклянный, металлический), в который можно налить или положить что-л.; посудина / в знач. сбир.

3. Прост. Деревянное небольшое судно, преимущественно парусное [9, т. 3, с. 327].

В литературном языке слово *посуда* имеет непроемкую, членимую основу (пережило неполное опрощение), в которой связанный корень (не может сочетаться с флексийным морфом непосредственно и существовать с ним как отдельное самостоятельное слово), сочетается только с суффиксами или префиксами: *сосуд*, *судок*, *судно* (для лежащего больного), *посуда* и др. [см.: 10, т. 2, с. 193; ср.: 7, с. 133, 174]. Эти слова включают в себя основу общеславянского слова **sъdъ* «сосуд», образованы от нее, связаны с первичным значением «вместилище, составленное из частей» [см.: 12, т. 2, с. 216; 11, т. 4, с. 728, 794, 796; 13, с. 422, 431].

Это общеславянское слово свободно функционирует в русских народных говорах, например: *суд* «посуда». Волог., «горшок средней величины, служащий мерой товара». Ленингр., «большой чан, в котором варят брагу». Влад.; см. также: *суда* «столовая, чайная и другая посуда». Перм. Влад. Енис.; *суды*. Волог. Сев. Двин. Олон. Перм.; *суды*. Олон. Пск. Новг., «столовая посуда». Енис.; *суды* «горшки». Арх.; *суда* и *суды* «ведра, в которых

носят воду на коромысле». Пск. Смол. и др. Оно само и парадигма производных от него преимущественно суффиксальных единиц охватывает своей семантикой ряд гиперсем, дифференциальных сем: 1) 'посуда, ёмкость' – *суд, судёнка, суденко, суденó, судёнце, судёнышко, судни́ца, судно́вка, суды́* и др.; 2) 'вид посуды' – *суд* («горшок; большой чан»), *суда, суды́* («горшки; вёдра»), *судница* («деревянный таз»), *судно* («блюдо; миска; лукошко; деревянное блюдо; кувшин с узким горлом; кринка для молока; чан; корыто» и др.), *судно́вка* («лохань»), *суднышко*, ласк. («деревянная миска для похлёбки; тарелка; детский горшок»), *судбóк* («квашня; берестяной сосуд»), *судомо́йка* («тазик; деревянная лохань»), *судбóчки, суды́* («пара вёдер»), *судинка* («большая шайка»), *суда, суды́, судно́* («столовая, чайная и др. посуда»), *судёнка, судóвка* («миска»), *судёнка, суденó* («чашка»), *суденó* («блюдце») и др.; 3) 'посудная лавка' – *судёнка, суди́нка, судки́, судна́вка, суднола́вка, судна́я, судна(я) лавка, судник, судни́ца, судно́вка, судня́*; 4) 'кухонная, посудная полка' – *судейник, судница, судни, судёнка, судно́вочка*, ласк., *судбóчки* и др.; 5) 'шкаф(чик)' – *судёнка, суди́нка, судки́, судня́, судна, судни́к, судница, судно́вка, судну́шка, судо́вик, суднола́вка, судно, судóвка, судна́вка*; и др.; 6) 'корзина' – *судёнка, судно́вка, судовёнька, судёнушко*, фольк., ласк.; 7) 'кухня, чулан' – *судница, судинка*; 8) 'ларь' – *судень, судник, судня́*; 9) 'кухонный стол с полками' – *судно́вка*; 10) 'передний угол в избе' – *суд, судки́, судница*; 11) 'место в избе около печи' – *суденка, судня́, судник*; 12) 'ящик для посуды' – *судно*; 13) 'окно над судной лавкой' – *судно*; 14) 'мочалка для мытья посуды' – *судно́вка, судбóвка, судомо́йка, судомбечка*, ум.-ласк.; и т. д. Полностью парадигму, семантику слов и ареалы их функционирования см.: [8, вып. 42, с. 154, 155–156, 161–163, 165–169, 170–173, 176].

Префиксальных образований с корнем *-суд-* меньше, и здесь (собственно как и в литературном языке) задействованы два префикса: *со-* и *по-*. Диалектная номенклатура такова: *сосуда* «сосуд». Ворон. Арх. Верхнелен. [8, вып. 40, с. 67]; *пóсуд*, собир. «домашний скарб, утварь, хозяйственный инвентарь»; «посуда»; объемные эпидигмы имеют слова *посудá, посудýина*; в первой из них значения: «домашний скарб, утварь» (это значение реализуется и в ряде устойчивых адъективно-субстантивных словосочетаний: *пеньковая посуда, холодная, слабая посуда, щепная посуда* и др.), «полка для посуды», «лодка», «паром», «любое орудие лова, рыболовная снасть», «тара для посола рыбы», «ульи и другая пчеловодческая снасть»; во второй эпидигме (*посудýина*): собир. «посуда, домашняя утварь», «противень для жарения чего-л.», «ульи-колодцы», «постройка, здание», «лодка», «деревянный лоток, на который складывают наживленные снетками сивовые переметы» и др. [см.: 8, вып. 30, с. 246–247].

Функционирует в говорах целый ряд вторичных, суффиксальных образований от приведенных единиц: *посудёнка* «посуда», *посудёшка*, собир., уничж. «посуда», *посудинка*, уменьш.-ласк. к *посудина*, *посудка*, собир. «столовая, кухонная и т. п. посуда», *посудничек* «навесной шкафчик для посуды», *посуднышко* «посуда, посудина», *посудбóк* «судок», *посудочка*, собир., ласк. «посуда», *посудь*, собир. «посуда», *посудоучи́нщик* «тот, что чинит посуду», *посуды́* «место в избе против печи, отделенное занавеской»; «угол в доме, где стоит шкаф или полки с посудой», и др. Два из вторичных образований отличаются разветвленными эпидигмами: *посудник* – «шкаф, стол, полка для посуды и других хозяйственных принадлежностей», «лавка для посуды», «деревянная полка-сушилка для посуды», «берестяная корзина, в которую складывали чайную посуду», «большая миска, тазик для мытья посуды», «полотенце для посуды», «тот, кто изготавливает, чинит посуду» (обычно деревянную), «бондарь», «продавец посуды»; *посудница* – «то же, что посудник [шкаф...]», «часть избы у порога», «то же, что посудник [большая миска, тазик...]», «женщина, ведающая общественной посудой моленного дома, где устраиваются обрядовые обеды») [см.: 8, вып. 30, с. 246–249].

Вот такой получается лексикографический портрет парадигмы и этимолого-словообразовательный портрет слова *посуда*. При представлении парадигмы мы сосредоточили внимание на семантике и деривационной сущности слов, намеренно оставив без рассмотрения ареальный аспект слов (см. его в названном выше источнике). Что касается наших, нижегородских, окско-волжско-сурских говоров, то в них активностью отличалась (отличается) лексема *суднола́вка* или словосочетание *судна(я) лавка* (это отмечено и в : [8, вып. 42, с. 170]). К слову, вспоминается случай, о котором членам диалектологической экспедиции рассказали в одном из сел. Это было во время Гражданской войны. Красноармеец познакомился на Украине с девушкой, полюбил, сделал предложение. Девушка поинтересовалась, что есть у него для жизни. «*Судна лавка*», – ответил он. Это ее впечатлило. После демобилизации привез ее в деревню: бедная деревенская изба, в избе печь, чулан, некрашенный стол, лавки, деревянная лежанка. «А где твои *судно* и *лавка*?» – спрашивает молодая жена. – «А вот она», – показывает муж на лавку для посуды, стоящую в чулане (кухне), – *судну лавку*. Изумлению и разочарованию женщины не было предела: она-то поняла, что у избранника *судно* и *лавка*. Вот такая получилась виртуальная омонимия.

Все многочисленные названные слова (около сотни) составляют в говорах единое сильно развернутое гнездо с вершиной *суд*, которое состоит из двух компонентов: один возглавляется словом *суд*, другой – *посуда*. Такое явление мы уже видели и описали при анализе гнезда с номинантой *галка*: компонент с *гала* = *галья*, восходящий

к общеславянскому *gaľ «черный», и *галка* = *галька* с основой (корнем), пережившей опрощение [см.: 3, с. 312–315]. Представленному диалектному гнезду с вершиной *суд* в современном литературном языке соответствуют три гнезда: с вершинами *сосуд*, *судно* и *посуда* [см.: 10, т. 1, с. 803; 13, с. 148, 193].

На рассмотренной парадигме слов можно еще раз убедиться в лексическом богатстве русских народных говоров, в объемной многозначности слов с разнообразными видами переноса значений, в разветвленном параллелизме, синонимии. Подтверждает она и такую лексико-семантическую черту русских территориальных диалектов, как значительная детализация в обозначении явлений объективной действительности.

Приведем еще один пример для демонстрации роли диалектной лексики в представлении, познании структуры и деривации слов: *лягушка*. В современном литературном языке это слово имеет нечленимую и непроизводную основу (по некоторым признаниям, членимую [см.: 7, с. 85]), исторически оно пережило полное опрощение. Собственно русское, известное с начала XVII в. [12, т. 1, с. 499–500; 13, с. 251] (иное этимологическое прочтение см.: [11, т. 2, с. 548]), оно входило в деривационную ретроспективную цепочку: *лягушка* («земноводное с длинными задними ногами – лягами») – *лягуха* – *ляга* («нога»). В говорах, в частности арзамасских, активно функционирует слово *ляга* «нога». Приведем эпизод: в автобус с бидонами (с рынка, после продажи молока) входит (с трудом влезает) бабушка. Ее фраза, обращенная к сидящему молодому человеку, далеко выставившему ноги: «*Убери, чай, свое ляги-ти, упась можно через их!*» Исторический корень этого слова находим в *лягать* «бить, ударять ногой, ногами (о копытных животных)», *ляжка*, разг. «бедро» [9, т. 2, с. 212].

В говорах функционирует слово *ляга* и в значении «лягушка»: *ляга*, *лягá*. Калуж.; *лягá*. Тул. [8, вып. 17, с. 254], а также диалектные фразеологизмы: арзамасские *бежать взлягышки*, *навзлягышки* «бежать быстро, высоко поднимая ноги, быстро перебирая ими; со всех ног», ср.: *взлягышки* «очень быстро, со всех ног». Влад.; *взлягашки* «вскачь, галопом». Саратов.; *взлягивать* «быстро бежать (о человеке)». Костром. Влад. [8, вып. 4, с. 264]; *ляга* «бедро, ляжка». Тул. Новг. Волог. Свердл. [8, вып. 17, с. 254]. Бытует и целый ряд слов-параллелей со значением «лягушка»: уже названные *ляга*, *лягá*, а также: *лягáва*. Казаки-некрасовцы; *лягáвка*. Тамб. Калуж. Ворон.; *лягáшка*. Ряз. Калуж.; *лягáва*. Ворон. Тамб. Твер. Тул. Калуж. Курск. Калинин. Петрогр. Новг. Яросл. Саратов. Кубан. Краснояр. Киргиз. ССР; *лягáв*. Волог. (*лягáв* и «мясо лягушки». Твер.); *лягáва* [удар.?.] Твер.; *лягáва* «крупная лягушка». Курск. Новг.; *лягáуша*. Перм.; *лягáбка*, *лягáбочка*. Новг.; *лягáтка*. Твер.; *лягáха*. Петерб., Пск.; *лягáшка*. Петерб. Казан.; *лягáн*. Кубан.; *лягáха*. Пск. Твер. Калинин. Новг. Олон. Онеж. Беломор. КАССР. Волог. Арх. Мурман. Вят. Яросл. Тул. Смол. Эст. ССР. Латв. ССР. Лит. ССР; *лягáн* «самец лягушки» Орл.; *лягáур* и *лягáур* «самец лягушки», «зеленая лягушка». Дон.; *лягáха* «большая лягушка», «пренебрежительное название лягушки». Пск.; *лягáш*. Якут. Новосибир.; *лягáша* «бранное слово» (и «мясо лягушки»). Перм.; *лягáша*. Перм. Коми АССР. Костром. Вят. Свердл. Урал. Сиб. Тобол. Омск. Том. Кемер. Иркут. Верхнелен. Алт. Киргиз. ССР. Вост.-Казах.; *лягáшина*. Том.; *лягáшица*. Арх.; *лягáшка-коровница* «фантастическое существо в образе лягушки...». Яросл. [8, вып. 17, с. 253–258].

Словообразовательное гнездо в говорах возглавляется номинантой *ляга*. В литературном языке два гнезда: одно возглавляется словом *лягать*, второе – *лягушка*, слово *ляжка* в них не входит и не образует своего гнезда, слово-одиночка [см.: 10, т. 1, с. 562]. Кстати, в русском диалектном языке огромное количество слов с корнями *-ляг-*, входящих в омонему с четырьмя омонимами *ляга*: 1) обозначает объекты ландшафта, в частности «болотистое место; топкое место; болото» и др. (эпидигма в 11 значений); моносеманты: 2) «лягушка»; 3) «бедро, ляжка»; 4) «ленивый человек; лентяй, лежебока» [см.: 8, вып. 17, с. 253–254]. Мы рассмотрели парадигму со вторым омонимом из перечисленных. И эта лексико-семантическая, лексико-словообразовательная парадигма в русских народных говорах подтверждает сделанный выше вывод. Примеры такого подтверждения можно множить и множить. Приведем еще несколько слов с их этимонами, до сих пор функционирующими в русских народных говорах: *дýлда*, прост. «человек высокого роста» – *дýл*, *дýля* «нога» (*дýлять*, *кодýлять* «хромать», *будýльи* «высокие растения»); *обаяние* – *обаять* – *баять* «говорить»; *чересчур* – *через чур* – *чур* «граница, край» (ср. арзамасские *чур*, *чурá*: *ест и ест – чурá не знат*); *горница* (комната) – *горный* – *горь* «вверх»; *грыжа* – *грызть*; *горе* – *гореть* [см.: 13, с. 109, 110, 116, 136, 296, 491] и многие другие [см.: 4, с. 15–25; 14].

Консервируют в себе основы диалектных слов также имена собственные разных типов: антропонимы (прозвища, фамилии), топонимы. Так, например, в говоре с. Мотызлей Вознесенского района Нижегородской области функционируют прозвища: *Выхватня*, прозвище женщины, от апеллятива *выхватня* «картофельная лепёшка» (*Иё прозывают што-то Выхватняй, выхvatня вообще-то эт картóшишина лепёшка. В войну дали имя, до войны не было. Нонешни дети не зовут так лепёшки, оне не знают их*); ни у В. И. Даля, ни в СРНГ нет этого слова, в СРНГ есть слово *выхватки*, мн. «кушанье из ржаного теста». Симб.; «блины из картофеля». Пенз. [8, вып. 6, с. 48]; *Фура*, прозвище мужчины (*С фурой связано прозвание-то. Фура – деревянной яцак, зерно в войну возили в ём. Шас фурой не зовут: оне вышли из моды*), ср.: *фура* «большая телега, повозка для клади; фура, хура и воз.

юж. воловья телега» [1, т. 4, с. 539]; *Додён*, прозвище мужчины (*Додон Козлов был у нас, он не знай, куды дёвался. Ёво так звали. Што назвали – не могу сказать*), но ср. у Даля: *додён* «влд. нескладный, несуразный человек». «В сказках поминают царя Додона» [1, т. 1, с. 452]; ср.: *додён* «нескладный человек». Влад.; «мифическое существо, которым пугают детей». Волог.; «прозвище [какое?]». Яросл. [8, вып. 8, с. 89]; *Саласá*, прозвище женщины и мужчины (*Она срóдьшина Саласá. У её первой муж Саласá был и свёкор Саласá. Што-то назвали*), но ср. у Даля: *саласá* «об. ряз. елоза, егоза, лебеза, юла, человек, который везде суётся, выскочка, льстивый пролаз и болтун» [1, т. 4, с. 130]; ср.: *саласá* «заискивающий, угодничающий, льстивый человек». Ряз. Тул.; *саласiть* «заискивать, угодничать, льстить». Ряз. Тул. [8, вып. 36, с. 59], приведенные прозвища и другие см.: [6, ч. 1, с. 173, 238; ч. 2, с. 239, 350]; фамилии, например: *Бузи́н – Буза́* (прозвище) – *буза́* «скандальный человек». Киров. – *бузи́ть* «ударять, бить, колотить». Том.; «лгать». Перм. Урал; «говорить что-либо бестолковое, бессмысленное». Калуж. [8, вып. 3, с. 256]; *Мутóвкин – Мутóвка* (прозвище) – *мутóвка* «вертлявая, непоседливая женщина». Арх.; «мотовка». Волог.; «сплетница, ссорящая людей». Перм. Яросл. Пск.; «ловкая, склонная к авантюрам женщина». Иркут. [8, вып. 19, с. 30–31] – исторически во всех этих случаях апеллятив в любом из значений мог послужить базой для образования прозвища предка современного носителя фамилии; топонимы, напр.: *Голу́твин* (город) – *голутва* «просека», «поляна в лесу». Влад. [8, вып. 6, с. 344]; микропонимы: *Ело́ховая вершина* (*Ело́хова вершина у нас глыбо́ка, в ней ело́ха растёт по берегам* – с. Волчиха Арзамасского района Нижегородской обл. [см.: 5, ч. 1, с. 328–329]) – *ело́ховый* «ольховый». Вят. Костром. Иван.; *ело́ха* «ольха». Костром. Волог. Яросл. Влад. Твер. Вят. Волж. Нижегород. Пск. [8, вып. 8, с. 347] – *вершина* «овраг». Тул. Калуж. Курск. Орл. Тамб. Саратов. Самар. [8, вып. 4, с. 173].

Таким образом, приведенные факты, известные по своей сути, лексикографически разработанные, актуализируют возможности и значимость диалектной лексики для этимологического анализа слов литературного языка; вскрывают, проявляют эволюционные процессы, причем разной временной удаленности и протяженности, в лексической и словообразовательной системах языка; убеждают в том, что этимологическая составляющая должна непременно входить в создаваемый портрет слова. В целом этимологический анализ с привлечением диалектного материала, диалектной базы вскрывает богатые лексико-семантические, словообразовательные связи единиц языка, в том числе исторические, сравнительно-исторические (хотя бы в рамках сведений-отсылок в этимологических словарях к единицам в других языках, а также сведений, полученных студентами в историко-лингвистических вузовских курсах), неразрывную связь литературного и диалектного компонентов русского национального языка, вскрывает народную основу литературного языка.

Диалектный материал свидетельствует по большому счету и о характере лексической системы русских народных говоров, о ее доминирующих, специфических чертах, в частности, таких как множественность, объем состава единиц, обусловленный и богатством словообразовательной системы; разветвленность системных отношений единиц – эпидигматических, парадигматических (многозначность, синонимия, параллелизм, вариативность, омонимия и др.); конкретность, связанная с тем, что диалектный язык обслуживает преимущественно сферу быта; стремление к мотивированности.

Этимологические изыскания с необходимостью сопряжены с работой по словарям разного типа – толковым, диалектным (сводным, авторским), этимологическим, словообразовательным, онимическим, другим аспектным, в результате расширяется лексикографический, филологический и общий кругозор учащейся молодежи, тем самым в целом они (изыскания) имеют большой потенциал в плане воспитания любви к родному языку, в том числе через осознание его огромного богатства, в плане формирования общекультурных концепций, мировоззренческих позиций, патриотизма [см.: 2, с. 167–185; ср.: 14]. Если же иметь в виду практический аспект, то следует отметить, что этимологическая работа оживляет преподавание, занятия по лингвистическим дисциплинам в вузе и по русскому языку в школе, в частности в форме этимологических пятиминуток.

Список литературы

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955.
2. *Климкова Л. А.* Диалектная лексика как дидактический материал // Лексический атлас русских народных говоров : материалы и исследования, 2022 / отв. ред. С. А. Мызников. Санкт-Петербург, 2022. С. 166–187.
3. *Климкова Л. А.* «Лексический атлас русских народных говоров» как источник информации об ассоциативно-деривационных связях слов // Лексический атлас русских народных говоров : материалы и исследования, 2020 / отв. ред. С. А. Мызников. Санкт-Петербург, 2020. С. 307–324.
4. *Климкова Л. А.* К региональному компоненту в преподавании русского языка в сельской школе // Совершенствование содержания и методов обучения в сельской школе. Арзамас, 1998. С. 15–25.

5. *Климкова Л. А.* Микропонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье) : в 3 ч. Арзамас : АГПИ, 2006.
6. *Климкова Л. А.* Неофициальная антропонимия Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья : словарь : в 3 ч. / Л. А. Климкова, А. В. Гузнова. Ульяновск : Зебра, 2022.
7. *Потиха З. А.* Строение русского слова : учебный словарь для зарубежных школ. Москва : Русский язык, 1981. 320 с.
8. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф. П. Филин. Вып. 3–19. Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1968–1983; / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. Вып. 30–42. Санкт-Петербург : Наука, 1996–2010.
9. *Словарь русского языка* : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Русский язык, 1981–1984.
10. *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. 2-е изд., стер. Москва : Русский язык, 1990.
11. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. Москва : Прогресс, 1986–1987.
12. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. 3-е изд., стереотип. Москва : Русский язык, 1999.
13. *Шанский Н. М.* Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский В. В. Иванов, Т. В. Шанская ; под ред. чл.-корр. АН СССР С. Г. Бархударова. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва : Просвещение, 1971. (Пособие для учителя).
14. *Шелепова Л. И.* Диалекты и этимология: источниковедческий аспект. Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 1994. 162 с.

М. В. РАССАХАТСКАЯ©

Волгоградский государственный университет, Россия

m.rassakhatskaya@volsu.ru

ВЫРАЖЕНИЕ ИНТЕНСИВНОСТИ В РЕЧИ ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ КОМПАКТНОГО ПРОЖИВАНИЯ УКРАИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ¹

В статье рассмотрены особенности выражения экспрессии интенсивности в речи украинских переселенцев, отражающей особенности языкового континуума в ряде населенных пунктов на территории бытования донских говоров Волгоградской области. Определены разноуровневые средства реализации названной семантики; показана соотнесенность лексики с этнокультурной характеристикой диалектоносителей; отмечены случаи влияния русской языковой стихии на отбор языковых единиц в тексте.

Ключевые слова: диалектология, этнолингвистика, украинские говоры, речь диалектоносителей, семантика интенсивности.

Rassakhatskaya Maiya Viktorovna, Volgograd State University, Russia

m.rassakhatskaya@volsu.ru

Expression of Intensity in the Speech of Dialect Speakers on the Territory of Compact Residence of Ukrainian Immigrants in the Volgograd Region

The article considers the peculiarities of the expression of intensity expression in the speech of Ukrainian immigrants, reflecting the peculiarities of the language continuum in a number of settlements on the territory of the existence of the Don dialects of the Volgograd region. The multilevel means of implementing the named semantics are determined; the correlation of vocabulary with the ethno-cultural characteristics of dialect speakers is shown; cases of the influence of the Russian language element on the selection of linguistic units in the context are noted.

Keywords: dialectology, ethnolinguistics, Ukrainian dialects, speech of dialect speakers, intensity expression.

Исследование лексического фонда немислимо без изучения единиц, выполняющих в процессе коммуникации вспомогательную, однако не последнюю роль. Ф. Ф. Фортунатов, говоря о содержании высказываний, писал: «...речь как выражение наших мыслей вместе с тем может заключать в себе и выражение чувствований, испытываемых говорящим» [12, с. 129]. К средствам вербализации этой семантики ученые относят, в частности, экспрессию интенсивности, которая служит способом передачи субъективного отношения человека к кому-, чему-либо в процессе восприятия и отражения окружающей действительности, непринужденного общения людей в коммуникативном пространстве (см., например: [5]). Для устной речи в диалектной среде это одна из определяющих характе-

ристик, требующих специального рассмотрения. Рассказы носителей говоров наполнены различными элементами экспрессивизации, что связано с высоким процентом эмоционально окрашенной лексики и ее большой устойчивостью в диалектной системе [7, с. 204].

В данном исследовании в качестве материала анализа избрана совокупность словоупотреблений, зафиксированных при опросе информантов в пунктах совместного проживания украинских переселенцев и донских казаков. Понятие интенсивности как компонента экспрессивности не имеет в научной литературе однозначной интерпретации, однако в ряде моментов наблюдаются сходные трактовки: названная категория в своем значении заключает единство качественной и количественной сторон явления, меру чего-л. и на первый план выдвигает субъективную значимость того, что обозначено словом [1; 3; 5; 8]. При квалификации семантического объема интенсивности мы опираемся на определение Ш. Балли, согласно которому интенсивность отражает «все различия, сводящиеся к категориям количества, величины, ценности, силы и т. п., вне зависимости от того, идет ли речь о конкретных представлениях или об абстрактных идеях» [2, с. 202].

Анализ языковых фактов позволил выявить отдельные группы языковых единиц с названным значением и показать особенности выражения интенсивности в структуре слов, обозначающих реалии материальной и духовной культуры украинского этноса в сформировавшемся славянском континууме на территориях бытования исконных, донских, говоров. Рассматриваемая лексика в речи диалектоносителей тематически разнообразна и связана, прежде всего, с бытом сельских жителей, а кроме того, традиционным обиходом, тем самым указывающим на «привязку» к украинскому этносу (именуемого в Волгоградской области «хохлацким»). Это, например, особые наименования жилых построек: *п'ятистінник* – «велика хата, яка розділена на дві частини капітальною стіною» [6, с. 1193], *хижіна* – от *хижа*: «невелика убога хата; халупа» [6, с. 1561] и др., названия предметов утвари и традиционной посуды: *гличик* – «те саме, що *глек* – висока кругла, перев. глиняна посудина, злегка розширена в нижній частині» [6, с. 244] (сокращение «перев.» значит «преимущественно» – русск. «преимущественно»), *скриня* – «великий ящик із кришкою та замком для зберігання одягу, коштовних предметів і т. ін.» [6, с. 1338] и др., одежды и ее элементов: *шаровари* – «широкі штани особливого крою, що їх перев. заправляють в халяви» [6, с. 1614], *панчохи* – «вибір машинного або ручного плетіння, що одягається на ноги до коліна» [6, с. 883] и др. Сема интенсивности, как правило, является частью коннотации и характеризует размер, величину, меру длины объекта (*висока, велика/невелика, широкі, до коліна*), объем (*злегка розширена в нижній частині*), степень проявления абстрактного признака (*убога, капітально*) и др.

Следует отметить употребление слов сходной семантической структуры, составляющих общий лексикон представителей хохлацкого населения и донских казаков; например: *макітра* – «вид глиняного посуду великого розміру напівсферичної форми з широким отвором» [6, с. 638], ср.: *макітра* – «посуда для хранения молочных продуктов: большой широкогорлый глиняный горшок» [4, с. 275; 9, с. 309] и др.; представители обоих этносов употребляют лексемы (иногда с разной огласовкой), в которых интенсивность выступает основным компонентом значения: *дуже* – «великою мірою, надто, надзвичайно» [6, с. 331], *дюже* – «очень, сильно» [4, с. 146], см. также: *трохи, трошки* и др. Ф. Ф. Фортунатов при характеристике различий в словах между диалектами отмечал, что частичная общность и понятность лексики для говорящих является показателем близости систем, их принадлежности к одному общему языку в прошлом и о связи по происхождению [12, с. 65].

Данные, полученные в процессе анализа массива фактов, подтверждают взаимовлияние сосуществующих в рамках одной территории языковых стихий, в результате которого информанты во время интервью легко переключаются с одного языкового кода на другой или общаются на русско-украинском диалекте, что опосредованно отражает и сформировавшуюся этнокультурную общность донских казаков и хохлов в пунктах их смешанного проживания в Волгоградской области. Собеседники часто сами осознают такого рода воздействие: *Понимаете, сейчас народи уже, именно сейчас народи смешанные уже, расы вот. Я не вижу уже различия* (с. Семеновка); *Ну, конечно, разговорная речь [хохлов] далеко отличалась от украинской, потому что уж многу лет прошло и ассимиляция произошла* (с. Мачеха) (здесь и далее используется упрощенная транскрипция). Ассимиляция прослеживается также при реализации семантики интенсивности в контексте. В первую очередь, это отражается в отборе лексических единиц, большинство из которых представлено общеславянской и русской лексикой (как нейтральной, литературной, так и сниженной – разговорной, просторечной, междиалектной). Отметим, что специфика собирания материала и осуществления записей в полевых условиях часто предполагает вопросно-ответную форму, при которой информанты дают односложные ответы, рассказывая о каких-либо сторонах своей обиходной жизни, о традициях и т. д. В связи с этим для спонтанной речи характерно использование слов-интенсификаторов разной стилистической принадлежности. Частотным маркером выражения интенсивности в речи украиноговорящих являются наречия в сочетании с глаголами эмоционального состояния, межличностного отношения, характеризую-

щие степень положительного или отрицательного отношения к кому-, чему-либо: *Я очень любил читать стихи* (пос. Реконструкция); *Я ваще цветы ужасно люблю* (х. Казаринский). Среди контекстуальных средств отмечены атрибутивные сочетания с прилагательными и наречиями, указывающими на величину, размер чего-либо: *маленький* – «незначительный по величине, размерам; противоп. *большой*» [11], разг. *здоровый* – «значительный по размерам, силе и степени своего проявления» [11], количество и разнообразие: прост. *невпоровот* – «очень много, в изобилии» [11], степень проявления качественного признака или свойства: диал. *крутой* (*крутая пряжа*) – «сильно скрученный, туго свитый, жесткий (о пряже, веревке и т. п.)» [10, с. 331] и др. Наблюдаются случаи обозначения совокупности признаков интенсивности на основе контекстуального сопоставления (отождествления) материала и внешнего вида, времени использования и размера, объема помещаемой пищи и функции предмета: *глиняная – очень простая посуда; старые – большие, здоровы; литровая кастрюлька – трошки поест* и др.

Особую роль в реализации семы интенсивности играют словообразовательные аффиксы. Распространены суффиксы, передающие степень проявления признака, свойства – размер, величину, качество чего-л. При этом употребляется лексика литературного языка и диалектизмы: *драночки* (от *дранка* – «драный, протертый, зношений одяг, постіль і т. ін.» [6, с. 326]), *тонэчко, сероулазынька, полики, хаточка* и т. д. Отмечены префиксы со значениями интенсивно-накопительного действия (*натопют, наделають*), многократного или поочередного действия (*повысохло, поуоняли*), отсутствия/противоположности признака (*невозможный, небольшой*), незначительной/предельной степени проявления признака (*невозможный, недолека*) и др. Характерным для речи украиноговорящих информантов является полипрефиксация, возникающая при сочетании глагольной приставки *по-* с семантикой многократного, поочередного действия с другими префиксами: *Мы дитэй всэх, какие ещё чё было нас-то, понадели – сидим, жедём* (х. Казаринский); *Попирикрывалы всэ домики шихиром* (с. Мачеха); *Плела скатэрти, вышивала, все она и я в церковь поотнэсла там, от таки прыкладки, рушыныкы всяки* (с. Мачеха); и др.

Для спонтанной народной речи свойственна детализация изложения, проявляющаяся в акцентировании внимания на коммуникативно значимом моменте. Это достигается с помощью приема лексического повтора, который указывает, например, на предельную степень интенсивности действия (*запье и запье; люблю, очень люблю*), на темпоральную характеристику (*нэма и нэма ею*) и др. В качестве средств выражения степени сходства чего-л. в речи информантов отмечена редупликация целого слова (*жуёшь-жуёшь, пишло-пишло*) или корневой морфемы (*давным-давно, всею-навсею*). Экспрессия интенсивности достигается за счет описаний на основе образных сравнительных, фразеологических оборотов, конструкций, выражающих предельную степень проявления признака: *не такая красивая и тонкая, как сейчас; боялась як оуня; помню, как на картине – такая, шо невозможно; черный аж с синеной* и др.; количественных сочетаний со значением приблизительности: *метра три; ведра на три – на четыре; литров на пять* и др.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: зафиксированные средства и способы выражения интенсивности служат вспомогательным элементом, позволяющим показать некоторые особенности речи украинских переселенцев (их потомков) в пунктах смешанного проживания населения на территориях бытования донских говоров Волгоградской области. Выявленная специфика употребления лексики с рассматриваемым значением свидетельствует, во-первых, о сохранении тенденции к использованию украинского (хохлацкого) говора в качестве основного инструмента этнической идентификации личности, во-вторых, о процессах междиалектного (межъязыкового) взаимодействия в процессе функционирования донских и украинских говоров, в-третьих, о воздействии языка титульной нации (русской речи) на формирование единого коммуникативного пространства. Общность происхождения диалектных систем обеспечивает создание условий для «комфортного» обиходно-бытового общения в поликультурной среде и подчеркивает социально-культурную ассимиляцию украиноговорящего населения, осознающего себя в большинстве случаев идентификации, как показывает опрос информантов, частью русского народа.

Примечание

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01215 (URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01215/>).

Список литературы

1. Абдулганеева И. И. Когнитивные аспекты репрезентации категории интенсивности в языке: словообразовательный уровень // Иностранные языки в современном мире (Казань, 6–7 июня 2019 г.) : сб. материалов XII Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Д. Р. Сабировой, А. В. Фахрутдиновой. Казань, 2019. С. 122–126.

2. *Балли Ш.* Французская стилистика / пер. с фр. К. А. Долинина ; под ред. Е. Г. Эткинда ; вступит. ст. Р. А. Будагова. Москва : Изд-во иностранной литературы, 1961. 394 с.
3. *Бельская Е. В.* Интенсивность как категория лексикологии (на материале говоров Среднего Приобья) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 «Русский язык». Томск, 2001. 270 с.
4. *Большой толковый словарь донского казачества* : ок. 18 000 слов и устойчивых сочетаний / Ростовский гос. ун-т ; редкол.: В. И. Дегтярев [и др.]. Москва : Русские словари : Астрель : АСТ, 2003. 608 с.
5. *Брысина Е. В.* Формы и способы выражения категории интенсивности в донских казачьих говорах / Ин-т лингв. исслед. РАН // Лексический атлас русских народных говоров : материалы и исследования, 2008. Санкт-Петербург, 2008. С. 453–462.
6. *Великий тлумачний словник сучасної української мови* : близько 250 000 слів / уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. Київ ; Ірпінь : Перун, 2005. 1728 с.
7. *Коготкова Т. С.* Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). Москва : Наука, 1979. 334 с.
8. *Родионова С. Е.* Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // *Славянский вестник*. 2004. № 2. С. 300–313.
9. *Словарь донских говоров Волгоградской области* / авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун ; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград : Издатель, 2011. 704 с.
10. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред.: Ф. П. Филин; сост.: Н. И. Андреева-Васина, А. Ф. Марецкая, И. А. Попова, Н. В. Попова. Вып. 15. Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. 399 с.
11. *Словарь русского языка* : в 4 т. Т. 1–4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва : Русский язык : Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>. Текст : электронный.
12. *Фортунатов Ф. Ф.* Избранные труды : в 4 т. Т. 1. Москва : Учпедгиз, 1956. 450 с.

Н. А. ТУПИКОВА©

Волгоградский государственный университет, Россия
na_tupikova@volsu.ru

Н. А. СТАРОДУБЦЕВА©

Волгоградский государственный университет, Россия
na_starodubceva@volsu.ru

ИДЕИ Ф. Ф. ФОРТУНАТОВА И АСПЕКТЫ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКОНА ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЕЙ НА ТЕРРИТОРИЯХ БЫТОВАНИЯ ДОНСКИХ ГОВОРОВ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ¹

На базе идей Ф. Ф. Фортунатова рассмотрены подходы к исследованию лексикона диалектоносителей, зафиксированного в пунктах смешанного проживания донских казаков и украинцев. Выделены методологические положения, содержание которых свидетельствует о необходимости разноаспектного изучения говоров. Определены особенности метода Ф. Ф. Фортунатова, показана перспективность его применения для собирания материала. Выявлены средства этнической идентификации личности в речи русско- и украиноговорящих.

Ключевые слова: Ф. Ф. Фортунатов, диалектология, этнолингвистика, донские говоры, лексикон диалектоносителей.

Nataliya Alekseevna Tupikova, Volgograd State University, Russia
na_tupikova@volsu.ru

Natalya Anatol'evna Starodubtseva, Volgograd State University, Russia
na_starodubceva@volsu.ru

F. F. Fortunatov's Ideas and Aspects of Ethnolinguistic Study of the Lexicon of Dialect Speakers in the Territories of the Don Dialects of the Volgograd Region

On the basis of the ideas of F. F. Fortunatov, approaches to the study of the lexicon of dialect speakers recorded in the points of mixed residence of the Don Cossacks and Ukrainians are considered. Methodological provisions are highlighted, the content of which indicates the need for a multifaceted study of dialects. The features of the method of F. F. Fortunatov are determined, the prospects of its application for collecting material are shown. The means of ethnic identification of a person in the speech of Russian and Ukrainian speakers are revealed.

Keywords: F. F. Fortunatov, dialectology, ethnolinguistics, Don dialects, lexicon of dialect speakers.

Труды академика Ф. Ф. Фортунатова сохранили для отечественной и мировой науки богатое наследие по «всем важнейшим отделам языковедения», заключенные в них «идеи и конкретные достижения имеют огромное значение» для лингвистов [4, с. 6, 15]. Следуя принципу ставить «новые проблемы, до него не затронутые» [4, с. 15], академик и для учеников считал важным решение «совершенно новых вопросов» с опорой на «массу фактов и постоянную работу мысли» [1, с. 192].

Глубоким анализом изучаемого явления Ф. Ф. Фортунатов часто затрагивал и смежные области [4, с. 15]. Так, Филипп Федорович ясно высказывался о существовании филологического знания, предвосхищая тем самым появление новых наук, которые комплексно рассматривают объект в этнолингвистическом, лингвокультуроведческом и других аспектах: «...филолог, останавливаясь на известном народе, изучает его в различных проявлениях его духовной стороны, а потому, между прочим, изучает и язык этого народа» [6, с. 26–27]. В методологическом плане это связано с идеями о связи языка и общества: «Язык принадлежит людям, как членам того или другого общества; язык в числе других элементов сам образует и поддерживает связи между членами общества, но связи в языке членов общества зависят, в свою очередь, и от связей членов общества в других элементах» [6, с. 28]. К таким элементам относится, в частности, жизнь самих общественных союзов, которая «знакомит нас с культурным состоянием славян» [6, с. 28]. В частности, по отношению к диалектологическому развитию исследователь считал, что надо иметь в виду те различия, которые зависят от степени развития общественных союзов; и если связи, которые соединяют различные части общества тесны, то во взаимном влиянии наречий сглаживаются возникшие уже между ними различия: «...с умножением общественных интересов усложняются и связи между отдельными диалектами: рядом с разъединением диалектов происходит и их объединение» [8, с. 68–69].

Данные положения Ф. Ф. Фортунатова имеют отношение к анализу речи диалектоносителей на территориях позднего заселения, освоение которых, как известно, начинается с XVI–XVII вв. выходцами из губерний, расположенных вблизи юго-восточных границ Руси.

Для Волгоградской области характерен неоднородный диалектный ландшафт. Западную половину (бывшая Область Войска Донского) занимают ранние переселенческие, донские казачьи говоры вторичного образования, обнаруживающие в целом общие для большинства жителей местности черты на лексическом уровне [3, с. 73–74]. Кроме того, среди жителей региона получил распространение также говор восточнорусского типа (украинский диалект в разной степени сохранности), используемый в быту особой этнографической группой населения (хохлацкое меньшинство) и называемый «хахлацким» (как правило, с аканьем и без пренебрежительного значения) [5, с. 337]. В результате длительного времени совместного существования и постоянного взаимодействия, смешения черт родственных языков в пунктах совместного проживания русского (донских казаков) и «хохлацкого» населения (потомков переселенцев) сложился полиэтничный речевой континуум в его региональном варианте, отражающем функционирование разных лексических пластов общенародного языка, закрепившем в сложившихся формах обиходно-бытового общения использование диалектизмов и общезначимых узусных единиц, а также вариативных средств обозначения реалий окружающей действительности – лиц, предметов, явлений, процессов, признаков. Это дает возможность говорить о специфике лексики носителей родственных говоров, требующей рассмотрения.

Уже в первой работе Ф. Ф. Фортунатова, которая явилась результатом поездки ученого для изучения говоров в русских областях Литвы, его ученики и последователи почерпнули важные замечания о методе работы с диалектологическими данными – об ориентации на соблюдение особенностей живого языка, чтобы передать все оттенки говора, о внимании к исключительной точности самих фактов, о желании проникать в самую суть явлений, не пропуская мельчайших деталей [4, с. 6–7]. М. Н. Петерсон, указывая на такой метод изучения народных диалектов, писал: «По-видимому, он считал, что прежде всего надо сделать точные записи диалектных текстов, а потом уже подвергать их всесторонней обработке» [4, с. 8]. Исследователь обращает внимание на предельную сжатость изложения «при большом обилии мыслей» [4, с. 6], что оставляло впечатление необычайной глубины анализа. Сам академик объяснял присущее ему свойство стремлением в деле к некоему идеалу, который предполагает необходимость передумывать «вновь и вновь вопросы», связанные с известным предметом изучения, и тем самым вносить лучи «отрадного света» в слишком утомительный «по однообразию тяжелый труд» [7, с. 462]. Современные исследователи, нацеленные на кропотливое собирание диалектного материала и его систематизацию по разным параметрам, не могут не следовать данному принципу при описании традиционной народной культуры. Фиксация полных рассказов диалектоносителей является важнейшим условием отражения «естественной народной речи» [2]. Аудиозапись дискурса диалектоносителя и собирателя, когда «активную партию ведет диалектоноситель», а собиратель выполняет роль слушателя и фиксатора речи [2, с. 87], осуществляется экспедиционным методом включенного наблюдения с применением приемов прямого опроса и открытого опросника, в условиях, максимально при-

ближенных к неформальным (вопросы составляются на базе программы, беседа ведется по определенному плану, с одной стороны, а с другой – фиксируется реакция говорящих, выясняются значения местных выражений, дается семантизация лексики методикой подбора синонимов, уточнения родо-видовых отличий, выявления предметно-понятийной составляющей и/или функциональной характеристики и т. д.). Это позволяет направлять беседу, получать информацию из уст информантов, обеспечивать коллективный контроль за ходом разговора.

Лексика говоров неизбежно «привязана» к этносу, поэтому естественным является анализ способов и средств идентификации личности в речи диалектоносителей. Собранный за последние 15 лет материал выявил стержневые средства – использование официальных названий, этнонимов, и неофициальных (прозвищных) самоназваний. Обособленность этносов с содержательной точки зрения можно показать с помощью оппозиций: «*хохлы* :: *казаки*», «*хохлы* :: *украинцы* – *казаки* :: *русские*», «*хохлы* :: *украинцы* – *казаки* :: *москальи*», «*хохлы/украинцы* :: *москальи/русские/казаки*». Первый компонент оппозиций в наименовании *хохлы* – обозначение этнической отнесенности «коренных украинцев», т. е. потомков первопереселенцев на данной территории, которые в обиходно-бытовой сфере используют «хохлачий (хохлацкий)» говор. Официальный этноним *украинцы* чаще отмечен в речи тех носителей украинского языка, которые недавно переехали на территорию Волгоградской области или родились здесь, но не утратили культурно-языковой связи с родиной и/или родственниками-украинцами. Хохлацкое население, как показывает опрос, в большинстве случаев отделяет себя от украинцев и осознает частью русского народа, встречается также употребление официального этнонима «украинец» как тождественного прозвищному «хохол» (*хохлы/украинцы*). Второй компонент оппозиции в названиях *донские казаки*, *русские (русские мужики)*, *москальи* может дифференцированно и недифференцированно обозначать этническую принадлежность лица. При дифференциации донские казаки осознают себя отдельно от русского этноса по месту рождения и/или по осознаваемым культурно-языковым различиям.

Обособленность этноса от русских может представляться как очевидный и известный факт действительности – рождение не в местности, где живут казаки, что в ряде случаев выражается в противопоставлении *казаки* :: *москальи* с использованием неофициального прозвищного обозначения, в том числе на основе осознаваемых языковых отличий донских казаков от русского населения. С этнонимом *москальи* связано также недифференцированное включение в данную группу населения, разговаривающего и по-русски, и по-казачьи. В этом случае признак обособленности этноса становится нерелевантным, так как донской говор, сформировавшийся на основе, близкой к южнорусскому наречию, выступает маркером общей принадлежности к русскому народу в качестве его части, а прозвище *москальи* (тождественно *русские*, *русские мужики*) служит средством этнолингвистической характеристики не украиноговорящего населения (*москальи/русские/казаки*).

В экстралингвистическом плане этносы, как правило, противопоставляют себя по территориальному признаку: *А кругом нас были хохлы. И Журак – хохлы, и Чёрная речь[ка] – хохлы, и Мачь[ха] – хохлы, казачества мало было* (х. Калачевский) (здесь и далее фонетическая транскрипция не используется, звук «г» в донских и украинских говорах фрикативный); по кровному родству, национальности родственников, паспорту: *Вот, у меня с обеих сторон, я вот отсюда – Асадченко, прадедушка мой был хахол. А с маминой стороны – Михайленко* (с. Большая Ивановка), <...> *...але по матери вси украинци. <...> Ё паспорти украинци* (с. Мачеха), <...> *...мать – казачка донская, отец – украинец, хохол вот мачешанский. Ну а вот я кто? Метис с двух сторон один.* [Ну и как у вас в паспорте написано?] *А-а, русская* (х. Калиновский). [Дед казак был?] *Нет-нет, русский, а и бабушка русская, а я москалька, в Загулке родилася* (ст. Преображенская).

В лингвистическом плане этнокультурная идентификация личности связана с языковым сознанием, при этом единицы разных систем почти безупречно разграничиваются говорящими по разным признакам: звуковому облику, фамилии: *Мать Юрченко Мария Павловна – украинка. Шматков, с буквой «в», не Шматко, а с буквой «в»: Шматков Дмитрий Иванович – русский* (с. Мачеха); выговору в говоре, составу лексики. [А россиян «москалями» называете? Русских?] *Нет, русские. У нас тут село есть Калиновка. Но то ж у них русский язык не такой чистый русский. А то говорят: «О, москальи!» Акцент друуой, от русского. Там оно словами как-то не так.* [Так то казаки, может быть, не москальи?] *Эта Киквидзе. Там казаки. Там тоже акцент. В словах как-то не так получается, значит* (с. Мачеха). *Ну, украинский совсим ни такие говор и слова* (с. Семеновка).

Кроме стержневых, в текстах отмечены иные средства выражения этнокультурной отнесенности личности: топонимы, оттопонимические прилагательные, аутоэтнонимы, глаголы со значениями речевой деятельности, поведения, оценочные средства паремиологического свойства, выступающие в функции этностереотипов, и др.

Рассмотренные выше и другие особенности лексики диалектоносителей свидетельствуют о том, что вопросы изучения говоров применительно к территориям смешанного проживания славянского населения, связанного общностью исторического развития, требуют решения на основе междисциплинарных изысканий. Общие положения

и частные наблюдения Филиппа Федоровича Фортунатова, ценность которых все более осознается со временем, ориентируют исследователей на поиск того механизма создания непротиворечивой и естественной среды общения, которая, с одной стороны, подвержена проницаемости, «соединению» и нивелировке отдельных черт наречий в процессе межъязыкового (междиалектного) взаимодействия, а с другой стороны, охраняема устойчивыми «примечаниями» говором, остающимися маркерами этнической идентичности диалектоносителей в условиях развития функциональной многоплановости их речевого поведения.

Примечание

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01215 (URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01215/>).

Список литературы

1. *Вовина-Лебедева В. Г.* А. А. Шахматов и Ф. Ф. Фортунатов // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие : сб. статей к 150-летию со дня рождения ученого / отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. Санкт-Петербург, 2015. С. 183–195.
2. *Климкова Л. А.* Параметры информативности диалектной речи // Лексический атлас русских народных говоров : материалы и исследования, 2011 / ИЛИ РАН. Санкт-Петербург, 2011. С. 86–96.
3. *Кудряшова Р. И.* О специфике сбора материала для ЛАРНГ в переселенческих говорах // Лексический атлас русских народных говоров : материалы и исследования, 1999 / отв. ред. А. С. Герд. Санкт-Петербург, 2002. С. 73–78.
4. *Петерсон М. Н.* Академик Ф. Ф. Фортунатов // Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 1. Москва, 1956. С. 5–16.
5. *Супрун В. И.* Украинцы Волгоградской области // Этнографическая энциклопедия Волгоградской области / гл. ред. М. А. Рыблова. Волгоград, 2017. С. 335–337.
6. *Фортунатов Ф. Ф.* Задачи языковедения и связь его с другими науками // Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 1. Москва, 1956. С. 23–29.
7. *Фортунатов Ф. Ф.* О преподавании грамматики русского языка в средней школе // Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 2. Москва, 1957. С. 427–462.
8. *Фортунатов Ф. Ф.* Язык и наречия // Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 1. Москва, 1956. С. 63–83.

Н. В. МАРКОВА©

Петрозаводский государственный университет, Россия
markova_nina@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЗАОНЕЖСКОГО ФОЛЬКЛОРНОГО ИДИОЛЕКТА

В статье рассматривается роль синтаксических особенностей в былинных текстах, записанных в первой половине XX в. от заонежской сказительницы, с учетом особенностей грамматической системы местного говора. В идиолекте отмечена выделительная функция свойственных говорам Заонежья синтаксических архаизмов.

Ключевые слова: фольклорная диалектология, фольклорный идиолект, синтаксические диалектные различия.

Markova Nina Vladimirovna, Petrozavodsk State University, Russia

markova_nina@mail.ru

Peculiarities of syntactic system in one folk idiolect

The article is devoted to the linguistic investigation in folk language. There is the analysis of dialect syntactic peculiarities in folk epic poetry, written after one dialect poet. The most ancient dialect features are regularly used by songstress in her epic songs.

Keywords: folk dialectology, folk idiolect, syntactic differences.

Эпическая традиция Заонежья, запечатленная во второй половине XIX в. П. Н. Рыбниковым и А. А. Гильфердингом, сохраняется и в 30–40-е гг. XX в. [15, с. 31]. Героические былины, записанные в короткий промежуток между двумя мировыми войнами, не утратили своей художественной силы и сегодня поражают необычайной символичностью образов и сюжетов. Особый интерес представляет идиостиль, идиолект отдельных народных исполнителей раннего советского периода.

От заонежской сказительницы 1862 г. рождения Ирины Андреевны Степановой записано несколько былин. Шесть текстов впервые были опубликованы лишь полвека спустя [*Русские эпические песни Карелии* – РЭПК], в XXI в. переизданы четыре и дополнены еще двумя записями [*Былины Заонежья* – БЗ]. Таким образом, к настоящему времени широкому читателю доступны две былины об Илье Муромце в записях 1935 и 1940 гг., а также былины про Добрыню, Вольгу, Дюка, Чурилушку, Соломона, Софею. Провести границу между фольклорным и местным идиолектом сказителя достаточно сложно [9, с. 42], однако выделить диалектные черты в текстах былин представляется важным и во многом показательным, поскольку фольклорный идиолект предполагает наличие как типичных, устойчивых черт в былинном тексте, так и индивидуальных особенностей в их интерпретации [1].

Несмотря на то что былины в исполнении И. А. Степановой, по мнению фольклористов, не вполне соответствуют заонежскому канону [9, с. 572–574], в языковом отношении они весьма выразительны – в привлечении отдельных выражений и описательных оборотов, выходящих за границы «фольклорной синонимии» [12, с. 9], вероятно, под влиянием городского просторечия: *Дураки меж нами не водятся* БЗ, 297, 304; *Захотелось ёму позавтракать, Сварил себе кашецьки, Позавтракал, стал сон держать* БЗ 254; *Видли, Илья как на коня-то сел, Не видли, куда поездку дал* БЗ 252. Оборот *поездку дал* используется наряду с традиционными деепричастными формами, правда, с некоторым расширением: *Видли-то молодца сядучи, не видли удалого, куды поедучи* БЗ 316 – ср. у П. И. Рябинина-Андреева: *Только видели Добрыню сядучи, А не видели его поедучи* БЗ 117. На замену И. А. Степановой «былинных стереотипов» на просторечно-бытовые выражения обратили внимание фольклористы [9, с. 557]. Влияние книжных текстов, по мнению исследователей, также сказалось на творчестве заонежской сказительницы и в выборе слова, и в изложении последовательности событий [14, с. 278].

Существенный интерес представляет «фольклорная грамматика». Хотя в эпических песнях, исполненных И. А. Степановой, отчетливо проявляются особенности местного говора: в именном и глагольном формообразовании, в словосочетании, в структуре предложений, – некоторое своеобразие наблюдается в их отборе.

Для онежских былин традиционна форма обращения героя к жене: *«Как пьешь до дна – дак увидишь добра»* РЭПК 98. В текстах от И. А. Степановой, как и в былинах, записанных в Заонежье в XIX в. [6, с. 112], при преобладании общерусских оборотов с глаголом сов. вида и род. падежом со значением большого количества (*сена накосил и стогов наметал* БЗ 270) широко используются глаголы, сохраняющие старое управление род. падежом: *Поглядите моей добычи богатырской* БЗ 258, РЭПК 64, 78; *Стала его просить, гля детей пощады дать* БЗ 276. При этом, по сравнению с текстами XIX в., доля рефлексов супинной конструкции сокращается до единичных фактов: *А коня спустил травы пощипать* БЗ 274; *Они ставили коней... Есть пшены да белояровой* РЭПК 91; *А пойдете-ко мы в горьницы Хлеба-соли кушати* БЗ 258.

К устойчивым былинным формулам относятся и глагольные конструкции с номинативным объектом типа *дума думать, голова рубить, стрелочка стрелять* [3]. Традиционный церковно-книжный оборот *душа спасать* [7, с. 180] сохраняется в языке фольклора и в севернорусских говорах [12, с. 476–491], отмечен он и в старине об Илье Муромце, записанной в 1935 г. от И. А. Степановой: в минуту испытания, смертельной угрозы герой обращается с просьбой к пленившим его князьям-боярам: *А дайте мне книгу Явангелия, Штобы было мне зачим душа спасать*. БЗ, 260; РЭПК 66. Древняя инфинитивная конструкция с номинативным объектом повторяется в обоих вариантах.

Столь же значим объектный номинатив при инфинитиве переходного глагола и в былине о Вольге. Великая сила Микулы Селяниновича раскрывается в центральном эпизоде с сохой, когда в ответ на приглашение могучего Вольги с его богатырями поехать с ними «за полуцькамы» Микула предлагает богатырям: *«Гля всякого проезжего Сошка с бороздки **повыдернуть**, Пыль с омешиков **повытряхнуть** И за ракитов куст сошку **зашвыривать**»* БЗ 284. Продемонстрировать мощь крестьянина, сделать акцент на орудии землешца, бросившего вызов могучим богатырям, для которых *сошка* оказалась неподъемной и которым пришлось признать превосходство *Ратая Ратаюшко* в силе, призван древнерусский оборот.

Архаичные формы глагола также, на наш взгляд, используются особым образом. Простое предложение в записях былин от И. А. Степановой представлено разными типами односоставных и двусоставных конструкций. Преобладают предложения с номинативным подлежащим и простым глагольным сказуемым, диалектные формы настоящего/будущего времени которого представлены двумя вариантами флексий 3-го лица: окончаниями без *-т* и стяженными окончаниями. В записи былины об Илье 1935 г. отмечено 60 общерусских форм 3-го лица, 17 окончаний без *т* и *7* – стяженных. Окончания 3-го лица ед. и мн. числа без *-т* не кажутся случайными, когда повторяются в повествовании о поступках былинного героя, стороннем взгляде на его впечатляющий облик, действиях отдельных персонажей, судьбоносных предвидениях:

Куды **махне**, падут улицьмы БЗ 253; Куда **махне** – улица БЗ 261; Тут Илья крес **кладе** по-писаному, Поклон **веде** по-ученому, Князю со кнегиною поклон **веде** в особину БЗ 257;

«Наи-то батюшка **едя**; «А **еде** мужичица деревенцина БЗ 256; Как **увидя** красны девушки; А как **увидя** молодушки БЗ 250; А **белея** под Ильюшенькой белой конь БЗ 252;

Там мужики-то подорожнии **прося** деньги подорожнии; Соишку **вертя**, **вертя**, А выдернуть не могут два богатыря РЭПК 57; За столом **сидя** все князи-бояры БЗ 257;

А гехать Васютки полы долги, На борьбы полы заплетутсе, **Погине** напрасно. Ехать Гришки роду боярского... И **погине** напрасно; Ихать Олёши Попович(у)... И **погиня** напрасно БЗ 265266; «Кому гроб этот **буде** впору? БЗ 262.

По своей значимости и частоте употребления древнейшим окончаниям без *-т* уступают стяженные окончания, ограниченные формой 3-го лица ед. числа глаголов I спряжения: *Не ясный сокол **вылетыват**, Не млад воронёнок **выпархиват**, А **выпархиват** Сбут королевич* БЗ 254; 601. При этом в записи 1935 г. наблюдается варьирование диалектных форм: «Одной рукой Палицю **выкидывая**, саблю **вымётывая**, Другой рукой **подхватывая** – Одной рукой палицю **выкидыват**, Саблю **выметыват**, Другой рукой **подхватыват**. БЗ 266. Однако в записях 1940 г. отмечаются только формы со стяженными окончаниями. Интересно, что в современных говорах Заонежья до сих пор фиксируются обе диалектные флексии [4, с. 64].

Существенную роль играют в былине причастные конструкции с перфектным значением. Активно используются исполнительницей общерусские двусоставные предложения со сказуемым – кратким страдательным причастием прошедшего времени от переходных глаголов: *Ведь у Добрынюшки с Горынищо **заповедь положена**, Он возьмет Забавушку без борьбы, без кроволития* РЭПК 87; *У нас **заповедь была положена**: Тебе не ездить во чисто поле* РЭПК 89; «У меня бусурманьско **отплодь** все **переколоцёно**» БЗ 259; РЭПК 65; *Все местецька **перезаняты*** БЗ 259. Регулярно используется в причастных конструкциях частотный в современных говорах субъектный детерминант *у +* род. падеж в его диалектном значении – чистого агенса, без элемента посессивного значения [11, с. 139]. Причастные формы от непереходных глаголов, характерные для части онежских говоров, представлены в фольклорном идиолекте единственным – двусоставным – предложением, подтверждающим, что говоры Заонежья являются зоной распространения конструкций типа *он жененось, мы перееханы* – новообразования последних веков [4, с. 67]: *У нас есть еще конь дедковской, Дверь по пояс занавожена, По колену **ноги** в навоз **зароцены** (заростить 'зарасти')* РЭПК 88.

В идиолекте И. А. Степановой нашли отражение частотные в заонежских говорах безличные предложения с предикативными формами на *-но, -то*, мотивированные как переходными, так и непереходными глаголами. Называющие действие, предшествующее последующему, они объясняют ход событий, положение дел и указывают на знаки судьбы: *Во всех краях **побывано**, А Святогорушка **не видано*** БЗ 262; РЭПК 65; «*Ведь во всех краях **побывано**, А во Киеве не **бывано**, Князя светлаго Владимира **не видано**» РЭПК 79. «*Рад бы, рад бы я остаться во своему дому, Утешить твою старость беспомощную. Дак ведь мне самым Господом **назначено**, У апостолов **написано**» БЗ 272; РЭПК 74; *На камушки **написано** ...* РЭПК 75; *А на бою тебе смерти **не сказано*** РЭПК 73; «*А богатства крестьянскому сыну не надобно, А с женою мне жить **не удумано*** БЗ 273; «*А мне, крестьянскому сыну, казна золота не надобна, А с деткамы жить **не удумано**» РЭПК 63. Предложение может быть распространено объектом (*не видано князя, не удумано жить*), субъектным или обстоятельственным детерминантом (*у апостолов написано, во Киеве не бывано*). Как и в современных говорах, в былинных записях страдательный элемент причастных форм на *-но, -то* переходных глаголов в безличных конструкциях приглушен, у причастий от непереходных глаголов – отсутствует. При этом интересно, что в записях от И. А. Степановой нет таких экзотических форм, как *наехано, побратанось*, зафиксированных в фольклорных текстах с этой территории в XIX в. [5].***

И. А. Степанова использует единичные двухкомпонентные конструкции с формой им. и вин. падежа при предикативе, известные многим русским говорам [5, с. 126–127]: *А эти **шутки** нам не **надобно*** БЗ 258; *Нада **божсья помоць*** БЗ 284.

Как видим, фольклорный идиолект И. А. Степановой в записях 1935 и 1940 гг. содержит целый ряд грамматических черт, характерных для говоров Заонежья. Исполнительница отдает предпочтение архаичным морфологическим формам и древним синтаксическим конструкциям, что вполне соответствует природе языка былин: «в эпических песнях сохранились устаревшие слова и их формы, синтаксические конструкции, давно исчезнувшие фонетические и другие особенности» [8, с. 78]. Примечательна роль архаических диалектизмов в устойчивых повторах, характеризующих действия главных персонажей (*куды махне, падут улицьмы*), в ключевых фразах (*соишка повыдернуть, душа спасать*). Жителей Заонежья в целом отличает уважение к старине, традиционной культуре, а сохранение в местных говорах древних форм – фактор, сдерживающий бурное развитие аналитических тенден-

ций в диалектном языке. Интересно, что былины в исполнении И. А. Степановой не содержат резких диалектных различий, зафиксированных в былинных записях XIX в., таких как *конямь поменянось, посватать невесты* и др., по-видимому, исполнительница избегала их в эпическом повествовании.

Диалектные различия в фольклорном идиолекте представлены в основном синтаксически значимыми именными и глагольными формами, сохраняющимися и в современном заонежском диалекте. Вероятно, повседневная бытовая речь исполнительницы отличалась более ярким местным колоритом, а выявленные в текстах особенности лишь частично отражают грамматическую систему говора.

Список источников

- РЭПК* – Русские эпические песни Карелии / изд. подгот. Н. Г. Черняева. Петрозаводск : Карелия, 1981. 310 с.
БЗ – Былины Заонежья / сост.: В. П. Кузнецова, А. С. Лызлова, Е. В. Марковская. Петрозаводск : Изд-во КарНЦ РАН, 2018. 638 с.

Список литературы

1. *Бобунова М. А.* Методология выявления «фольклорных диалектов» : словарь языка фольклора об идиолектной и диалектной дифференцированности былинной лексики / М. А. Бобунова, А. Т. Хроленко // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера : материалы IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения – 2003». Петрозаводск, 2003. С. 288–290.
2. *Кузьмина И. Б.* Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. Москва : Наука, 1991. 224 с.
3. *Маркова Н. В.* Глагольные конструкции с номинативным объектом в онежских былинах // Севернорусские говоры 20. Санкт-Петербург, 2021. С. 9–21.
4. *Маркова Н. В.* Грамматические черты заонежского диалекта // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2020. № 1. С. 63–71.
5. *Маркова Н. В.* Квазипассивные причастия в фольклорных текстах XIX века // Научное наследие академика Ф. Ф. Фортунатова и современное языкознание : сб. докладов Междунар. науч.-практ. конф. (13–16 сентября 2004 г.). Петрозаводск, 2004. С. 140–145.
6. *Маркова Н. В.* К истории оборота *посватать невесты* в онежских говорах // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2021. № 2. С. 109–119.
7. *Мещерский Н. А.* О грамматической и стилистической интерпретации выражения *душа спасать* // Севернорусские говоры. Вып. 2. Ленинград, 1975. С. 177–180.
8. *Новиков Ю. А.* Сказитель и былинная традиция. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2000. 374 с.
9. *Новиков Ю. А.* Научный комментарий // Былины Заонежья. Петрозаводск, 2018. С. 555–615.
10. *Правдеников С. П.* Основы фольклорной диалектологии. Курск : Изд-во Курского гос. ун-та, 2010. 230 с.
11. *Трубинский В. И.* Очерки русского диалектного синтаксиса. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1984. 214 с.
12. *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков : историко-диалектологический очерк. Москва ; Ленинград : Наука, 1972. 656 с.
13. *Черняева Н. Г.* О былинных сказителях Карелии // Русские эпические песни Карелии. Петрозаводск, 1981. С. 8–30.
14. *Черняева Н. Г.* Примечания // Русские эпические песни Карелии. Петрозаводск, 1981. С. 261–289.
15. *Чистов К. В.* Русские сказители Карелии. Петрозаводск : Карелия, 1980. 256 с.

Научное издание

ТРЕТЬИ ФОРТУНАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В КАРЕЛИИ

Сборник статей

Редактор *И. И. Куроптева*

Художественный редактор *А. А. Сироткин*

Оформление обложки *Е. Ю. Тихоновой*

Подписано в печать 27.05.2024. Формат 60×90 ¹/₈.
Бумага офсетная. Уч. печ. л. 15,5. Тираж 50 экз. Изд. № 4

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Отпечатано в типографии Издательства ПетрГУ
185910, Петрозаводск, пр. Ленина, 33